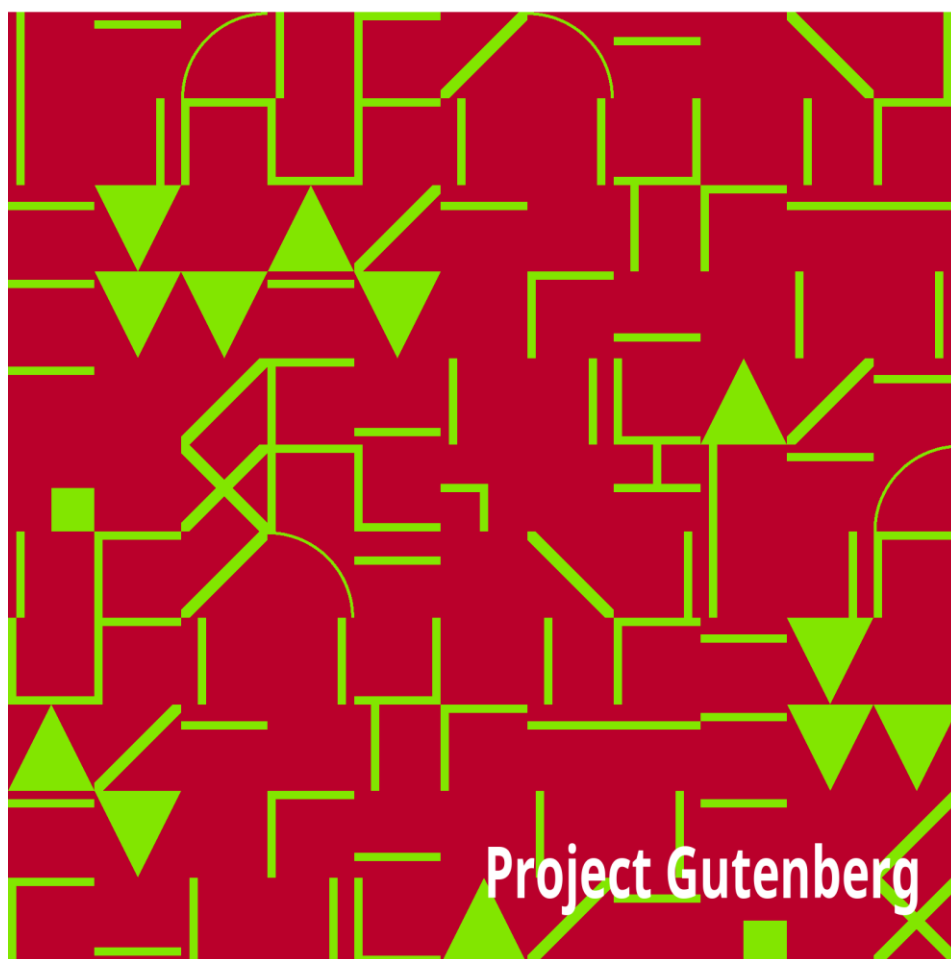

Тевтонская мифология: Боги и богини Северных земель, Том 1

Виктор Ридберг

**Teutonic Mythology: Gods and Goddesses of
the Northland, Vol. 1**

Viktor Rydberg

Электронная книга проекта Гутенберга по тевтонской мифологии: Боги и богини Северных земель, том 1

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Тевтонская мифология: Боги и богини Северных земель, том 1

Автор: Виктор Ридберг

Переводчик: Расмус Бьорн Андерсон

Дата выхода: 29 октября 2011 [Электронная книга № 37876]

Язык: Английский

В титрах: Подготовлено Шарлин Тейлор, Кэти Эрнандес и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом / Американскими библиотеками.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ТЕВТОНСКАЯ МИФОЛОГИЯ: БОГИ И БОГИНИ СЕВЕРНЫХ ЗЕМЕЛЬ", Т. 1 ***

Тевтонская мифология

Боги и богини Северных земель

В ТРЕХ ТОМАХ

Автор: ВИКТОР РИДБЕРГ, доктор философии,

ЧЛЕН ШВЕДСКОЙ АКАДЕМИИ; АВТОР КНИГИ "ПОСЛЕДНИЙ АФИНЯНИН" И ДРУГИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ.

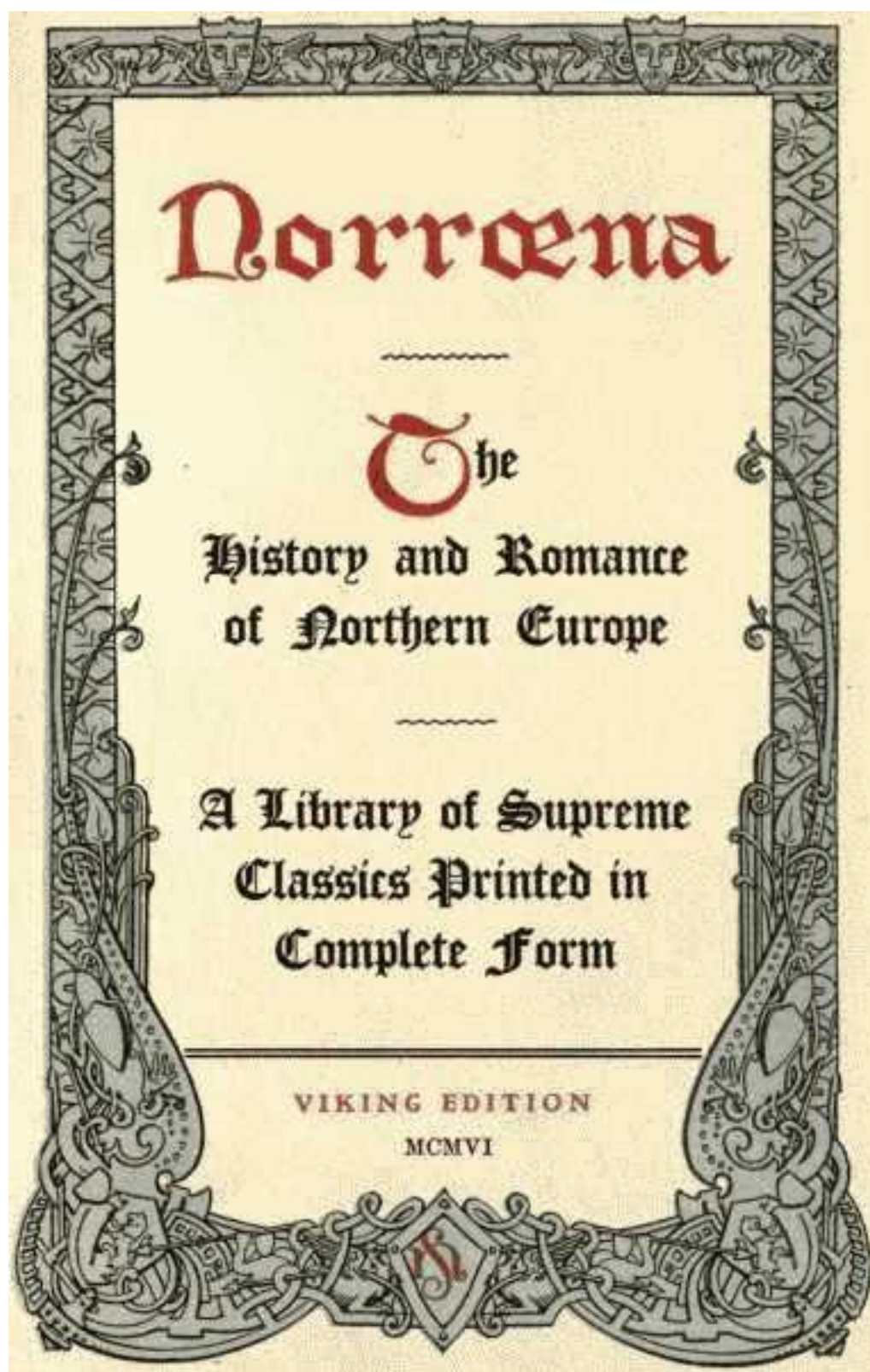
АВТОРИЗОВАННЫЙ ПЕРЕВОД Со ШВЕДСКОГО

АВТОР: РАСМУС Б. АНДЕРСОН, доктор юридических наук, БЫВШИЙ ПОСОЛ СОЕДИНЕННЫХ Штатов В ДАНИИ; АВТОР КНИГ "СКАНДИНАВСКАЯ МИФОЛОГИЯ", "СКАЗКИ ВИКИНГОВ" И ДР.

ДОСТОПОЧТЕННЫЙ РАСМУС Б. АНДЕРСОН, доктор права, доктор философии, ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР. Дж. У. БЬЮЭЛ, доктор философии, УПРАВЛЯЮЩИЙ РЕДАКТОР.

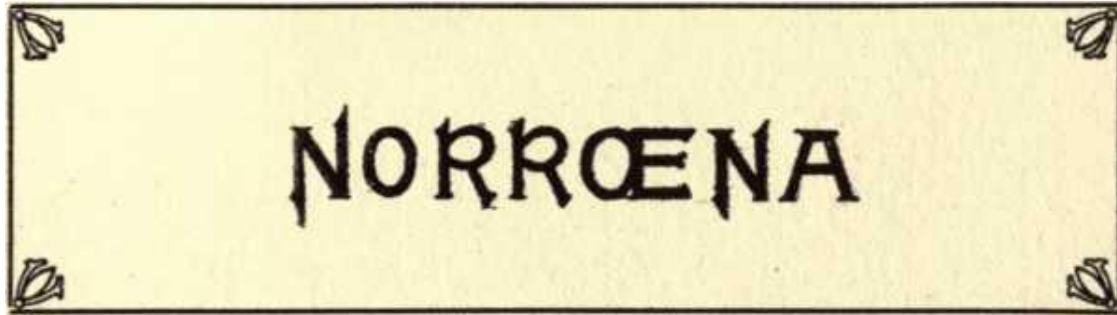
ТОМ I.

ОПУБЛИКОВАНО ОБЩЕСТВОМ Норрана, ЛОНДОН, КОПЕНГАГЕН, СТОКГОЛЬМ, БЕРЛИН, НЬЮ-ЙОРК, 1906

Из издания "Викинг "

В мире изготовлено всего шестьсот пятьдесят комплектов, из которых этот

АВТОРСКОЕ ПРАВО,
Т. Х. СМАРТ,
1905г.

ИДУН, ХЕЙМДАЛЬ, ЛОКЕ И БРАГЕ.

(С гравюры Лоренца Фрелиха.)

Идун была прекрасной богиней, которая в Асгарде хранила яблоки, которые боги ели, чтобы сохранить вечную молодость. Чаще всего ее считают женой Браге.

Хеймдаль, сын девяти матерей, был защитником от великанов моста богов, Бифреста. Трубой он

созвал всех богов вместе во время Рагнарека, когда он и Локи убили друг друга. Он был богом света.

Локе, хотя и был красив по форме, по характеру походил на Люцифера, и поэтому его называли богом разрушения. От великанши Ангербоды у него было трое отпрысков, а именно: змей Мидгарда, волк Фенрис и Хела, последняя стала богиней Хель.

Браге был сыном Одина и, будучи представлен как главный скальд в Валгалле, его называют богом поэзии.

ТЕВТОНСКАЯ МИФОЛОГИЯ.

Содержание.

ТОМ ПЕРВЫЙ.

	Страница
ЧАСТЬ I.	
Введение—Древние арийцы	1
(а) Арийская семья языков	3
Гипотеза азиатского происхождения арийцев	5
Гипотеза европейского происхождения арийцев	15
Арийские земли Европы	20
(б) Древней Teutondom	26
Часть II.	
(а) средневековой миграции саг	32
тройская саги и Младшей Эдде	44
паттерн отношения к истории Трои	47
старше периоды Трой саги	50
История происхождения Троянского происхождения франков	60
один, как вождь Троянского эмиграции	67
материалами исландский Трой Сага	83
результате вышеизложенного расследования	96
(б) Народные традиции Средневековья	99
Саксонского и Швабского миграции Сага	107
Франкского миграции Сага	111
миграции Сага о бургундов	113
Тевтонского эмиграции Сага	119
часть III.	

Мифы о сотворении человека	126
Scef, оригинальный Патриарх	135
Borgar-лежит, второй Патриарх	143
Хальвдан, третий Патриарх	147
Хальвдан вражда с Orvandel и Svipdag	151
Хальвдан личности с Маннус	153
священные руны, извлеченные из Хеймдаль	159
колдовство, обратный священных рун	165
Хеймдаль и богине солнца	167
Локе Вызывает Вражду между Богами и Творцами	171
Хальфдан Идентичен Хельге	180
Конец эпохи мира	185
Война с Героями из Сваринова кургана	194
Обзор мифа о Свипдаге	200
Мировая война и ее причины	204
Миф о Хранителе Меча	213
Разрыв между фургонами Асов. Осада Асгарда	235
Значение мировой войны	252
Война в Мидгарде. Hadding приключения	255
позиций Божественного кланы воинов	262
Hadding поражения	268
Локо наказания	273
оригинальная модель из Bravalla Битва	281
у Дитериха Сага	285

Часть IV.

Миф в том, что касается нижнего мира	306
Гудмунд, короля сверкающей равнины	309
правитель Нижнего Мира	312
Fjallerus и Hadingus в нижнем мире	317
фризском Сага, Адам Бременский	319
Odainsaker и сверкающей равнины	321
выявление Odainsaker	336
Гудмунд личности с Мимер	339
Мимер Роцца	341

СПИСОК ФОТОГРАВИЮР.

	Страница.
ТОМ I.	
Идун, Хеймдаль, Локе и Браге.	Фронтиспис
Тор Бог Грома	122
Thjasse великан в обличье Орла носит Лок	174
один наказывает чудовищного потомства Лок	301
Стокгольм, 20 ноября 1887г.	

Достопочтенный . Расмус Б. Андерсон,
министр Соединенных Штатов,
Копенгаген, Дания.

Уважаемый сэр,

Мне доставляет удовольствие поручить вам перевести на английский язык мою работу, озаглавленную "Исследования по тевтонской мифологии", поскольку я убежден, что для этой задачи нельзя найти никого более квалифицированного, чем вы. Безусловно, никто так глубоко, как вы, не заинтересован в распространении среди наших англосаксонских родственников знаний не только о нашей общей древности, но и о том, какой вклад вносит современная Скандинавия в развитие культуры - в работе, в которой Англия и Соединенные Штаты Америки принимают столь большое участие.

Искренне ваш,

ВИКТОР РЮДБЕРГ.

А. ДРЕВНИЕ АРИИ.

1.

СЛОВА НЕМЕЦКИЙ И ГЕРМАНСКИЙ.

Уже в начале христианской эры римляне и галлы применяли название "германцы" ко многим кланам людей, основным местом обитания которых была обширная территория к востоку от Рейна и к северу от покрытых лесом Герцинских гор. То, что эти кланы составляли одну расу, было очевидно для римлян, поскольку все они имели поразительное сходство по типу телосложения; более того, при более близком знакомстве выяснилось, что все их многочисленные диалекты были вариациями одного и того же родного языка, и, наконец, они походили друг на друга в обычаях, традициях и религии. Характерными чертами физического типа германцев были светлые волосы, голубые глаза, светлый цвет лица и высокий рост по сравнению с римлянами.

Даже авторы саг, у которых римский историк Тацит почерпнул факты для своей книги "Германия" - бесценного труда по истории цивилизации, — знали, что в так называемом Свевийском море, к северу от Германского континента, лежала еще одна важная часть Германии, населенная свионами, народом, разделенным на несколько кланов. Их родственники на континенте описывали их как богатых оружием и флотом, а также воинами на суше и на море (Тас., *Germm.*, 44). Эта северная, опоясанная морем часть Германии называется другими авторами Римской империи Скандинавией—*Scandeia*; и не может быть сомнений, что это название относилось к полуострову, который, насколько можно найти исторические памятники, был заселен предками шведов и норвежцев. Поэтому я включаю в термин "немцы" предков как скандинавских, так и готских и германских (*тискских*) народов. Наука нуждается в четко очерченном собирательном существительном для всех этих родственных отраслей, происходящих от одного и того же корня, и название, под которым они впервые появляются в истории, несомненно, давно было бы выбрано для этой цели, если бы некоторые немецкие авторы не использовали термины "Немецкий" и "дойч" как синонимы. Несомненно, это причина, по которой датские авторы использовали слово "готы" для описания германской нации. Но против этого есть важное возражение, заключающееся в том факте, что на название *готы* исторически претендует определенная ветвь семьи — та ветвь, а именно, к которой принадлежали восточные и западные готы, и во избежание двусмысленности этот термин следует применять исключительно к ним. Поэтому необходимо повторно использовать старое собирательное название, даже если оно не германского происхождения, тем более что существует перспектива того, что более правильное использование слов "немецкий" и "германский" вот-вот восторжествует в самой Германии, поскольку немецкие ученые также ощущают весомость требования, которое наука предъявляет к точной и рациональной терминологии.^[1]

2.

АРИЙСКАЯ СЕМЬЯ ЯЗЫКОВ.

Общеизвестно, что тевтонские диалекты родственны латинскому, греческому, славянскому и кельтскому языкам, и что это родство распространяется даже за пределы Европы на языки Армении, Ирана и Индии. Священные книги, приписываемые Зороастру, которые для жрецов Кира и Дария были тем же, чем Библия является для нас; гимны Ригведы, которые для людей, живущих на берегах Ганга, являются откровенным словом Бога, написаны на языке, который указывает наобщее происхождение с нашим собственным. Однако, в отличие от всех этих родственных языков, которые могли вырасти по прошествии тысячелетий, они все же остаются резко очерченной группой старших и младших сестер по сравнению со всеми другими языковыми группами мира. Даже

Семитские языки отделены от них пропастью, настолько широкой и глубокой, что преодолеть ее едва ли возможно.

Эта наша языковая группа называлась по-разному. Ее называли индогерманской, индоевропейской и арийской семейством языков. Я принял последнее обозначение. Армян, иранцев и индусов я называю азиатскими арийцами; всех остальных я называю европейскими арийцами.

Несомненно то, что у этих родственных языков была общая мать, древняя арийская речь, и что у нее был географический центр, из которого она распространилась. (Под таким древним арийским языком, конечно, не следует понимать язык, стереотипный во всех своих флексиях, подобно литературным языкам более поздних времен, а просто единство тех диалектов, на которых говорили кланы, жившие вокруг этого центра излучения.) Путем сравнения грамматической структуры всех дочерей этой древней матери и с помощью законов, открытых до сих пор в отношении перехода звуков из одного языка в другой, были предприняты попытки восстановить этот первоначальный язык, который много тысяч лет назад перестал вибрировать. Эти попытки, конечно, ни в коем случае не могут претендовать на воспроизведение образа, соответствующего утраченному оригиналу в том, что касается синтаксиса и флексий. Такая задача была бы столь же невыполнимой, как реконструировать на основе всех ныне распространенных языков, производных от латыни, диалект, используемый в Лациуме. Цель состоит просто в том, чтобы представить настолько точное представление о древнем языке, насколько позволяют существующие средства.

В древнейшие исторические времена арийскоязычные народы встречались только в Азии и Европе. Поэтому в поисках центра и первых завоеваний древнего арийского языка ученый может оставаться в пределах этих двух континентов, а в Азии он может не принимать во внимание всю восточную и большую часть южной части, поскольку эти обширные регионы с доисторических времен были заселены монгольскими и родственными племенами и в настоящее время могут рассматриваться как колыбель этих рас. Возможно, нет необходимости напоминать читателю, что вопрос о прародине древнего арийского языка - это не то же самое, что вопрос о колыбели кавказской расы. Белая раса, возможно, существовала и, возможно, была распространена на значительной части старого света до появления языка, обладающего особенностями, присущими арийскому; и это известный факт, что южные части Европы, такие

как греческий и итальянский полуострова, были населены белыми людьми до того, как они были завоеваны арийцами.

3.

ГИПОТЕЗА ОБ АЗИАТСКОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ АРИЕВ.

Когда впервые был поставлен вопрос об изначальной родине арийского языка и расы, не было противоречивых мнений по основному вопросу.^[2] Все, кто хоть сколько-нибудь интересовался проблемой, называли Азию колыбелью ариев. Азия всегда считалась колыбелью человеческой расы. В первобытные времена желтыйлиан монго, черный африканец, американский краснокожий и белокурый европеец жили там бок о бок. Из какого-то общего центра в Азии они распространились по всей поверхности обитаемой земли. Традиции, встречающиеся в литературе различных европейских народов в отношении иммиграции с Востока, подтверждают эту точку зрения. Говорили, что прародители римлян пришли из Трои. Сообщалось, что отцы германцев иммигрировали из Азии во главе с Одином. Здесь же находился первоначальный дом для домашних животных и культурных растений. И когда было сделано поразительное открытие, что священные книги иранцев и индусов были написаны на языках, родственных языкам культуры Европы, когда эти лингвистические памятники обнаруживали богатство флексий, по сравнению с которыми классические языки бледнели, и когда на них, казалось, лежала печать древности, рядом с которой европейские диалекты казались детьми, тогда что могло быть более естественным, чем следующий вывод: первоначальная форма сохранилась на первоначальной родине; чем дальше потоки эмиграции удалялись от этой родины, тем больше они теряли на пути своего языка и унаследованный ими взгляд на мир, то есть на их мифологию, которая у индусов казалась такой оригинальной и простой, как если бы ее орошала роса зари жизни.

Начнем с того, что не было никаких сомнений в том, что сам первоначальный язык, прародитель всех других арийских языков, уже был найден, когда был открыт зенд, или санскрит. О. В. Шлегель в своей работе, опубликованной в 1808 году, *о языке и мудрости индусов*, рассматривал санскрит как прародину арийской семьи языков, а Индию - как изначальную родину арийской семьи народов. Утверждалось, что оттуда в доисторические эпохи были отправлены колонии в другие части Азии и Европы; более того, даже миссионеры отправлялись распространять язык и религию метрополии среди других народов. Соотечественник Шлегеля Линк считал зенд древнейшим языком и прародителем санскрита, а последний он считал прародителем остальных; и поскольку на зен, по его мнению, говорили в Мидии и близлежащих странах, из этого следовало, что высокогорья Мидии, Армении и Грузии были исконной родиной арийцев, точка зрения, которая преобладала среди ведущих ученых того времени, таких как Анкетиль-Дюперрон, Гердер и Хеерен, и нашла место в учебниках истории, использовавшихся в школах с 1820 по 1840 год.

С тех пор как Бопп опубликовал свою эпохальную сравнительную грамматику, иллюзия открытия арийского родного языка, конечно, постепенно уступила место убеждению, что все арийские языки, включая зендский и санскрит, были родственниками равного происхождения. Это также повлияло на теорию о том, что персы или индусы были исконными народами и что колыбель нашей расы следует искать в их домах.

С другой стороны, было обнаружено, что индуистские писания содержат свидетельства того, что в течение столетий, в течение которых было создано большинство песен Ригведы, индуистские арийцы владели только Кабулистаном и Пенджабом, откуда, либо изгнав, либо подчинив более древнее черное население, они продвинулись к Гангу. Их социальное положение все еще было полукочевым, по крайней мере в том смысле, что их главной собственностью были стада, и вражда между кланами имела целью отнятие таких владений друг у друга. Оба эти факта указывали на то, что эти арийцы были иммигрантами на Индийский полуостров, но не аборигенами, поэтому их исконную родину следует искать в другом месте. Сильное сходство, обнаруженное между зендом и санскритом и делающее эти диалекты отдельным подразделением в арийской семье языков, теперь, поскольку мы научились рассматривать их как родственные языки, должно интерпретироваться как доказательство того, что народ зенд, или иранцы, и народ санскрит, или индусы, были в древние времена одним народом с общей страной, и что этот союз, должно быть, продолжал существовать еще долго после того, как европейские арийцы отделились от них и мигрировали на запад. Когда затем был задан вопрос, где находилась эта индоиранская колыбель, считалось, что ответ можно найти в главе Авесты, на которую немецкий ученый Род обратил внимание еще в 1820 году. Ему показалось, что это относилось к миграции из более северной и холодной страны. В отрывке говорится о шестнадцати странах, созданных источником света и добра Ормуздом (Ахура Мазда), и о шестнадцати бедствиях, вызванных источником зла Ариманом (Ангра Майнью), чтобы уничтожить работу Ормузда. Первая страна была раем, но Ариман разрушил ее холодом и изморозью, так что в ней было десять месяцев зимы и только два лета. Вторая страна, в названии которой была признана Согдиана, стала непригодной для жизни Ариманом из-за вредителя, уничтожившего домашних животных. Ариман сделал третий (который, кстати, был признан Мервом) невозможным в качестве жилища из-за непрекращающихся войн и грабежей. Таким образом, перечисляются тринадцать других стран с частично узнаваемыми названиями, созданных Ормуздом, и тринадцать других бедствий, вызванных Ариманом. Точка зрения Рода о том, что эти шестнадцать регионов были станциями миграции индоиранского народа из их первоначальной страны, стала общепринятой, и считалось, что путь миграции теперь можно проследить обратно через Персию, Бактрию и Согдиану вплоть до первого региона, созданного Ормуздом, который, соответственно, должен был располагаться во внутренних горных районах Азии, вокруг истоков Яксарта и Окса. Причина эмиграции отсюда была найдена в утверждении, что, хотя Ормузд сделал эту страну приятным местом жительства, Ариман разрушил ее морозом и снегом. Другими словами, предполагалось, что первоначально в этой части Азии была более высокая температура, которая внезапно или постепенно стала ниже, поэтому жители сочли необходимым искать новые дома на Западе и Юге.

Точка зрения о том, что истоки Оксуса и Яксарта являются исконной родиной ариев, даже сейчас является преобладающей или, по крайней мере, наиболее широко принятой, и со времен Рода ее поддерживали и развивали несколько выдающихся ученых. Затем Юлиус В. Клапрот указал, уже в 1830 году, что среди множества названий различных видов деревьев, встречающихся в Индии, есть одно, которое у них есть общего с другими арийскими народами, и это название березы. В Индии произрастает много видов деревьев, которые не растут в Центральной Азии, но береза встречается как у истоков Оксуса и Джаксарта, так и на южных отрогах Гималаев. Если арийские индусы иммигрировали с высокогорий Центральной Азии в регионы, через которые Инд и Ганг ищут свой путь к морю, то естественно, что когда они находили на своем пути новые неизвестные виды деревьев, тогда они давали этим деревьям

новые названия, но когда они обнаруживали дерево, с которым они были давно знакомы, тогда они применяли к нему старое знакомое название. М-р Лассен, великий исследователь индуистских древностей, дал новые основания теории о том, что арийские индусы были иммигрантами, которые через западный перевал Гиндукуш и через Кабулистан пришел в Пендшаб, а оттуда медленно оккупировал Индийский полуостров. То, что их первоначальным домом, как и домом их иранских сородичей, была та часть высокогорья Центральной Азии, на которую указал Род, подтверждается тем обстоятельством, что там даже в настоящее время можно найти остатки народа, так называемых таджиков, говорящих на иранских диалектах. Согласно Лассену, их следовало рассматривать как прямых потомков первоначального арийского народа, которые остались на своей первоначальной родине, в то время как другие части того же народа мигрировали в Бактрию или Персию и стали иранцами, или мигрировали в Пендсхаб и стали индусами, или мигрировали в Европу и стали кельтами, греко-итальянцами, германцами и славянами. Якоб Гримм, чье имя всегда будет с честью называться великим первопроходцем в области тевтонских древностей, придерживался того же мнения; и вся эта школа ученых, находившихся под влиянием романтизма и философии Шеллинга, поспешила добавить к реальной поддержке теории, которую искали в этнологических и филологических фактах, поддержку со стороны законов естественной аналогии и поэзии. Говорили, что горный хребет является естественным водоразделом. Из его источников ручьи текут в разных направлениях и орошают равнины. Точно так же высокогорья Центральной Азии были разделителем арийских народных потоков, которые через Бактрию искали свой путь на равнины Персии, через горные перевалы Гиндукуша в Индию, через земли к северу от Каспийского моря к обширным равнинам современной России и так далее в более привлекательные регионы Западной Европы. Солнце восходит на востоке, *ex oriente lux*; высокоодаренная раса, которая должна была основать европейские нации, под руководством Провидения, подобно солнцу, прошла свой путь с востока на запад. При более широком взгляде на предмет было обнаружено, что между видимым движением солнца и реальными миграциями людей существует мистическая гармония. Умы людей, живущих в Центральной и Восточной Азии, казалось, были проникнуты странным инстинктивным стремлением. Арийские народные потоки, которые в доисторические времена наводняли Европу, были в этом отношении предшественниками орд гуннов, хлынувших из Азии, и которые в четвертом веке дали толчок тевтонским миграциям, и монгольских орд, которые в тринадцатом веке вторглись на наш континент. Самими европейцами руководит тот же инстинкт следовать за движением солнца: они в огромных количествах устремляются в Америку, и эти народные волны разбиваются друг о друга на побережьях Тихого океана. "У груди нашей азиатской матери, - так воскликнул, в согласии с романтической школой, ученый с неплохими лингвистическими познаниями, — у груди нашей азиатской матери отдыхали арийские народы Европы; вокруг нее, как своей матери, они играли детьми. Там или нигде есть игровая площадка; там или нигде нет спортивного зала для первых физических и интеллектуальных усилий арийской расы".

Теория о том, что колыбель арийской расы находилась в Центральной Азии, недалеко от истоков Инда и Джаксарта, едва ли была опровергнута в 1850 году, и, казалось, была обеспечена на будущее большим количеством выдающихся и блестящих имен, которые присоединились к ней. Теперь ощущалась необходимость прояснить порядок и детали этих эмиграций. Весь свет, который можно было бы пролить на этот предмет, должен был исходить из филологии и географии растений и животных. Первым автором, который таким образом и указанными средствами попытался представить подробные доказательства того, что древняя

арийская земля располагалась вокруг реки Оксус, был Адольф Пикте. Там, по его утверждению, арийский язык сформировался из более древних неарийских диалектов. Там арийская раса, вследствие своего распространения по Бактрии и соседним регионам, разделилась на ветви различных диалектов, которые там, на ограниченной территории, поддерживали те же географические отношения друг с другом, какие они поддерживают друг с другом в настоящее время на другой и гораздо большей территории. На Востоке жила кочевая ветвь, которая позже поселилась в Индии; на Востоке тоже, но дальше на север, эта ветвь пасла свои стада, которые впоследствии стали иранскими и овладели Персией. К западу от предков арийских индусов обитала ветвь, которая позже появилась как греко-итальянцы, а к северу от последних были общие прародители германцев и славян. На крайнем Западе жили кельты, и они также были первыми эмигрантами на Запад. За ними более северным путем в Европу двинулись предки германцев и славян. Последними в этом шествии в Европу были предки греко-италийцев, и по этой причине их языки сохранили больше сходства с языками индоиранцев, мигрировавших в Южную Азию, чем с языками других европейских ариев. В пользу такой точки зрения Пикте приводит ряд причин. По его словам, словарь, общий для более или менее арийских ветвей, сохраняет названия минералов, растений и животных, которые встречаются в этих широтах и в тех частях Азии, которые он называет исконной арийской страной.

Немецкий лингвист Шлейхер в некоторой степени обсуждал ту же проблему, что и Пикте, в серии работ, опубликованных в пятидесятых и шестидесятых годах. То же самое сделал известный немецко-английский ученый Макс Мюллер. Теория Шлейхера, вкратце изложенная, заключается в следующем: арийская раса возникла в Центральной Азии. Там, в самой древней арийской стране, на протяжении многих поколений говорили на исконном арийском языке. Народ размножался и расширял свою территорию, и в различных частях страны, которую они занимали, язык принимал различные формы, так что до начала великого переселения народов существовало по крайней мере два разных языка. В качестве главной причины эмиграции Шлейхер считает тот факт, что примитивное земледелие, которым занимались арийцы, включая выжигание лесов, истощало почву и оказывало негативное влияние на климат. Принципы, которые он заложил и пытался отстаивать, были следующими: (1) Чем дальше на Восток проживает арийский народ, тем больше он сохранил особенностей первоначального арийского языка. (2) Чем дальше на Запад находится язык арийского происхождения и дочерний народ, тем раньше этот язык был отделен от материнского языка и тем раньше этот народ отделился от первоначальной группы. Макс Мюллер придерживается общепринятой точки зрения относительно азиатского происхождения арийцев. Главное различие между ним и Шлейхером заключается в том, что Мюллер предполагает, что арийский язык изначально разделился на азиатскую и европейскую ветви. Соответственно, он считает, что все арийско-европейские языки и все арийско-европейские народы произошли от одной европейской ветви, в то время как Шлейхер предполагает, что вначале разделение привело к появлению тевтонской и латино-славянской ветвей, с одной стороны, и индоиранской, греко-италийской и кельтской ветвей - с другой.

Этот взгляд на происхождение ариев едва ли встречал какое-либо противодействие, когда мы вступили во вторую половину нашего столетия. Мы могли бы добавить, что в этом почти перестали сомневаться. Теория о том, что арийцы расселились в Азии, казалось, была установлена как исторический факт, подкрепленный массой этнографических, лингвистических и исторических аргументов и подтвержденный множеством блестящих научных имен.

ГИПОТЕЗА О ЕВРОПЕЙСКОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ АРИЕВ.

В 1854 году впервые прозвучал голос сомнения. Скептиком был английский этнолог по имени Лэтем, который много лет провел в России, изучая аборигенов этой страны. Лэтем не желал признавать, что хотя бы одна из многих причин, приведенных в пользу азиатского происхождения нашей языковой семьи, была убедительной или что совокупный вес всех приведенных причин равнялся реальному доказательству. Он настаивал на том, что те, кто с самого начала рассматривал этот вопрос, упустили из виду правила логики и что при объяснении факта ошибочно принимать слишком много посылок. Великий факт, который напрашивается сам собой и который необходимо объяснить, заключается в следующем: есть арийцы в Европе и есть арийцы в Азии. Большая часть арийцев проживает в Европе, и здесь исходный язык разделился на наибольшее количество идиом. От главного арийского ствола в Европе только две ветви тянутся в Азию. Северная ветвь - это новое творение, состоящее из русской колонизации из Европы; южная ветвь, то есть ирано-индуистская, с другой стороны, является доисторической, но все еще росла на заре истории, и тогда эта ветвь росла с Запада на Восток, от Инда к Гангу. Когда отсутствуют исторические факты, свидетельствующие об обратном, тогда корни великой семьи языков, естественно, следует искать в почве, которая поддерживает ствол и находится в тени кроны, а не под концами самых дальних ветвей. Основная масса монголов проживает в Восточной Азии, и именно по этой причине Азия считается исконной родиной монгольской расы. Огромная масса арийцев живет в Европе, и жили они там с тех самых пор, как история проливает луч света. Почему же тогда не применить к арийцам и Европе те же выводы, которые справедливы в случае с монголами и Азией? И почему бы не применить к этнологии те же принципы, которые неоспоримо признаются в отношении географии растений и животных? Разве мы не ищем в ботанике и зоологии изначальный дом и центр вида, где он проявляет наибольшую жизнеспособность, наибольшую способность к размножению и созданию разновидностей? Эти вопросы, заданные Лэтемом, некоторое время оставались без ответа, но в конце концов они привели к более тщательному изучению обоснованности азиатской гипотезы.

Суть протеста Лэтема заключается в том, что вопрос был решен в пользу Азии без рассмотрения другой возможности, и что при таком рассмотрении, если бы оно было предпринято, с самого начала оказалось бы, что другая возможность, то есть европейское происхождение арийцев, более правдоподобна, по крайней мере, с точки зрения методологии.

Это возражение английского ученого не вызывало отклика в течение многих лет, и, похоже, на него смотрели просто как на проявление той склонности к эксцентричности, которую мы привыкли приписывать его национальности. Он повторил свой протест в 1862 году, но прошло еще пять лет, прежде чем это, по-видимому, произвело какое-либо впечатление. В 1867 году знаменитый лингвист Уитни выступил не для того, чтобы защитить теорию Лэтема о том, что Европа является колыбелью арийской расы, а просто для того, чтобы развеять широко распространенное заблуждение о том, что наука о языках продемонстрировала азиатское происхождение арийцев. Как уже указывалось, именно Адольф Пикте дал первый толчок этой иллюзии в своем великом труде "*Происхождение индоевропейцев*". Еще до Уитни немцы Вебер и Кун, не критикуя азиатскую гипотезу, показали, что большинство аргументов Пикте не смогли доказать то, для чего они были предназначены. Теперь пришел Уитни и опроверг их все без

исключения, и в то же время он подверг критике предположение, сделанное Родом и до того времени общепринятое, что запись об арийской эмиграции с высокогорий Центральной Азии можно найти в той главе Авесты, где говорится о шестнадцати землях, созданных Ормуздом для блага человека, но которые Ариман уничтожил шестнадцатью различными бедствиями. Авеста ни единым словом не указывает на то, что первая из этих земель, которую Ариман разрушил снегом и морозом, должна рассматриваться как исконная родина иранцев или что они когда-либо в прошлом эмигрировали с какой-либо из них. Предположение о том, что в этом географическом мифологическом наброске скрывается исторически ценный отчет о миграции, является всего лишь предположением, и все же оно было положено в основу гипотезы о Центральной Азии как отправной точке арийцев, на которой так уверенно строились в течение многих лет.

В следующем, 1868 году, выдающийся немецкий лингвист - мистер Бенфей — выступил вперед и определенно встал на сторону Латама. С самого начала он заметил, что до сих пор геологические исследования обнаруживали древнейшие следы существования человека в почве Европы, и что до тех пор, пока это так, нет ни одного научного факта, который мог бы подтвердить предположение, что нынешняя европейская популяция иммигрировала из Азии после четвертичного периода. Родные языки многих диалектов, на которых с незапамятных времен говорили в Европе, с таким же успехом могли возникнуть на этом континенте, как родные языки монгольских диалектов, на которых сейчас говорят в Восточной Азии, возникли там, где сейчас живут их потомки. То, что арийский праязык возник в Европе, а не в Азии, Бенфей установил, вероятно, на следующих основаниях: в Азии львы даже в настоящее время водятся так далеко на севере, как древняя Ассирия, а тигры совершают набеги на высокогорья Западного Ирана, вплоть до берегов Каспийского моря. Эти огромные хищные звери известны и получили названия даже у азиатских народов, живущих к северу от их местообитаний. Следовательно, если бы древние арии жили в стране, которую посещали эти животные, или если бы они были их соседями, у них, несомненно, были бы названия для них; но мы обнаруживаем, что арийские индусы называют льва словом, образованным не от арийского корня, и что арийские греки заимствовали слово лев (*лис*, *леон*) из семитского языка. (Однако по этому поводу мнения разделились.) Более того, арийские языки заимствовали слово "верблюд", которым называют главное вьючное животное в Азии. Родиной этого животного является Бактрия, или именно та часть Центральной Азии, в окрестностях которой предпринимались попытки обнаружить колыбель арийского языка. Бенфей считает, что древняя арийская страна располагалась в Европе, к северу от Черного моря, между устьем Дуная и Каспийским морем.

С момента представления этого аргумента выступили несколько защитников европейской гипотезы, среди них Гейгер, Куно, Фридр. Мюллер, Шпигель, Пеше, а совсем недавно Шрейдер и Пенка. Работа Шрейдера, *Sprachvergleichung und Urgeschichte*, содержит превосходный общий обзор истории вопроса, оригинальный вклад в его решение и критическое, но осторожное мнение относительно его нынешнего положения. Во Франции европейская гипотеза также нашла много приверженцев. Гейгер действительно обнаружил, что колыбель арийской расы следует искать гораздо дальше к западу, чем предполагали Бенфи и другие. Его гипотеза, основанная на данных "Географии растений", помещает древнюю арийскую землю в Германии. Осторожный Шредер, который не любит иметь дело с домыслами, считает этот вопрос нерешенным, но он взвешивает аргументы, представленные различными сторонами, и приходит к выводу, что сторонники европейского происхождения арийцев сильнее, но они не

являются окончательными. Сам Шредер благодаря своим лингвистическим и историческим исследованиям пришел к выводу, что арийцы, хотя они все еще были единым народом, принадлежали к каменному веку и еще не познакомились с использованием металлов.

5.

АРИЙСКАЯ ЗЕМЛЯ ЕВРОПЫ.

По одному вопросу — и для нашей цели это самый важный — сторонники обеих гипотез приблизились друг к другу. Лидеры защитников азиатской гипотезы перестали рассматривать Азию как колыбель всех диалектов, на которые был разделен древний арийский язык. В то время как они цепляются за теорию о том, что арийские жители Европы иммигрировали из Азии, они почти полностью перестали утверждать, что эти народы еще до своего отъезда со своей восточной родины были настолько отчетливо разделены лингвистически, что было необходимо представить, что некоторые ветви расы говорили по-кельтски, другие по-тевтонски, третьи, опять же, по-греко-итальянски, еще до того, как они пришли в Европу. Преобладающее мнение среди сторонников азиатской гипотезы в настоящее время, несомненно, состоит в том, что арийцы, иммигрировавшие в Европу, образовали одну однородную массу, которая постепенно на нашем континенте четко разделилась на кельтов, германцев, славян и греко-итальянцев. Таким образом, приверженцы обеих гипотез смогли согласиться с тем, что *существовала европейско-арийская страна*. И вопрос о том, где он был расположен, имеет самое важное значение, поскольку он тесно связан с вопросом *о первоначальной родине тевтонов*, поскольку предки тевтонов, должно быть, населяли эту древнюю европейско-арийскую страну.

Филология попыталась ответить на первый вопрос, сравнив все слова всех арийско-европейских языков. Эта попытка сопряжена со многими препятствиями, которые необходимо преодолеть; ибо, как заметил Шрейдер, древние слова, которые сегодня являются общими для всех или нескольких из этих языков, предположительно являются простым остатком древнего европейско-арийского словаря. Тем не менее, таким образом можно прийти к важным результатам, если мы будем делать выводы из оставшихся слов, но постараемся не делать выводов из того, чего не хватает.

Мнение, полученное таким образом, вкратце излагается следующим образом:

Арийская страна Европа была расположена в широтах, где снег и лед являются обычным явлением. Люди, эмигрировавшие оттуда в более южные края, не забыли ни того, ни другого названия этих явлений. На сравнительно северную широту указывает также то обстоятельство, что древние европейские арии признавали только три времени года — зиму, весну и лето. Такое деление года сохранялось у германцев даже во времена Тацита. Для осени у них не было названия.

Множество слов для обозначения гор, долин, ручьев, общих для всех языков, показывают, что европейско-арийская земля не испытывала недостатка в возвышенностях, скалах и текущих водах. И это не была безлесная равнина. Об этом свидетельствуют многие названия деревьев. Деревья здесь - ель, береза, ива, вяз, бузина, орешник и бук под названием *bhaga*, что означает дерево с съедобными плодами. От этого слова *bhaga* происходит греческое *phagos*, латинское *fagus*, немецкое *Buche* и шведское *bok*. Но примечателен тот факт, что греки называли не бук, а дуб *phagos*, в то время как римляне называли бук *fagus*. Из этого мы заключаем, что европейские

арийцы применяли слово *бхага* как к буку, так и к дубу, поскольку оба они приносят похожие плоды; но в некоторых частях страны это название применялось в первую очередь к буку, в других - к дубу. Бук - это вид дерева, который постепенно приближается к северу. На европейском континенте он не встречается восточнее линии, проведенной от Кенигсберга через Польшу и Подолию до Крыма. Это приводит к выводу, что арийская страна Европа должна была в значительной степени располагаться к западу от этой линии, и что регионы, населенные предками римлян, а к северу от них - прародителями германцев, следует искать к западу от этой ботанической линии, между Альпами и Северным морем.

Лингвистические сравнения также показывают, что арийская территория Европы располагалась рядом с океаном или большим водоемом. Скандинавы, германцы, кельты и римляне сохранили общее название океана — древнескандинавское *mar*, древненемецкое *mari*, латинское *mare*. Названия некоторых морских животных также являются общими для различных арийских языков. Шведское *hummer* (лобстер) соответствует греческому *kamaros*, а шведское *säl* (тюлень) - греческому *selachos*.

В арийской стране Европы были домашние животные — коровы, овцы и козы. Лошадь также была известна, но неясно, использовалась ли она для верховой езды или просто ценилась за ее мясо и молоко. С другой стороны, осел не был известен, поскольку его областью обитания были, в частности, равнины Центральной Азии.

Медведь, волк, выдра и бобр, безусловно, принадлежали к фауне арийской Европы.

Европейские арийцы, должно быть, выращивали по крайней мере один, возможно, два вида зерновых; также лен, название которого сохранилось в греческом *linon* (лен), латинском *linum* и в других языках.

Арийцы владели искусством приготовления медовухи из меда. То, что они также владели искусством употреблять его в больших количествах, можно считать само собой разумеющимся. Этот напиток был дорог сердцам древних ариев, и его название было верой и правдой сохранено как племенами, поселившимися близ Ганга, так и теми, кто эмигрировал в Великобританию. Брамины у Ганги до сих пор знают этот напиток как *мадху*, валлийцы - как *меду*, литовцы - как *медус*; а когда греческие арийцы пришли в Южную Европу и познакомились с вином, они дали ему название медовуха (*мету*).

Маловероятно, что европейские арии знали бронзу или железо, или, если они знали какой-либо из металлов, имели их в большом количестве или использовали ежедневно, до тех пор, пока они лингвистически составляли одно однородное тело и жили в той части Европы, которую мы здесь называем арийскими владениями. Единственное распространенное название металла - то, которое мы находим в латинском *aes* (медь), в готском *aiz* и в индустском *áyas*. Как известно, латинское *aes*, как и готское *aiz*, означает как медь, так и бронзу. То, что это слово первоначально означало медь, а впоследствии стало обозначать бронзу, представляющую собой сплав меди и олова, кажется само собой разумеющимся, и то, что оно применялось только к меди, а не к бронзе у древних ариев, кажется очевидным не только потому, что отсутствует общее название для олова, но и по гораздо лучшей и замечательной причине, на которую особо указал Шредер, а именно по той, что во всех арийских европейских языках, даже в тех, которые наиболее близки друг другу и являются соседями, отсутствует общее слово для обозначения инструментов кузнеца и инвентаря кузницы, а также для обозначения различные

виды оружия защиты и нападения. Больше всего нас поражает, что в отношении оружия столь полное несходство названий в греческом и римском языках. Несмотря на этот факт, древние арии, безусловно, использовали различные виды оружия — дубинку, молот, топор, нож, копье и арбалет. Все это оружие имеет такой характер, что может быть изготовлено из камня, дерева и рога. Предметы легче меняют названия, когда старые материалы, из которых они были сделаны, уступают место новым, доселе неизвестным материалам. Следовательно, вполне вероятно, что европейские арийцы жили в каменном веке и в лучшем случае были знакомы с медью до и во время периода, когда их язык был разделен на несколько диалектов.

Где же тогда на нашем континенте был дом этого арийского европейского народа в каменном веке? Южная Европа с ее полуостровами, простирающимися до Средиземного моря, несомненно, должна была находиться за пределами арийской земли Европы. Греческие арийцы иммигрировали в Элладу, а итальянские арийцы являются иммигрантами на итальянский полуостров. Испания даже в исторические времена была населена иберийцами и басками, и баски проживают там в настоящее время: Если, как, по-видимому, доказывают лингвистические памятники, европейские арии жили вблизи океана, то это не могло быть Средиземное море. Остаются Черное и Каспийское моря, с одной стороны, Балтийское и Северное моря - с другой. Но если, как, по-видимому, доказывают лингвистические памятники, европейские арийцы, по крайней мере, по большей части, жили к западу от ботанической линии, обозначенной буквой, в стране, произрастающей елями, дубами, вязами и бузиной, то они не могли быть ограничены безлесными равнинами, которые простираются вдоль Черного моря от устья Дуная через Добруджу, Бессарабию и Херсонес, минуя Крым. Исследователи ранней истории Греции больше не предполагают, что эллинские иммигранты нашли свой путь через эти страны в Грецию, но что они пришли с северо-запада и последовали по Адриатическому морю до Эпира; другими словами, они пришли тем же путем, что вестготы при Аларике и остготы при Теодорихе в более поздние времена. Даже латинские племена пришли с севера. Миграции кельтов, насколько история проливает какой-либо свет на этот предмет, происходили с севера и запада на юг и восток. Передвижения тевтонских рас происходили с севера на юг, и они мигрировали как на восток, так и на запад. Таким образом, как доисторические, так и исторические факты имеют тенденцию подтверждать теорию о том, что арийские владения Европы в неопределимых пределах включали центральную и северную части Европы; и поскольку одно или несколько морей были известны этим арийцам, мы не можем исключить из пределов этих знаний океан, проникающий на север Европы с запада.

Из-за их неразвитого сельского хозяйства, которое вынуждало их питаться главным образом скотом, европейские арийцы, должно быть, занимали обширную территорию. О взаимном положении и передвижениях различных племен на этой территории ничего нельзя сказать, за исключением того, что рано или поздно, но уже далеко в доисторические времена, они должны были занять именно то положение, в котором мы находим их на заре истории и которое они занимают сейчас. Арийские племена, впервые вошедшие в Галлию, должно быть, жили к западу от тех племен, которые стали прародителями германцев, а последние, должно быть, жили к западу от тех, кто распространил арийский язык по России. К югу от этой линии, но все еще в Центральной Европе, должно быть, обитала другая группа арийцев, предков греков и римлян, причем последние находились к западу от первых. Дальше всего к северу от всех этих племен, должно быть, жили те люди, которые впоследствии создали тевтонский язык.

Б. ДРЕВНИЙ ТЕВТОН (ГЕРМАНИЯ).

6.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДРЕВНЕГО ТЕВТОНСКОГО КОРОЛЕВСТВА.

КАМЕННЫЙ ВЕК ДОИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕРМАНИИ.

Северное положение древних германцев неизбежно привело к тому, что они лучше, чем все другие арийские народы, сохранили свой первоначальный расовый тип, поскольку они были менее подвержены смешению с неарийскими элементами. На юге, западе и востоке у них были родственники, что отделяло их от неарийских рас. С другой стороны, к северу лежала территория, которая по самой своей природе могла быть лишь малонаселенной, если она вообще была заселена до того, как ее заняли отцы тевтонов. Тевтонский тип, который, несомненно, также был арийским в целом до того, как произошло значительное распространение и последующее смешение с другими расами, как уже указывалось, был описан следующим образом: Высокий рост, белая кожа, голубые глаза, светлые волосы. Антропологическая наука присвоила им еще один признак — они доликоцефальны, то есть имеют черепа, переднезадний диаметр которых, или расстояние от лобной до затылочной кости, превышает поперечный диаметр. Наиболее ярко этот тип проявляется у современных шведов, норвежцев, датчан и, в некоторой степени, голландцев, у жителей тех частей Великобритании, которые наиболее плотно заселены саксонскими и скандинавскими эмигрантами; и у жителей определенных частей Северной Германии. Проведенные Велкером краниологические измерения дают следующие данные о ширине и длине тевтонских черепов:

Шведы и голландцы,	75-71
исландцы и датчане,	76-71
англичане,	76-73
голштинцы,	77-71
ганноверцы, окрестности Йены, Бонна и Кельна,	77-72
гессенцы,	79-72
швабы,	79-73
баварцы,	80-74

Таким образом, доликоцефальная форма переходит в Средней и Южной Германии в брахицефальную. Исследования, проведенные по предложению Вирхова в Германии, Бельгии, Швейцарии и Австрии в отношении типов блондинок и брюнеток, представляют большой интерес. Обследование более девяти миллионов человек показало следующий результат:

Германия,	31,80% блондинки, 14,05% брюнетки, 54,15% смешанные пары.
Австрия,	19,79% блондинок, 23,17% брюнеток, 57,04% смешанных.
Швейцария,	11,10% блондинок, 25,70% брюнеток, 61,40% смешанных.

Таким образом, светловолосый тип имеет гораздо большее количество представителей в Германии, чем в южной части Центральной Европы, хотя в последней есть жители, говорящие по-немецки. В самой Германии блондинистый тип уменьшается, а брюнет увеличивается с севера на юг, в то время как доликоцефальный уступает место брахицефальному. В Южной Германии 25% брюнеток, в Северной - только 7%.

Если мы теперь, следуя строгим правилам методологии, на которых настаивает Лэтем, примем во внимание, что колыбель расы или языкового типа следует, если нет определенных исторических фактов, свидетельствующих об обратном, особенно искать там, где этот тип наиболее распространен и наименее изменен, то нет никаких сомнений в том, что часть арийской Европы, которую населяли предки германцев, когда они превратили арийский язык в тевтонский, должна была включать побережье Балтийского и Северного морей. Эта теория, конечно, не противоречит, но, с другой стороны, подтверждается фактами, насколько мы о них хоть что-то знаем. Римская история предоставляет свидетельства того, что те же части Европы, в которых преобладает тевтонский тип в настоящее время, были тевтонскими уже в начале нашей эры, и что уже тогда Скандинавский полуостров был населен северотевтонским народом, который среди своих сородичей на Континенте славился своим богатством кораблями и воинами. Должны были пройти столетия, прежде чем тевтонская колонизация полуострова смогла развиться в такую мощь — столетия, в течение которых, судя по всем признакам, в Скандинавии должен был произойти переход от бронзового к железному веку. Кропотливые исследования Монтелиуса, проведенные на основе принципа методологии, привели его к выводу, что Скандинавия и Северная Германия сформировали в бронзовом веке единую область культуры в том, что касается оружия и орудий труда. Способ, которым другие области культуры группируются в Европе, не оставляет для тевтонской расы другого места, кроме Скандинавии и Северной Германии, и, возможно, Австро-Венгрии, на которую тевтонские владения похожи больше всего. За бронзовым веком стоит каменный век. Проведенные В. Дюбеном, Густавом Ретциусом и Вирховом исследования скелетов, найденных в северных захоронениях каменного века, доказывают существование в то время на Севере расы, которую, насколько это касается характеристик черепов, невозможно отличить от расы, обитающей там сейчас. Здесь необходимо принять во внимание вероятностные результаты, полученные сравнительной филологией, показывающие, что европейские арийцы все еще находились в каменном веке, когда они разделились на кельтов, германцев и т.д. и занимали отдельные территории, а также тот факт, что германцы, насколько можно сделать выводы из исторических знаний, занимали более северные владения, чем их родственники. Таким образом, все указывает на то, что, когда Скандинавский полуостров был впервые заселен арийцами — несомненно, пришедшими с Юга через Данию, — эти арийцы принадлежали к той же расе, которая позже в истории появляется с тевтонской физиономией и тевтонской речью, и что их иммиграция в южные части полуострова и заселение их имели место во времена арийского каменного века.

Для истории цивилизации, и особенно для мифологии, эти результаты важны. Сравнительная мифология должна решить проблему, какие элементы в различных группах арийских мифов могут быть изначальным общим достоянием расы, пока она была еще неразделенной. Сделанные выводы приобретают достоверность по мере того, как арийские племена, мифы которых сравниваются, географически удаляются друг от друга. Если, например, тевтонская мифология, с одной стороны, и азиатская арийская (Авеста и Ригведа), с другой, становятся предметом сравнительного изучения, и если обнаруживаются группы мифов, идентичные не

только по их общему характеру и многим деталям, но также по группировке деталей и эпической связи мифов, то вероятность того, что они принадлежат к эпохе, когда предки германцев и предки азиатских ариев жили вместе, выше в той же пропорции, что и вероятность интимного и детального обмена идеями после разделения. Растет меньше между этими племенами из-за географического расстояния. Со всей определенностью, к которой могут прийти исследования в этой области, мы можем предположить, что эти общие группы мифов - по крайней мере, центры, вокруг которых они вращаются, — возникли во времена, когда арийцы все еще составляли, так сказать, географическое и языковое единство - по всей вероятности, во времена, которые относятся к далекому прошлому общеарийского каменного века. Открытие групп мифов такого рода, таким образом, проливает свет на верования и идеи, существовавшие в умах наших предков в эпоху, о которой у нас нет никакой информации, кроме той, которую мы получаем в результате изучения находок. Последние, исследованные кропотливыми и проникательными учеными-археологами, несомненно, дают нам весьма поучительную информацию в других направлениях. Таким образом, становится возможным провести различие между более старыми и более молодыми элементами тевтонской мифологии и обеспечить основу для изучения ее развития на протяжении веков, которые не оставили нам литературных памятников.

II.

A. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ САГИ.

УЧЕНАЯ САГА ОБ ЭМИГРАЦИИ ИЗ ТРОИ-АСГАРДА.

7.

САГА О ХЕЙМСКРИНГЛЕ И ЭДДА В ПРОЗЕ.

На предыдущих страницах мы привели причины, которые позволяют предположить, что древнее Тевтонство в определенных неопределимых пределах включало побережья Балтийского и Северного морей, что скандинавские страны составляли часть этого древнего Тевтонства и что они были заселены тевтонами со времен каменного века.

Тема, которую я сейчас собираюсь обсудить, требует исследования в отношении того, во что верили сами германцы в отношении этого вопроса в самые ранние времена, о которых нам известно. Считали ли они себя аборигенами или иммигрантами в Германию? Для мифологии ответ на этот вопрос имеет большой вес. С другой стороны, для прагматической истории ответ не имеет большого значения, поскольку то, во что они верили, не дает надежной основы для выводов в отношении исторических фактов. Если они считали себя аборигенами, это не мешает им иммигрировать в доисторические времена, хотя их традиции перестали говорить об этом. Если они считали себя иммигрантами, то из этого не следует, что традиции в отношении иммиграции содержат какое-либо историческое ядро. Из первых у нас есть пример в случае с браминами и высшими кастами в Индии: их ортодоксальность требует, чтобы они считали себя аборигенами страны, в которой они живут, хотя есть свидетельства того, что они иммигранты. Примером последнего являются шведы: здешних людей учили верить, что большая или меньшая часть жителей Швеции происходят от иммигрантов, которые, как предполагается, прибыли сюда во главе с Одним примерно за сто лет до рождения Христа, и что эта

иммиграция, независимо от того, привезла ли она много или мало людей, оказала самое решающее влияние на культуру страны, так что шведская история может начаться с того момента, когда Один ступил на шведскую землю.

Более доступные источники традиций, касающихся иммиграции Одина в Скандинавию, можно найти в исландских произведениях "Хеймскрингла" и прозаической "Эдде". Оба источника относятся к одному и тому же времени, то есть к тринадцатому веку, и отделены более чем на двести лет от языческой эпохи в Исландии.

Сначала мы рассмотрим историю Хеймскринглы. Река по имени Танаквисл, или Ванаквисл, впадает в Черное море. Эта река отделяет Азию от Европы. К востоку от Танаквисла, то есть далее в Азии, находится страна, ранее называвшаяся Асаланд или Асахейм, а главная цитадель или город в этой стране назывался Асгард. Это был великий город жертвоприношений, и там жил вождь, известный под именем Один. Под его началом правили двенадцать человек, которые были верховными жрецами и судьями. Один был великим вождем и завоевателем, и он был настолько победоносен, что его люди верили, что победа полностью неотделима от него. Если он возлагал свою благословляющую руку на чью-нибудь голову, успех обязательно сопутствовал ему. Даже если он отсутствовал, если его призывали в беде или опасности, само его имя, казалось, приносило утешение. Он часто уезжал далеко и часто отсутствовал по полгода за раз. В то время его королевством правили его братья Вайл и Ве. Однажды он отсутствовал так долго, что асы поверили, что он никогда не вернется. Затем его братья женились на его жене Фригг. Однако в конце концов он вернулся и снова забрал Фригг.

У асов был народ, который их соседи называли ванами. Один объявил войну ванам, но они храбро защищались. Когда обе стороны одержали победу и потерпели поражение, они устали от войны, заключили мир и обменялись заложниками. Ваны послали своего сына Ньерда и его сына Фрея, а также Квасера в качестве заложников к асам; и последние дали взамен Хонера и Мимера. Один даровал Ньерду и Фрею звание жрецов. Сестра Фрея, Фрейя, тоже стала жрицей. Фургоны относились к полученным ими заложникам с таким же уважением и назначили Хонера вождем и судьей. Но вскоре они, похоже, обнаружили, что Хонер был глупым парнем. Они сочли себя обманутыми при обмене и, разгневавшись по этому поводу, отрубили голову не Хонеру, а его мудрому брату Мимеру и послали ее Одину. Он забальзамировал голову, спел над ней волшебные песни, чтобы она могла разговаривать с ним и рассказывать ему много странных вещей.

Асаланд, где правил Один, отделен огромным горным хребтом от Тюркланда, под которым Хеймскрингла подразумевает Малую Азию, столицей которой, как предполагалось, была знаменитая Троя. В Тирландии у Одина также были большие владения. Но в то время римляне вторглись и подчинили себе все земли, и многие правители бежали из-за этого из своих королевств. И Один, будучи мудрым и сведущим в магическом искусстве, и зная, следовательно, что его потомки будут населять северную часть мира, он оставил свое королевство своим братьям Вайлу и Ве и переселился со многими последователями в Гардарику, Россия. Ньерд, Фрейр и Фрейя, а также другие жрецы, правившие под его началом в Асгарде, сопровождали его, и его сыновья тоже были с ним. Из Гардарики он отправился в Саксландию, завоевал обширные страны и поставил своих сыновей правителями над ними. Из Саксланда он отправился в Фунен и поселился там. Тогда Зееланда еще не существовало. Один отправил деву Гефион на север, за воду, чтобы разведать, что за страна там расположена. В то

время в Свитиоде правил вождь по имени Гильфе. Он дал Гефиону пахотную землю,^[3] и с помощью четырех великанов, превратившихся в волов, Гефион вырезал плугом и утащил в море недалеко от Фунена тот остров, который сейчас называется Зеланд. Там, где земля была распаханна, теперь есть озеро под названием Логрин. Скъольд, сын Одина, получил эту землю и женился на Гефион. И когда Гефион сообщил Одину, что Гильфе владеет хорошей землей, Один отправился туда,

и Гильф, будучи не в состоянии оказать сопротивление, хотя он тоже был мудрым человеком, искусным в колдовстве, был заключен мирный договор, согласно которому Один приобрел обширную территорию вокруг Логрина; а в Сигтуне он основал большой храм, где отныне приносились жертвы по обычаю асов. Своим жрецам он дал жилища — Ноатун Ньерду, Упсалу Фрею, Химминбьерг Хеймдалю, Трудванг Тору, Брейдаблик Бальдру и т.д. Многие новые виды спорта пришли на Север с Одinom, и он и Асы научили им людей. Помимо всего прочего, он научил их поэзии и рунам. Сам Один всегда говорил размеренными рифмами. Кроме того, он был самым превосходным колдуном. Он мог менять форму, делать своих врагов слепыми и глухими в конфликте; он был волшебником и мог пробуждать мертвых. Ему принадлежал корабль Скидбладнер, который можно было сложить как салфетку. У него были два ворона, которых он научил говорить, и они приносили ему вести со всех земель. Он знал, где в земле спрятаны все сокровища, и мог вызвать их с помощью волшебных песен. Среди обычаев, которые он ввел на Севере, были кремация мертвых, насыпание курганов в память о великих людях, возведение камней баута в память о других; и он ввел три великих праздника жертвоприношений — в честь удачного года, хорошего урожая и победы. Один умер в Свитиоде. Когда он почувствовал приближение смерти, он позволил пометить себя острием копья и заявил, что направляется в Гудхайм, чтобы навестить своих друзей и принять всех павших в битве. В это поверили шведы. С тех пор они поклонялись ему, веря, что у него была вечная жизнь в древнем Асгарде, и они думали, что он открылся им перед тем, как произошли великие битвы. На троне Свеи его сменил Ньерд, прародитель расы инглингов. Таким образом, Хеймскрингла.

Теперь мы переходим к Младшей Эдде,^[4] которая в своем Предисловии дает нам в стиле того времени общий обзор истории и религии.

Сначала в нем приводится библейская история сотворения мира и Всемирного потопа. Затем рассказывается длинная история о строительстве Вавилонской башни. Потомки Хама, сына Ноя, воевали против сынов Сема и покорили их, и в своем высокомерии пытались построить башню, которая должна была достигать самих небес. Главным менеджером в этом предприятии был Зороастр, и под его началом служили семьдесят два мастера-каменщика и столяра. Но Бог смешал языки этих высокомерных людей, так что каждый из семидесяти двух учителей и те, кто был под его началом, получили свой собственный язык, который другие не могли понять, а затем каждый пошел своим собственным путем, и таким образом возникли семьдесят два различных языка в мире. До этого времени говорили только на одном языке, и это был иврит. Там, где они пытались построить башню, был основан город, названный Вавилоном. Там Зороастр стал царем и правил многими ассирийскими народами, среди которых он ввел идолопоклонство и которые поклонялись ему как Ваалу. Племена, ушедшие вместе с его мастерами-работниками, также впали в идолопоклонство, за исключением

одно племя, сохранившее древнееврейский язык. Оно сохранило также первоначальную и чистую веру. Таким образом, в то время как Вавилон стал одним из главных алтарей языческого богослужения, остров Крит стал другим. Там родился человек по имени Сатурн, который стал для критян и македонян тем же, чем Зороастр был для ассирийцев. Знания и умение Сатурна в магии, а также его искусство добывать золото из раскаленного железа обеспечили ему власть князя на Крите; и поскольку он, более того, контролировал все невидимые силы, критяне и македоняне верили, что он бог, и он поощрял их в этой вере. У него было три сына — Юпитер, Нептун и Плут. Из них Юпитер походил на своего отца мастерством и магией, и он был великим воином, покорившим множество народов. Когда Сатурн разделил свое царство между сыновьями, возникла междоусобица. Плуту достался на свою долю ад, и поскольку это была наименее желанная часть, он также получил собаку по кличке Цербер. Юпитер, получивший небеса, не был удовлетворен этим, но хотел получить и землю. Он развязал войну против своего отца, которому пришлось искать убежища в Италии, где он из страха перед Юпитером сменил имя и назвался Ньердом, и где он стал полезным королем, обучая жителей, питавшихся орехами и кореньями, пахать и сажать виноградники.

У Юпитера было много сыновей. От одного из них, Дардана, произошел в пятом поколении Приам Троянский. Сыном Приама был Гектор, который по росту и силе был самым выдающимся человеком в мире. От троянцев произошли римляне; и когда Рим превратился в великую державу, он перенял многие законы и обычаи, которые преобладали среди троянцев до них. Троя располагалась в Тирландии, недалеко от центра земли. При верховном правителе Приаме было двенадцать царей-данников, и они говорили на двенадцати языках. Эти двенадцать королей-данников были чрезвычайно мудрыми людьми; они удостоились почестей богов, и от них произошли все европейские вожди. Одного из этих двенадцати звали Мунон или Меннон. Он был женат на дочери Приама, и у него был от нее сын Трор, "которого мы называем Тор". Он был очень красивым мужчиной, его волосы отливали светлее золота, и в двенадцать лет он был уже взрослым и таким сильным, что мог поднять двенадцать медвежьих шкур одновременно. Он убил своего приемного отца и приемную мать, завладел королевством своего приемного отца Фракией, "которое мы называем Трудхеймом", и с тех пор он странствовал по миру, побеждая берсерков, великанов, величайшего дракона и других чудес. На Севере он встретил пророчицу по имени Сибилла, "которую мы называем Сиф", и женился на ней. В двадцатом поколении от этого Тора произошел Водин, "которого мы называем Один", очень мудрый и хорошо информированный человек, который женился на Фригиде, "которую мы называем Фригг".

В то время римский полководец Помпей вел войны на Востоке, а также угрожал империи Одина. Тем временем Один и его жена узнали благодаря пророческому вдохновению, что в северной части мира их ждет славное будущее. Поэтому он эмигрировал из Тиркланда и взял с собой много людей, старых и молодых, мужчин и женщин, а также дорогие сокровища. Куда бы они ни приходили, они казались жителям скорее богами, чем людьми. И они не останавливались, пока не зашли так далеко на север, в Саксландию. Там Один оставался долгое время. Одного из своих сыновей, Веггедга, он назначил королем Саксланда. Другого сына, Бельдегга, "которого мы называем Бальдером", он сделал королем Вестфалии. Третий сын, Сигге, стал королем Франкланда. Затем Один двинулся дальше на север и пришел в Рейдготаланд, который теперь называется Ютландией, и там завладел всем, чем хотел. Там он назначил королем своего сына Скьольда; затем он прибыл в Свитиод.

Здесь правил король Гильф. Когда он услышал о походе Одина и его азиатов, он пошел им навстречу и предложил Одину столько земель и столько власти в его королевстве, сколько тот мог пожелать. Одна из причин, по которой люди повсюду оказывали Одину такой радушный прием и предлагали ему землю и власть, заключалась в том, что везде, где Один и его люди останавливались в своем путешествии, люди получали хорошие урожаи и обильные посевы, и поэтому они верили, что Один и его люди контролируют погоду и рост зерна. Один отправился с Гильфе к озеру "Логрин" и увидел, что земля хороша; и там он выбрал в качестве своей цитадели место, которое называется Сигтуна, основав там те же учреждения, которые существовали в Трое и к которым привыкли турки. Затем он организовал совет из двенадцати человек, которые должны были издавать законы и разрешать споры. Из Свитиода Один отправился в Норвегию и там сделал своего сына Семинга королем. Но правление Свитиодом он оставил своему сыну Ингве, от которого произошел род инглингов. Асы и их сыновья женились на женщинах земли, которой они завладели, и их потомки, сохранившие язык, на котором говорили в Трое, размножались так быстро, что троянский язык вытеснил старый и стал языком Швеции, Норвегии, Дании и Саксландии, а затем и Англии.

Первая часть "Прозаической Эдды", "Гильфагининг", состоит из сборника мифологических историй, рассказанных читателю в форме беседы между вышеназванным королем Швеции Гильфе и асами. Говорят, что до того, как асы отправились в свое путешествие на Север, Гильфе узнал, что они были мудрым и знающим народом, который добивался успеха во всех своих начинаниях. И полагая, что это было результатом либо природы этих людей, либо их особовида поклонения, он решил тайно исследовать этот вопрос и поэтому отправился в Асгард под видом старика. Но знающие асы заранее знали, что он придет, и решили встретить его всеми видами колдовства, которые могли бы составить ему высокое мнение о них. Наконец он добрался до цитадели, крыша которой была покрыта золотыми щитами, а зал был таким большим, что он едва мог видеть его целиком. У входа стоял человек, играя острыми инструментами, которые он подбрасывал в воздух и снова ловил руками, и в воздухе одновременно оказалось семь топоров. Этот человек спросил путешественника, как его зовут. Последний ответил, что его зовут Ганглер, что он совершил долгое путешествие по неровным дорогам и попросил приюта на ночь. Он также спросил, чья это цитадель. Жонглер ответил, что он принадлежит их королю, и повел Гильфе в зал, где собралось много народу. Одни сидели и пили, другие развлекались играми, третьи упражнялись с оружием. В зале было три высоких кресла, одно над другим, и на каждом высоком кресле сидело по мужчине. На самом нижнем сидел король; и жонглер сообщил Гильфе, что короля зовут Хар; что того, кто сидел рядом с ним, звали Джафнхар; и что того, кто сидел на самом высоком троне, звали Трид (*thridi*). Хар спросил незнакомца, в чем его поручение, и пригласил его поесть и выпить. Гильф ответил, что сначала хотел бы узнать, есть ли в зале какой-нибудь мудрец. Хар ответил, что незнакомец не должен покидать зал целым, если только он не одержит победу в состязании в мудрости. Теперь Гильф начинает задавать свои вопросы, которые все касаются поклонения асам, и трое мужчин, сидящих на высоких местах, дают ему ответы. Уже в первом ответе выясняется, что Асгард, к которому, по мнению Гильфе, он пришел, является, по мнению автора, более молодым Асгардом и, предположительно, таким же, как у автора книги "Места Хеймскринглы за рекой Танаквисл", но существовал более старый Асгард, идентичный Трои в Тиркланде, где, по словам Хеймскринглы, у Одина были обширные владения в то время, когда римляне начали свои вторжения на Восток. Когда Гильф своими вопросами узнал самые важные факты, касающиеся религии Асгарда, и, наконец, получил наставления относительно разрушения и возрождения

мира, он уловил могучий грохот и сотрясение, и когда он огляделся, цитадель и зал исчезли, и он стоял под открытым небом. Он вернулся в Свитхиод и рассказал все, что видел и слышал среди асов; но когда он ушел, они посовещались и согласились называть себя теми именами, которые использовали, рассказывая свои истории Гильфе. Эти саги, замечает Гильфагининг, на самом деле были не чем иным, как историческими событиями, преобразованными в предания о божествах. Они описывали события, которые происходили в древнем Асгарде, то есть в Трое. Основой историй, рассказанных Гильфе о Торе, были достижения Гектора в Трое, и Локе, о котором Гильфе слышал, на самом деле был не кто иной, как Уликс (Улисс), который был врагом троянцев и, следовательно, был представлен как враг богов.

За "Гильфагинингом" следует другая часть прозаической эдды под названием *Брагароэдур* (Беседа Браге), которая представлена в аналогичной форме. На Лессе, как говорят, некогда жил человек по имени *Эгир*. Он, как и Гильф, слышал рассказы о мудрости асов и решил посетить их. Он, как и Гильфе, приходит в место, где асы встречают его всевозможными магическими искусствами и ведут в зал, который вечером освещается сверкающими мечами. Там его пригласили занять свое место рядом с Браге, и там было двенадцать высоких кресел, на которых сидели мужчины, которых звали Тор, Ньерд, Фрей и др., и женщины, которых звали Фригг, Фрейя, Нанна и др. Зал был великолепно украшен щитами. Разносившийся по кругу мед был изысканным, а словоохотливый Браге рассказывал гостю о традициях, касающихся поэтического искусства асов. В постскриптуме к трактату юных скальдов предупреждают не доверять историям, рассказанным Гильфе и *Эгиру*. Автор послесловия говорит, что они имеют ценность только как ключ ко многим метафорам, встречающимся в поэмах великих скальдов, но в целом это обман, изобретенный асами или азиатами, чтобы заставить людей поверить, что они были богами. Тем не менее, автор считает, что эти фальсификации имеют историческое ядро. По его мнению, они основаны на том, что произошло в древнем Асгарде, то есть в Трое. Так, например, изначально "Рагнарек" - это не что иное, как осада Трои; Тор - это, как уже говорилось, Гектор; змей Мидгарда - один из героев, убитых Гектором; волк Фенрис - это Пирр, сын Ахилла, убивший Приама (Одина); а Видар, переживший Рагнарек, - это Эней.

8.

ТРОЯНСКАЯ САГА В ХЕЙМСКРИНГЛЕ И ПРОЗАИЧЕСКАЯ ЭДДА

(продолжение).

Источники преданий, касающихся азиатской иммиграции на Север, принадлежат исландской литературе, и только ей. *История Даники* Саксона, первые книги которой были написаны ближе к концу XII века, представляет на эту тему свой особый взгляд, который будет обсужден позже. Исландские отчеты расходятся лишь в незначительных деталях; основная точка зрения одна и та же, и они возникли из одного источника. Их содержание можно резюмировать так:

Среди племен, которые после вавилонского смешения языков эмигрировали в разные страны, была группа людей, которые поселились и внедрились свой язык в Малой Азии, которая в сагах называется Тирландией; в Греции, которая в сагах называется Македонией; и на Крите. В Тирландии они основали великий город, который называли Троей. Этот город подвергся нападению греков во время правления троянского царя Приама. Приам происходил от Юпитера

и отца последнего Сатурна и, соответственно, принадлежал к расе, которую идолопоклонники считали божественной. Троя была очень большим городом; там говорили на двенадцати языках, и Приаму подчинялись двенадцать царей-данников. Но какими бы могущественными ни были троянцы и как бы храбро они ни защищались под предводительством сына дочери Приама, доблестного героя Тора, они все равно потерпели поражение. Троя была захвачена и сожжена греками, а сам Приам был убит. Из оставшихся в живых троянцев две партии эмигрировали в разных направлениях. Они, по-видимому, были заранее хорошо осведомлены о качестве чужих земель, поскольку Тор, сын дочери Приама, совершал обширные экспедиции, в которых сражался с великанами и чудовищами. Во время своих путешествий он даже побывал на Севере, где встретил Сибил, знаменитую пророчицу, и женился на ней. Одна из партий троянских эмигрантов отправилась под предводительством Эния в Италию и основала Рим. Другая группа, сопровождаемая сыном Тора, Лоридом, отправилась в Азиаленд, который отделен от Тюркланда горным хребтом, а от Европы - рекой Танаис, или Танаквисл. Там они основали новый город под названием Асгард, и там сохранились старые обычаи, привезенные из Трои. Соответственно, в Асгарде, как и в Трое, был организован совет из двенадцати человек, которые были верховными жрецами и судьями. Прошло много веков без каких-либо политических контактов между новыми троянскими поселениями в Риме и Асгардом, хотя оба хорошо помнили свое троянское происхождение, и римляне сформировали многие свои институты по образцу старого отечества. Тем временем Рим превратился в одну из самых могущественных империй в мире, и наконец начал посылать армии в Тирландию. В то время в Асгарде правил чрезвычайно мудрый, провидческий король Один, который был искусен в магических искусствах и происходил в двадцатом поколении от вышеупомянутого Тора. Один вел много успешных войн. Самой жестокой из этих войн была война с соседним народом, ванами; но она закончилась компромиссом и миром. В Тюркланде, древней метрополии, у Одина были большие владения, которые попали в руки римлян. Это обстоятельство укрепило его в решении эмигрировать на север Европы. Пророческое видение, которым он был наделен, сказало ему, что его потомки будут долго процветать там. И он отправился в путь со своими многочисленными сыновьями, и его сопровождали двенадцать священников и множество людей, но не все жители страны Азия и Асгарда. Часть людей осталась дома; и среди них братья Одина Вайл и Ве. Экспедиция проследовала через Гардарику в Саксландию; затем через датские острова в Свитиод и Норвегию. Повсюду это великое множество переселенцев было хорошо встречено жителями. Высшая мудрость Одина и его изумительное мастерство в колдовстве, вместе с тем фактом, что его прогресс повсюду сопровождался обильными урожаями, заставили народы смотреть на него как на бога и предоставить в его распоряжение свои троны. Соответственно, он назначил своих сыновей королями Саксланда, Дании, Швеции и Норвегии. Гильф, король Свитиода, подчинился его превосходству и подарил ему для правления великолепную страну вокруг озера Мелар. Там Один построил Сигтуну, институты которой были имитацией институтов Асгарда и Трои. Поэзия и многие другие искусства пришли в тевтонские земли вместе с Одином, а вместе с ними и троянский язык. Подобно своим предкам, Сатурну и Юпитеру, он смог обеспечить божественное поклонение, которое распространялось даже на его двенадцать священников. Религиозные традиции, которые он распространил среди людей и в которые верили до введения христианства, были искажениями, связанными с воспоминаниями об исторической судьбе Трои и ее разрушении, а также с событиями в Асгарде.

РАССКАЗ САКСОНА ОБ ИСТОРИИ ТРОИ.

Такова, в основном, история, имевшая хождение в Исландии в XIII веке и попавшая в Скандинавию через прозаические "Эдду" и "Хеймскринглы", повествующая об иммиграции Одина и асов. Несколько старше этих работ является *"История Даники"* датского хрониста Саксона. Стурласону, автору "Хеймскринглы", было восемь лет, когда Саксон начал писать свою историю, и он (Стурласон) определенно не начал писать историю, когда Саксон завершил первые девять книг своего труда, которые основаны на все еще существующих песнях и традициях, найденных в Дании, и языческого происхождения. Саксон пишет так, как будто он не знаком с исландскими теориями относительно азиатской иммиграции на Север, и у него нет ни слова, чтобы сказать о правлении Одина в качестве короля или вождя где-либо в Скандинавии. Это тем более примечательно, что он придерживается той же точки зрения, что исландцы и хронисты средневековья в целом, в отношении веры в то, что языческие мифы были записями исторических событий и что языческие боги были историческими личностями, людьми, превратившимися в божества; и наше удивление возрастает, когда мы учитываем, что он в языческих песнях и традициях, на которых он основывал первую часть своей работы, часто встречается имя Одина и, следовательно, не мог не представить его в датской истории как важный персонаж. У Саксона, как и в исландских произведениях, Один - это человек и в то же время могущественный колдун. Саксон и исландцы также согласны с тем, что Один пришел с Востока. Единственное отличие состоит в том, что в то время как исландская гипотеза заставляет его править в Асгарде, Саксон размещает свою резиденцию в Византии, на Босфоре; но это недалеко от древней Трои, где в прозаической "Эдде" указаны местонахождение его предков. Из Византии, по словам Саксона, слава о его магическом искусстве и чудесах, которые он творил, достигла даже севера Европы. Из-за этих чудес народы поклонялись ему как богу, и, чтобы воздать ему почести, короли Севера однажды послали в Византию золотое изображение, которому Один с помощью магических искусств придал дар речи. Саксон приводит здесь миф о голове Мимера. Но короли Севера знали его не только по рассказам; они также были знакомы с ним лично. Он посетил Упсалу, место, которое "ему очень понравилось". Саксон, как и Хеймскрингла, сообщает, что Один долгое время отсутствовал в своей столице; и когда мы исследуем его заявления по этому поводу, мы обнаруживаем, что Саксон здесь по-своему пересказывает миф о войне, которую ваны успешно вели против асов, и об изгнании Одина из мифического Асгарда, расположенного на небесах (*История. Дан.*, стр. 42-44; *вид.* № 36). Саксон также рассказывает, что сын Одина, Бальдер, был избран датчанами королем "из-за его личных заслуг и вызывающих уважение командирских качеств". Но сам Один, по словам Саксона, никогда не имел земли или власти на Севере, хотя ему там поклонялись как богу, и, как уже говорилось, Саксон хранит полное молчание в отношении любой иммиграции азиатского народа в Скандинавию под предводительством Одина.

Сравнение между ним и исландцами сразу покажет, что, хотя обе партии являются эвгемеристами и превращают Одина в человека, превратившегося в бога, Саксон более точно придерживается популярных мифов и стремится, насколько это возможно, превратить их в историю; в то время как исландцы, с другой стороны, исходят из изученной теории относительно первоначального родства северных рас с троянцами и римлянами, и вокруг этой теории в качестве ядра они плетут примерно те же мифы, которые рассказывают как историю, что и Саксон.

БОЛЕЕ РАННИЕ ПЕРИОДЫ САГИ О ТРОЕ.

Как возникла вера в то, что Троя была первоначальной родиной германцев? Основывается ли она на местных традициях? Вдохновлена ли она сагами и традициями, распространенными среди самих тевтонов, и содержащими в качестве ядра "слабое воспоминание об иммиграции из Азии", или это мысль, совершенно чуждая языческому тевтонскому миру, привнесенная в христианские времена латинскими учеными? Эти вопросы сейчас будут рассмотрены.

Уже в седьмом веке, то есть более чем за пятьсот лет до написания Хеймскринглы и прозаической "Эдды—, хронист поведал тевтонскому народу, что они одной крови с римлянами, что они, подобно римлянам, эмигрировали из Трои и что они, как и римляне, участвовали в славных деяниях троянских героев. Этим народом были франки. Их старейший хронист, Грегориус, епископ Турский, который примерно за сто лет до этого, то есть в шестом веке, написал их историю в десяти книгах, не говорит об этом ни слова. Он также желает рассказать о первоначальной родине франков (*Hist. Franc.*, ii. 9) и помещает его довольно далеко от регионов вокруг нижнего Рейна, где они впервые появляются в свете истории; но все же не дальше, чем в Паннонии. О приходе франков из Трои ничего не знает ни Грегориус, ни более старые авторы, Сульпиций Александр и другие, чьи труды он изучал, чтобы найти информацию о ранней истории франков. Но в середине следующего столетия, около 650 года, неизвестный автор, которого по неизвестным причинам зовут Фредегар, написал хронику, которая частично является воспроизведением исторического труда Грегориуса, но также содержит различные другие сведения, касающиеся ранней истории франков, и среди них утверждение о том, что они эмигрировали из Трои. Он даже называет нам источники, из которых он получил эту информацию. Его источниками, по его собственному утверждению, являются не франкские, не популярные песни или традиции, а два латинских автора — отец церкви Иероним и поэт Вергилий. Если мы, таким образом, обратимся к этим источникам, чтобы сравнить заявление Фредегара с его авторитетом, мы обнаружим, что Иероним однажды мимоходом называет франков, но никогда не упоминает об их происхождении из Трои, и что Вергилий даже не упоминает франков. Тем не менее, ссылка на Вергилия является ключом к разгадке, как мы покажем ниже. Фредегар рассказывает об эмиграции франков следующее: Франкский король по имени Приам правил в Трое в то время, когда этот город был завоеван хитростью Улисса. Затем франки эмигрировали, и впоследствии ими правил король по имени Фрига. Во время его правления между ними возник спор, и они разделились на две партии, одна из которых поселилась в Македонии, в то время как другая, названная по имени Фриги фригийцами (Phrygians), мигрировала через Азию и поселилась там. Там они снова разделились, и одна их часть мигрировала при короле Францио в Европу, пересекла этот континент и поселилась со своими женщинами и детьми недалеко от Рейна, где они начали строить город, который называли Троей, и намеревались организовать его по образцу старой Трои, но город не был достроен. Другая группа выбрала короля по имени Турчот и была названа в его честь турками. Но те, кто поселился на Рейне, называли себя франками в честь своего короля Францио, а позже выбрали короля по имени Теудемер, который происходил от Приама, Фриги и Францио. Итак, хроника Фредегара.

Примерно семьдесят лет спустя свет увидела другая франкская хроника — *Gesta regum Francorum*. В ней мы узнаем больше об эмиграции франков из Трои. *Gesta regum Francorum* (i) рассказывает следующую историю: В Азии находится город троянцев под названием Илион, где раньше правил царь Эней. Троянцы были сильным и храбрым народом, который вел войну

против всех своих соседей. Но затем цари греков объединились и привели большую армию против Эней, царь троянцев. Произошли великие сражения и много кровопролития, и большая часть троянцев пала. Эней бежал с теми, кто выжил, в город Илион, который греки осадили и завоевали через десять лет. Спасшиеся троянцы разделились на две партии. Одна под командованием царя Энея отправилась в Италию, где надеялась получить вспомогательные войска. Другие выдающиеся троянцы стали лидерами другой партии, насчитывавшей 12 000 человек. Они сели на корабли и прибыли на берега реки Танаис. Они поплыли дальше и достигли границ Паннонии, недалеко от мотийских болот (*первопроходцы внутри терминос Паннониарум юкста Мотидас палудес*), где они основали город, который называли Сикамбрия, и здесь они оставались много лет и стали могущественным народом. Затем пришло время, когда римский император Валентиниан вступил в войну с этим нечестивым народом по имени аламанны (также алани). Он повел против них огромную армию. Аламанны потерпели поражение и бежали в мотийские болота. Тогда император сказал: "Если кто-нибудь осмелится войти в эти болота и прогнать этот нечестивый народ, я на десять лет освобожу его от всех тягот". Когда троянцы услышали это, они отправились в сопровождении римской армии в болота, напали на алеманнов и изрубили их своими мечами. Затем троянцы получили от императора Валентиниана название *франки*, что, как добавляет хроника, на аттическом языке означает *дикарь (feri)*, "ибо троянцы обладали дерзким и неукротимым характером".

В течение десяти лет после этого троянцы или франки жили без помех со стороны римских сборщиков налогов; но после этого римский император потребовал, чтобы они платили дань. На это они отказались и убили посланных к ним сборщиков налогов. Затем император собрал большую армию под командованием Аристарха, усилил ее вспомогательными силами из многих земель и напал на франков, которые потерпели поражение от превосходящих сил, потеряли своего предводителя Приама и были вынуждены обратиться в бегство. Теперь они двинулись под предводительством своих вождей Маркомира, сына Приама, и Сунно, сына Антенора, прочь из Сикамбрии через Германию к Рейну и обосновались там. Таким образом, эта хроника.

Примерно через пятьдесят лет после его появления, то есть во времена Карла Великого, а если быть более точным, примерно в 787 году, известный лонгобардский историк Паулюс Диаконус написал историю епископов Меца. Среди этих епископов был Франк Арнульф, от которого Карл Великий происходил в пятом поколении. У Арнульфа было два сына, одного из которых звали Ансгизель, в сокращенной форме Ансгис. Когда Павел говорит об этом, он отмечает, что считается, что имя Ансгис происходит от имени отца Энея, Анхиза, который отправился из Трои в Италию; и он добавляет, что согласно более древним свидетельствам, франки считались потомками троянцев. Эти свидетельства более древней даты мы рассматривали выше — *Хронику and Gesta regum Francorum*,,. Между тем это показывает, что вера в троянское происхождение франков продолжала распространяться с течением времени. Вряд ли нужно добавлять, что нет веских оснований для происхождения Ансгизель или Ансгис от Анхисес. Ансгизель - подлинное тевтонское имя. (См. № 123 об Ансгизеле, главе эмиграции из тевтонского мифа.)

Теперь мы переходим ко второй половине десятого века, и там мы находим саксонского хрониста Видукинда. Когда он должен рассказать историю происхождения саксонского народа, он представляет два противоречивых рассказа. Одно из них взято из саксонского источника, из старых местных традиций, которые мы обсудим позже; другое взято из схоластического источника и утверждает, что саксы имеют македонское происхождение.

Согласно этому последнему сообщению, они были остатками македонской армии Александра Македонского, которая, как узнал Видукин, после ранней смерти Александра распространилась по всей земле. В то время македонцы считались эллинизированными троянцами. В этой связи я обращаю внимание читателя на *Хронику* Фредегара, упомянутую выше, в которой рассказывается, что троянцы во времена царя Фриги разошлись во мнениях между собой и что часть из них эмигрировала и поселилась в Македонии. Таким образом, саксы, как и франки, могли претендовать на троянское происхождение; и поскольку Англия в значительной степени была населена саксонскими завоевателями, на ту же честь, конечно, претендовал и ее народ. В доказательство этого и чтобы показать, что в Англии в течение столетий, непосредственно следовавших за временем Видукина, верили, что саксы и англй были троянской крови, я просто сошлюсь здесь на псевдосивиллинский манускрипт, найденный в Оксфорде и написанный на очень плохой латыни. Он был исследован французским ученым Александром (*Экскурс в Сивиллину*, стр. 298), и в нем Британия названа островом, населенным выжившими троянцами (*insulam reliquiis Trojanorum inhabitatam*). В другом британском псевдосивиллином документе утверждается, что Сибилла была дочерью троянского царя Приама; и была предпринята попытка придать весомости и достоинства этому документу, объединив его с работами известного церковного историка Беды, и, таким образом, датировать его началом восьмого века, но сама рукопись представляет собой компиляцию времен Фридриха Барбароссы (*Экскурс. ad Sib.*, стр. 289). В других псевдосивиллинских документах на латыни рассказывается о Сивилле, которая жила и пророчествовала в Трое. Я особо отмечаю этот факт по той причине, что в Предисловии к прозаической "Эдде" аналогичным образом утверждается, что Тор, сын дочери Приама, был женат на Сибилле.

Таким образом, когда франки и саксы превратились в троянцев — первые в чистокровных троянцев, а вторые в эллинизированных троянцев, — не могло пройти много времени, прежде чем их северные родственники получили в наследство то же происхождение. По самой природе вещей начало должно быть положено теми норманнами, которые стали завоевателями и поселенцами Нормандии среди "троянских" франков. Примерно через сто лет после своего поселения там они произвели на свет хрониста Дудо, диакона Сен-Кантена. Я уже показывал, что македонцы считались эллинизированными троянцами. Вместе с эллинизацией они получили название Данаи, термин, применяемый ко всем грекам. В своей Нормандской хронике, которая датируется 996 годом, Дудо рассказывает (*De moribus et gestis* др., lib. i.), что норманны считали себя данаями, поскольку датчане (скандинавы в целом) и Дания считались одним и тем же расовым названием. Вместе с норманнами и скандинавы, от которых они произошли, соответственно, должны были быть превращены в троянцев. Таким образом, читатели Дудо поняли суть дела; и когда Роберт Уэйс написал свою рифмованную хронику "*Роман де Ру*" о северных завоевателях Нормандии и захотел рассказать об их происхождении, он мог сказать, основываясь на общей традиции:

"Когда стены Трои превратились в пепел,
И греки чрезвычайно обрадовались этому,
Тогда спаслись от огня на троянском берегу
Раса, заселившая землю старой Дании;
И в честь древнего троянского правления,
люди называли себя датчанами".

Теперь я проследил схоластическую традицию о происхождении тевтонских рас из Трои вплоть до хроники, где мы впервые находим запись этой традиции, вплоть до того времени, когда жил Аре, первый историк Исландии, и когда исландец Семунд, как говорят, учился в Париже, в том же столетии, в котором Стурласон, автор книги Хеймскринглы, повзрослел. Саксон отверг теорию, распространенную среди ученых его времени, о том, что северные расы были троянцами-данаями. Он знал, что Дудо в Сен-Кантене был авторитетом, на котором в основном основывалась эта вера, и он дает своим датчанам совершенно иное происхождение, *quanquam Dudo, rerum Aquitanicarum scriptor, Danos a Danaïs ortos nuncupatosque recenseat*. Исландцы, с другой стороны, приняли и продолжали развивать веру, основанную на пятисотлетнем авторитете, относительно Трои как отправной точки для тевтонской расы; и в Исландии теория разработана и систематизирована, как мы уже видели, и приведена в соответствие с рамками мировой истории. Рассказы, приведенные в "Хеймскрингле" и "Эдде в прозе" об эмиграции из Асгарда, образуют естественную развязку эпохи, которая существовала веками и в которой события древности смогли сгруппироваться вокруг общего центра. Все народы и семьи вождей были расположены вокруг Средиземного моря, и каждое событие и каждый герой были так или иначе связаны с Троей.

Фактически, большая часть земель, подвластных римскому скипетру, была в древней литературе так или иначе связана с Троянской войной и ее последствиями: Македония и Эпир через троянского эмигранта Хелена; Иллирия и Венеция через троянского эмигранта Антенора; Ретия и Винделиция через амазонок, союзниц троянцев, от которых, как говорили, произошли жители этих провинций (*Сервий ad Virg.*, i. 248); Этрурия через Дардана, который, как говорили, имел троянское происхождение. эмигрировал оттуда в Трою; Лациум и Кампанию через Энеиды; Сицилию, саму родину энейских традиций, через отношения между царскими семьями Трои и Сицилии; Сардинию (см. Саллюстий); Галлию (см. Лукан и Аммиан Марцеллин); Карфаген через визит Энея к Дидоне; и, конечно, всю Малую Азию. Это было еще не все. Согласно "утерянной аргивской истории" Анаксикрата, Скамандрий, сын Гектора и Андромахи, пришел с эмигрантами в Скифию и поселился на берегах Танаиса; и едва Германия стала известна римлянам, как она тоже оказалась втянутой в цикл троянских историй, по крайней мере настолько, что эту страну посетил Улисс во время своих многочисленных путешествий и приключений (*Тас., Germ.*). Воображение каждого образованного грека и римлянина с самых ранних школьных лет было наполнено Троей, и она была частью истории о Троянцах. следы дарданцев и данайцев были найдены повсюду, точно так же, как англичане в наше время думают, что они нашли следы десяти потерянных колен Израиля как в старом, так и в новом свете.

В той же степени, в какой христианство, церковные знания и латинские рукописи были распространены среди тевтонских племен, среди них были распространены знания и интерес к великим троянским историям. Местные истории, повествующие о тевтонских богах и героях, получили ужасные потрясения от христианства, но были спасены в другой форме на устах людей и продолжали в своем новом обличье привлекать их внимание и преданность. В классе latinoамериканских ученых, сформировавшемся среди обращенных в христианство германцев, новые истории, почерпнутые из латинской литературы, рассказывающие об Илионе, о конфликтах между троянцами и греками, о переселениях, об основании колоний на чужих берегах и создании новых империй, были тем, что особенно возбуждало их любопытство и пленяло их воображение. Латинская литература, которая была в большей или меньшей степени доступна тевтонским священникам или священникам, работавшим среди тевтонов,

содержала обильные материалы о Трое как у классических, так и у псевдоклассических авторов. Нам нужно только привлечь внимание к Вергилию и его комментатору Сервию, которые стали кладом знаний для всего средневековья, а среди псевдоклассических произведений - к *"Истории исключения Трои" Дареса Фригия* (которая, как считалось, была написана троянцем и переведена Корнелием Непотом!), к *"Эфемеридам белли Трояни" Диктиса Кретенсиса* (оригинал которой, как говорили, был финикийским и найден в предполагаемой могиле Диктиса после землетрясения во времена Нерона!), и к *"Пиндари фиванскому", Воплощению "Илиадоса Гомера"*.

Еще до того, как была создана история о троянском происхождении франков, тевтонец Иордан, активно писавший в середине VI века, уже нашел место для своих соотечественников-готов в событиях великого троянского эпоса. Не то чтобы он сделал готов потомками греков или троянцев. Напротив, он поддерживал собственные традиции готов в отношении их происхождения и первоначальной родины, о чем я расскажу позже. Но, согласно Орозию, авторитету Иордана, готы были такими же, как *геты*, и когда их идентичность была признана, Иордану было легко связать историю готов с гомеровскими историями. Вождь готов женится на сестре Приама и сражается с Ахиллесом и Улиссом (Джорд., ок. 9), а Илион, едва оправившийся от войны с Агамемноном, во второй раз разрушается готами (ок. 20).

11.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИСТОРИИ О ТРОЯНСКОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ ФРАНКОВ.

Теперь мы должны вернуться к франкским хроникам, к *"Фредегару"* и *"Царству франков"*, где впервые излагается теория происхождения тевтонского племени из Трои и, таким образом, возобновляется идущая от античности агитация, которая пыталась превратить всю древнюю историю в систему событий, исходящих из Трои как их центра. Я полагаю, что могу указать на источники всех заявлений, сделанных в этих хрониках по этому вопросу, а также найти то самое ядро, из которого выросла иллюзия относительно троянского происхождения франков.

Как указывалось выше, Фредегар признает, что Вергилий является самым ранним авторитетом в утверждении о том, что франки произошли от Трои. Предшественник Фредегара, Грегориус Турский, не знал об этом, и, как уже было показано, слово "франки" нигде не встречается у Вергилия. Следовательно, открытие, что он, тем не менее, предоставил информацию о франках и их происхождении, должно было быть сделано или известно во времена, промежуточные между хрониками Грегориуса и Фредегара. Каким же тогда может быть отрывок из поэмы Вергилия, в котором первооткрывателю удалось найти доказательство того, что франки были троянцами? Тщательное изучение всех обстоятельств, связанных с предметом, приводит к выводу, что отрывок находится в *Энеиде*, lib. i., 242 и далее.:

"Antenor potuit, mediis elapsus Achivis,
Illyricos penetrare sinus atque intima tutus
Regna Liburnorum, et fontem superare Timavi:
Unde per ora novem vasto cum murmure montis
It mare proruptum, et pelago premit arva sonanti.
Hic tamen ille urbem Patavi sedesque locavit
Teucrorum."

"Аntenор, вырвавшись из среды греков, мог безопасно проникнуть в Иллирийский залив и самые отдаленные области Либурнии и пересечь источники Тимава, откуда в течение девяти месяцев с громким эхом, отражающимся от гор, оно вырывается, стремительное море, и сметаet поля ревущим потоком. И все же там он построил город Падую и основал троянское поселение".

Ближайшее доказательство того, что это действительно отрывок, который был истолкован как относящийся к древней истории франков, основано на следующих обстоятельствах:

Грегориус Турский нашел в "Истории Сульпиция Александра" описания жестоких конфликтов на западном берегу Рейна между римлянами и франками, последних возглавляли вожди Маркомир и Сунно (Greg., *Hist.*, ii. 9).

От Грегориуса *Gesta regum Francorum* взята оба этих названия. Согласно *Гесте*, франки под командованием Маркомира и Сунно эмигрируют из Паннонии, недалеко от Мотийских болот, и поселяются на Рейне. О предположении, что они жили в Паннонии до своего прихода на Рейн, автор "*Гесты*" узнал от Грегориуса. В *Гесте* Маркомир назван сыном троянца Приама, а Сунно сыном троянца Антенора.

С этой точки зрения рассказ Вергилия о путешествии Антенора и его троянцев в Европу из павшей Трои относится к эмиграции отца франкского вождя Сунно во главе племени франков. И поскольку *Gesta's* Гесты, так называемый Фредегар, апеллирует к Вергилию как к своему авторитету в отношении этой франкской эмиграции, и поскольку странствия Антенора больше нигде не упоминаются римским поэтом, не может быть никаких сомнений в том, что процитированные выше строки были теми самыми, которые рассматривались как свидетельство Вергилия в отношении франкской эмиграции из Трои. В

Но как получилось, что это стало рассматриваться как улика?

Вергилий говорит, что Антенору, спасшемуся от ахивийцев, удалось проникнуть в *Иллирийский синус*, в самое сердце Иллирии. Название Иллирикум служило для обозначения всех регионов, населенных родственными племенами, простирающихся от Альп до устья Дуная и от Дуная до Адриатического моря и Хема (ср. *Марквардт Рем. Staatsverwalt*, 295). К Иллирику принадлежали римские провинции Далмация, Паннония и Мезия, а паннонцы были иллирийским племенем. В Паннонии Грегориус Турский еще в незапамятные времена обнаружил франков. Таким образом, Антенор со своими троянцами в их путешествии на запад пересекает те же области, из которых, согласно Грегориусу, франки двинулись к Рейну.

Вергилий также говорит, что Антенор расширил свои путешествия до либурнских королевств (*regna Liburnorum*). Из комментария Сервия к этому отрывку средневековью было известно, что либурнскими королевствами были Ретия и Винделиция (*Rhetia Vindelici ipsi sunt Liburni*). Ретия и Винделиция отделяют Паннонию от Рейна. Антенор, соответственно, идет тем же путем на Запад, каким, должно быть, шли франки, если они пришли из Паннонии к Рейну.

Затем Вергилий подводит Антенора к реке, которая, правда, называется Тимаvus, но которая описывается как могучий поток, с грохотом вытекающий из гористой местности, где берет свое начало, несущий с собой массу воды, которую поэт сравнивает с морем, образующий, прежде чем впасть в море, дельту, равнины которой затоплены волнами, и, наконец, впадающий

множеством впадин в океан. Вергилий говорит *одевяти*; но Сервий интерпретирует это как означающее *много*: "*конечное число до бесконечности*".

Мы должны простить франкских писцов за то, что они приняли эту реку за Рейн; ибо если искать в Европе к западу от земли либурнцев водное русло, соответствующее описанию Вергилиана, то это должен быть Рейн, на берегах которого предки франков впервые в истории появляются.

Опять же, Вергилий сообщает нам, что Антенор поселился у этой реки и основал колонию — Патавиум - на низких равнинах дельты. Салийские франки овладели низкими и равнинными регионами вокруг устьев Рейна (*Insula Batavorum*) примерно в 287 году, а также землями на юге вплоть до Шельды; и после затяжных войн римлянам пришлось оставить им контроль над этим регионом. По самому факту оккупации этой низменности ее завоевателей можно было бы с полным правом назвать батавскими франками. Необходимо лишь обратить внимание на сходство слов *Патави* и *Батави*, чтобы в то же время показать, что вряд ли можно избежать вывода, что Вергилий имел в виду иммиграцию франков, когда говорил о странствиях Антенора, тем более что с незапамятных времен произношение инициалов *В* и *Р* были заменены германцами. На завоеванной территории франки основали город (Аммиан. Марк., xvii. 2, 5).

Таким образом, предполагается, что франки мигрировали на Рейн под предводительством Антенора. Первыми франкскими вождями, записанными после их появления там, являются Маркомир и Сунно. Из этого был сделан вывод, что Сунно был сыном Антенора; а поскольку Маркомир должен был быть сыном какого-нибудь знаменитого троянского вождя, его сделали сыном Приама. Таким образом, мы объяснили заявление Фредегара о том, что Вергилий является его авторитетом в отношении троянского происхождения этих франков. Казалось, это было установлено на все времена.

Войны, которые велись на Мотийских болотах между императором Валентинианом, алеманнами и франками, о которых говорит *Геста*, не являются полностью плодом воображения. Историческое ядро этого запутанного полумифического повествования состоит в том, что Валентиниан действительно сражался с алеманнами, и что франки в течение некоторого времени были союзниками римлян и вступили в конфликт с теми же самыми алеманнами (Аммиан. Марк., библиотеки, XXX., XXXI.). Но сцены из этих сражений был не Мæotian болота и Паннонии, как *Геста* считает, но в регионах на Рейне.

Неисторическое утверждение Грегориуса о том, что франки пришли из Паннонии, основано только на том факте, что франкские воины на некоторое время сформировали *когорты Сикамбры*, которые примерно в 26 году были объединены с римскими войсками, дислоцированными в Паннонии и Фракии. Считается, что эта когорта осталась в Венгрии и основала колонию там, где сейчас находится Буда. *Геста* утверждает, что Паннония простирается от Мотийских болот до Танаиса, поскольку, согласно Грегориусу и более ранним хронистам, эти воды были границей между Европой и Азией, и поскольку Азия рассматривалась как синоним троянской империи. Вергилий назвал троянское царство Азией: *Postquam res Asiae Priamique evertere gentemi* с., (*Энеида*, iii. 1).

Таким образом, мы показали семя, из которого басня о троянском происхождении франков выросла в дерево, раскинувшее свои ветви по всей Тевтонской Европе, точно так же, как более ранняя басня, которая, по крайней мере, получила развитие, если не родилась на Сицилии, в отношении троянского происхождения римлян, выросла в дерево, затеняющее все земли

вокруг Средиземноморья и простирающее одну из своих ветвей через Галлию до Британии и Ирландии. Первый сын бриттов, "Брут", был, согласно Гальфреду, правнуком Эния и мигрировал из Альба-Лонги в Ирландию.

Что касается галлов, то включение Цисальпийской Галлии в состав Римской империи и романизация проживающих там галлов с самого начала уступили место вере в то, что они имели то же происхождение и были одной крови с римлянами. Следовательно, они тоже были троянцами. Эта точка зрения, поощряемая римской политикой, постепенно распространилась на галлов по ту сторону Рейна; и еще до правления Цезаря римский сенат в своих письмах к эдуанам часто называл их "братьями и родственниками" римлян (*Единокровные братья* — Cæsar, *De Bell. Gall.*, i. 33, 2). Об авернианцах поет Лукан (i. 427): *Аверни ... ausi Latio se fingere fratres, sanguine ab Iliaco populi*.

Таким образом, мы видим, что когда франки, сделав себя хозяевами романизированной Галлии, заявили о своем троянском происхождении, то это было повторением истории, ареной которой на протяжении многих веков ранее была Галлия. После франкского завоевания население Галлии во второй раз состояло из двух национальностей, непохожих по языку и обычаям, и теперь, как и прежде, немаловажной политической мерой было как можно более сблизить эти две национальности верой в общее происхождение. Римские галлы и франки были представлены как один народ во времена Троянской войны. После падения общего отечества они разделились на два отдельных племени с отдельными судьбами, пока не нашли друг друга на западе Европы, чтобы снова жить вместе в Галлии. Это объясняет, как получилось, что, когда они подумали, что нашли подтверждение этой точки зрения у Вергилия, это было сразу принято, и воспринято с таким рвением, что более старые традиции в отношении происхождения и миграций франков были отброшены в сторону и преданы забвению. История повторяется в третий раз, когда норманны завоевали и стали хозяевами той части Галлии, которая в их честь называется Нормандией. Дудо, их летописец, говорит, что они считали себя *бывшими Antenore progenitos*, потомками Антенора. Это достаточное доказательство того, что они позаимствовали у франков традицию о своем троянском происхождении.

12.

ПОЧЕМУ ОДИН ЗАНЯЛ МЕСТО АНТЕНОРА В КАЧЕСТВЕ ЛИДЕРА ТРОЯНСКОЙ ЭМИГРАЦИИ.

Пока франки были единственными из тевтонов, кто заявлял о троянском происхождении, было достаточно того, что тевтонско-троянскую иммиграцию возглавлял отец франкского вождя. Но в той же степени, в какой вера в троянское происхождение распространилась среди других тевтонских племен и приобрела характер утверждения, одинаково важного для всех тевтонских племен, естественно возникла идея, что лидер великой иммиграции был личностью общетевтонского значения. Недостатка в именах на выбор не было. Наиболее заметным был мифический тевтонский патриарх, о котором Тацит говорит и называет *Маннусом* (*Германия*, 2), внуком богини Йорд (Земли). Не может быть никаких сомнений в том, что его до сих пор помнили под этим (Манн) или каким-то другим именем (поскольку почти все тевтонские мифические персонажи имеют несколько имен), поскольку он вновь появляется в начале четырнадцатого века у Генриха Фрауэнлоба как Меннор, патриарх немецкого народа и немецкого языка.^[5] Но Маннусу пришлось уступить другому универсальному тевтонскому мифическому персонажу, Одину, и по причинам, которые мы сейчас представим.

По мере того как христианство постепенно внедрялось среди тевтонских народов, перед ними встал вопрос, что же это были за существа, в которых они и их предки так долго верили. У их христианских учителей было два ответа, и оба были легко совместимы. Общепринятый ответ, который обычно давался обращенным массам, заключался в том, что боги их предков были демонами, злыми духами, которые заманивали людей в ловушку суеверий, чтобы им поклонялись как божественным существам. Другой ответ, который был больше рассчитан на то, чтобы понравиться благородным тевтонским семьям, считавшим себя потомками богов, заключался в том, что эти божества изначально были людьми - королями, вождями, законодателями, которые, наделенные высшей мудростью и тайными знаниями, использовали их, чтобы заставить людей поверить, что они боги, и поклоняться им как таковым. Оба ответа, как уже говорилось, можно было легко согласовать друг с другом, поскольку было очевидно, что когда эти гордые и лживые правители умерли, их несчастные души присоединились к рядам злых демонов, и как демоны они продолжали обманывать людей, чтобы на протяжении всех веков поддерживать поклонение, враждебное истинной религии. Обе стороны этой точки зрения мы находим распространенными среди тевтонских рас на протяжении всего средневековья. Та, которая, в частности, представляет старых богов как злых демонов, встречается в популярных традициях этой эпохи. Другой, который представляет старых богов как смертных, как вождей и законодателей, обладающих магической силой, чаще всего отражается в тевтонских хрониках и считался среди ученых научным взглядом.

Таким образом, неизбежно следовало, что Один, главный из тевтонских богов, от которого их королевские дома любили вести свое происхождение, также должен был быть мудрым королем древности и искусным в магических искусствах, и, конечно, с величайшим интересом разыскивалась информация о месте, где он правил, и о его происхождении. Было два источника расследования по этому вопросу. Одним из источников было сокровище мифических песен и традиций их собственной расы. Но то, что в них могло быть историей, казалось студентам настолько погруженным в суеверия и фантазии, что от них, казалось, можно было получить не так уж много информации. Но был и другой источник, который с точки зрения исторической достоверности казался несравненно лучше, и это была латинская литература, которую можно было найти в библиотеках монастырей.

В течение веков, когда германцы не использовали никакого другого искусства, кроме поэзии, для сохранения памяти о жизни и деяниях своих предков, у римлян, как мы знаем, были пергамент и папирус для записей, и они вели систематические летописи, уходящие корнями на столетия назад. Следовательно, этот источник должен быть более надежным. Но что имел этот источник — что римские летописи или римская литература в целом рассказывали об Одине? Казалось бы, абсолютно ничего, поскольку имя Один, или Водан, не встречается ни у одного из авторов древней литературы. Но это было лишь кажущимся препятствием. Древний царь нашей расы, Один, говорили они, имел много имен — одно имя у одного народа и другое у другого, и не может быть никаких сомнений в том, что он тот же человек, которого римляне называли Меркурием, а греки Гермесом.

Доказательства правильности отождествления Одина с Меркурием и Гермесом ученые могли найти в работе Тацита о Германии, где в девятой главе говорится, что главный бог германцев - это то же самое, что Меркурий у римлян. Но Тацит был почти неизвестен в монастырях и школах этого периода средневековья. Они не могли использовать это доказательство, но у них было другое, полностью компенсирующее это утверждение.

Первоначально римляне не делили время на недели по семь дней. Вместо этого у них были недели по восемь дней, и фермер работал семь дней, а на восьмой отправлялся на рынок. Но семидневная неделя существовала очень давно у некоторых семитских народов, и уже во времена Римской республики многие евреи жили в Риме и в Италии. Благодаря им семидневная неделя стала общеизвестной. Еврейский обычай соблюдать святость субботы, первого дня недели, воздерживаясь от всякой работы, не мог не быть замечен пришельцами, среди которых они жили. Однако у евреев не было специального названия для каждого дня недели. Но восточные, египетские и греческие астрологи, которые в большом количестве искали счастья в Риме, сделали больше, чем евреи, для введения семидневной недели среди всех слоев населения столицы, и у астрологов были особые названия для каждого из семи дней недели. Суббота была днем планеты и планетарного бога Сатурна; воскресенье - солнца; понедельник - Луны; вторник - Марса; среда - Меркурия; четверг - Юпитера; пятница - Венеры. Уже в начале существования империи эти названия дней были довольно распространены в Италии. Астрологические альманахи, которые распространялись от имени египетского Петосириса среди всех семей, имевших средства для их покупки, во многом способствовали достижению этой цели. Из Италии как увлечение астрологией, так и принятие семидневной недели с вышеупомянутыми названиями распространились не только в Испании и Галлии, но и в тех частях Германии, которые были включены в состав Римской империи, верхней и нижней Германии, где романизация населения с центром в Кельне (*Civitas Ubiorum*) достигла больших успехов. Германцев, служивших офицерами и солдатами в римских армиях и знакомых сповседневными обычаями римлян, можно было встретить в различных частях независимой территории Тевтонии, и поэтому неудивительно, что семидневная неделя с отдельным названием, данным каждому дню, была известна и использовалась более или менее широко по всему Тевтондому еще до того, как христианство пустило корни к востоку от Рейна, и задолго до того, как сам Рим был обращен в христианство. Но из этого введения семидневной недели не следовало принятия римских названий дней. Германцы перевели эти имена на свой собственный язык и при этом выбрали среди своих собственных божеств те, которые наиболее соответствовали римским. Перевод имен сделан с разбором, который, по-видимому, показывает, что он был сделан в пограничной с Тевтонией стране, управляемой римлянами, людьми, которые были так же знакомы с римскими богами, как и со своими собственными. В этой пограничной стране, должно быть, были лица тевтонского происхождения, которые служили священниками перед римскими алтарями. Дням солнца и луны было разрешено сохранить свои названия. Они назывались воскресенье и понедельник. День бога войны Марса стал днем бога войны Тира, вторником. День Меркурия стал днем Одина, средой. День вооруженного молнией Юпитера стал днем громоподобного Тора, четвергом. День богини любви Венеры стал днем богини любви Фрейи, пятницей. Сатурн, который в астрологии является водной звездой и имеет свой дом в знаке водяного, был у римлян, а до них у греков и халдеев, владыкой седьмого дня. У северных германцев, или, по крайней мере, у части из них, его день получил свое название от *laug*,^[6] что означает "баня", и в этой связи стоит отметить, что автор Предисловия к "Эдде в прозе" отождествляет Сатурна с морским богом Ньердом.

Здесь латинские ученые получили то, что казалось им полным доказательством того, что Один, о котором так много рассказывают их истории прошлого, был — и был так признан их языческими предками — той же исторической личностью, которой римляне поклонялись под именем Меркурий.

На первый взгляд может показаться странным, что Меркурий и Один считались идентичными. Мы привыкли представлять Гермеса (Меркурия) таким, каким его представляли греческие скульпторы, идеалом красоты и упругой юности, в то время как Одина мы представляем себе с созерцательным, таинственным видом. И в то время как Один в тевтонской мифологии является отцом и правителем богов, Меркурий в римской, конечно, как сын Зевса, занимает высокое положение, но его достоинство не освобождает его от роли очень занятого посланника богов Олимпа. Но ни греки, ни римляне, ни германцы не придавали особого значения подобным обстоятельствам в имеющихся у нас образцах их сравнительной мифологии. Римляне знали, что один и тот же бог у одного и того же народа может быть представлен по-разному и что местные традиции также иногда различались в отношении родства и ранга божества. Поэтому они уделяли больше внимания тому, что Тацит называет *vis numinis*, то есть значению божества как символа природы или его связи с делами общества и человеческой культурой. Меркурий был символом мудрости и интеллекта; таким же был Один. Меркурий был богом красноречия; Один аналогично. Меркурий принес людям поэзию и песни; Один тоже. Меркурий научил людей искусству письма; Один дал им руны. Меркурий без колебаний применял хитрость, когда это было необходимо, чтобы заполучить то, чего он желал; и Один не был особенно щепетилен в отношении средств. Меркурий, с крыльями на шляпе и на каблуках, летал над миром и часто появлялся среди людей в образе путешественника; Один, повелитель ветра, делал то же самое. Меркурий был богом боевых игр, и все же на самом деле он не был богом войны; Один также был руководителем боевых игр и единоборств, но занятие бога войны он оставил Тюру. Таким образом, Меркурий и Один были похожи друг на друга во всех важных отношениях.

Для ученых это, должно быть, было дополнительным доказательством того, что этот, в их глазах, исторический вождь, которого римляне называли Меркурием, а германцы - Одином, был одной и той же человеческой личностью, жившей в далеком прошлом и одинаково побуждавшей греков, римлян и готов поклоняться ему как богу. Чтобы получить дополнительную и более достоверную информацию об этом Одине-Меркурии, чем та, которую могли передать тевтонские языческие традиции, было необходимо только изучить и правильно интерпретировать то, что римская история говорила о Меркурии.

Как известно, некоторые таинственные документы, называемые Сивиллиными книгами, хранились в храме Юпитера на Капитолийском холме в Риме. Римское государство было их владельцем и строжайшим образом следило за ними, так что их содержание оставалось тайной для всех, за исключением тех, чье положение давало им право их читать. Коллегия священников, людей с высоким положением, была назначена охранять их и консультироваться с ними, когда того требовали обстоятельства. Распространенное мнение о том, что римское государство консультировалось с ними для получения информации относительно будущего, неверно. С ними советовались только для того, чтобы выяснить, с помощью каких церемоний покаяния и умилоствления можно было бы отвести гнев высших сил во времена, когда Рим был в беде или когда чудеса того или иного рода будоражили народ и вызывали опасения перед надвигающимся несчастьем. Затем должным образом назначенные лица предъявили Сивиллиные книги, и в какой-нибудь строке или отрывке они обнаружили, какое божество разгневано и его следует умилоствовать. Сделав это, они опубликовали свою интерпретацию отрывка, но не стали обнародовать слова или фразы отрывка, поскольку текст сивиллиных книг не должен быть известен широкой публике. Книги были написаны на греческом языке.

История о том, как эти книги попали во владение Римского государства через женщину, которая продала их Тарквинию — по одной версии, Тарквину Старшему, по другой — Тарквинию Младшему, - встречается у римских авторов, которых хорошо знали и читали на протяжении всего средневековья. Женщина была Сибиллой, согласно Варрону Эритрейцу, названной так по имени греческого города в Малой Азии; согласно Вергилию Кумейцу, пророчицей из Кумы на юге Италии. Обе версии можно было легко согласовать, поскольку Кумы были греческой колонией из Малой Азии; и мы читаем в комментариях Сервия к поэмам Вергилия, что эритрейская Сивилла многими считалась идентичной кумской. Предполагалось, что она прибыла в Кумы из Малой Азии.

В западной Европе люди средневековья утверждали, что существовало двенадцать сивилл: персидская, ливийская, дельфийская, киммерийская, эритрейская, самосская, кумская, геллеспонтская или троянская, фригийская и тибуртинская, а также Сивилла Европейская и Сивилла Агриппа. Авторитетами в отношении первых десяти из них были отец церкви Лактанций и западнототский историк Исодор Севильский. Последние две, Европа и Агриппа, были просто добавлены для того, чтобы число Сивилл сравнялось с числом пророков и апостолов.

Но ученые средневековья также знали от Сервия, что кумская Сивилла была, по сути, тем же самым, что и эритрейская; а от отца Церкви Лактанция, которого в средние века много читали, они также узнали, что эритрейская Сивилла была идентична троянской. Благодаря Лактанцию они также думали, что смогут точно определить, где родилась троянская Сибилла. Ее местом рождения был город Марпесс, недалеко от троянской горы Ида. От того же отца Церкви они узнали, что истинное содержание сивиллиных книг состояло из повествований о троянских событиях, о жизнях троянских царей и т.д., а также пророчеств о падении Трои и других грядущих событиях, и что поэт Гомер в своих произведениях был простым плагиатором, который нашел копию "Книг Сивиллы", переделал и фальсифицировал ее и опубликовал от своего имени в виде героических поэм о Трое.

Это, по-видимому, устанавливало тот факт, что те книги, которые женщина из Кум продала римскому царю Тарквинию, были написаны Сибиллой, родившейся в стране Троян, и что книги, которые Троян купил у нее, содержали рассказы и пророчества — рассказы особенно о троянских вождях и героях, впоследствии прославленных в поэмах Гомера. Поскольку римляне пришли из Трои, эти вожди и герои были их предками, и в этом качестве они имели право на поклонение, которое римляне считали должным душам их предков. С христианской точки зрения это, конечно, было идолопоклонством; и поскольку считалось, что Сивиллы делали предсказания даже относительно Христа, могло показаться неподобающим с их стороны продвигать таким образом причину идолопоклонства. Но Лактанций дал удовлетворительное объяснение этому вопросу. Сивилла, по его словам, безусловно, правдиво пророчествовала относительно Христа; но это она делала по божественному принуждению и в моменты божественного вдохновения. По рождению и своим симпатиям она была язычницей, и, находясь под влиянием своего подлинного вдохновения, она провозглашала языческие и идолопоклоннические доктрины.

В наш критический век все это может показаться просто фантазиями. Но тщательное изучение показало, что в этих представлениях не отсутствует историческое ядро. И исторический факт, лежащий в основе всего этого, заключается в том, что сивиллиные книги, сохранившиеся в Риме, на самом деле были написаны в Малой Азии, на древней троянской территории; или,

другими словами, что древнейшее известное собрание так называемых сивиллиных оракулов было составлено в Марпессе, недалеко от троянской горы Ида, во времена Солона. Из Марпесса коллекция попала в соседний город Гергис и хранилась там в храме Аполлона; из Гергиса она попала в Кумы, а из Кумы во времена царей - в Рим. Как оно попало туда, неизвестно. История о кумской женщине и Тарквинии является выдумкой и встречается в различных формах. Также очевидно, что выдумкой является то, что в римских сивиллиных книгах содержались рассказы о героях Троянской войны. С другой стороны, абсолютно несомненно, что они ссылались на богов и культ, которые в основном были неизвестны римлянам до появления там сивиллиных книг, и что этим книгам следует в первую очередь приписать замечательные изменения, произошедшие в римской мифологии в республиканские века. Римская мифология, в которой с самого начала было лишь несколько богов, четко идентичных греческим, была особенно расширена в эту эпоху и получила богов и богинь, которым поклонялись в Греции и в греческой и эллинизированной части Малой Азии, где возникли сивиллиные книги. Это происходило так, что всякий раз, когда римляне в беде обращались к сивиллиным книгам, они получали ответ, что тот или иной греко-азиатский бог или богиня разгневаны и должны быть умиловлены. В связи с церемониями умиловления бог или богиня принимались в римском пантеоне, и рано или поздно ему строился храм; и таким образом, не потребовалось много времени, прежде чем римляне присвоили мифы, которые были распространены в Греции относительно этих заимствованных божеств. Это объясняет, почему римская мифология, которая в своих древнейших источниках так оригинальна и так непохожа на греческую, в золотой период римской литературы доходит до нас в почти полностью греческом одеянии; это объясняет, почему римскую и греческую мифологии того времени можно было рассматривать как почти идентичные. Тем не менее римляне были способны даже в более поздний период античности отличать своих местных богов от тех, которые были представлены в сивиллиных книгах. Первым поклонялись в соответствии с римским ритуалом, вторым - в соответствии с греческим. К последним принадлежали Аполлон, Артемида, Латона, Церера, Гермес, Меркурий, Прозерпина, Сибилла, Венера и Эскулап; и римлянам было хорошо известно, что Сивиллиные книги были греко-троянским произведением, чьей первоначальной родиной была Малая Азия и территория Трои. Когда за восемьдесят четыре года до Рождества Христова сгорел храм Юпитера Капитолийского, сивиллиные книги были утеряны. Но государство не могло их пощадить. Необходимо было создать новую коллекцию, и это было сделано главным образом путем сбора оракулов, которых можно было найти одно за другим в тех местах, которые посетила троянская или эритрейская Сибилла, то есть в Малой Азии, особенно в Эритре, и в Илионе, древней Трое.

Что касается Гермеса-Меркурия, римские анналы сообщают нам, что он получил свой первый лектистерний в 399 году до Рождества Христова по заказу из Сивиллиных книг. Лектистерний был жертвоприношением: изображение бога клали на кровать с подушкой под левой рукой, а рядом с изображением ставили стол и трапезу, которая приносилась богу в жертву. Примерно за сто лет до этого Гермес-Меркурий получил свой первый храм в Риме.

Таким образом, Гермес-Меркурий, по-видимому, подобно Аполлону, Венере, Эскулапу и другим, был богом, первоначально неизвестным римлянам, поклоняться которому римлянам рекомендовала троянская Сибилла.

Это было известно ученым средневековья. Теперь мы должны иметь в виду, что для них было столь же несомненно, как и несомненный научный факт, что боги изначально были людьми,

вождями и героями, и что обожествленный вождь, которому римляне поклонялись как Меркурию, а греки - как Гермесу, был тем же, кого германцы называли Одином, и от которого вели свое происхождение выдающиеся тевтонские семьи. Мы также должны помнить, что Сивилла, которая, как предполагалось, рекомендовала римлянам поклоняться древнему королю Одину-Меркурию, как полагали, была троянской женщиной, и что ее книги, как считалось, содержали истории о героях Трои в дополнение к различным пророчествам, и поэтому такой способ рассуждения привел к выводу, что боги, которые были представлены в Риме через сивиллиные книги, были знаменитыми троянцами, которые жили и сражались во времена, предшествовавшие падению Трои. Другим неизбежным и логичным выводом было то, что Один был вождем троянцев, и когда он появляется в тевтонской мифологии как вождь богов, наиболее вероятным казалось, что он был идентичен троянскому царю Приаму, а Приам был идентичен Гермесу-Меркурию.

Теперь, поскольку предполагалось, что предки римлян эмигрировали из Трои в Италию под предводительством Эния, необходимо было предположить, что римляне были не единственными троянскими эмигрантами, поскольку, поскольку германцы поклонялись Одину-Приаму-Гермесу как своему главному богу, и поскольку ряд германских семей вели свое происхождение от этого Одина, германцы тоже, должно быть, эмигрировали из Трои. Но поскольку тевтонские диалекты сильно отличались от римского языка, троянские римляне и троянские германцы, должно быть, были разделены очень долгое время.

Они, должно быть, расстались сразу после падения Трои и разошлись в разные стороны, и поскольку римляне на своем пути в Европу пошли южным курсом, германцы, должно быть, пошли северным. Ученым также было очевидно, что римляне высадились в Европе на много веков раньше германцев, поскольку Рим был основан уже в 754 или 753 году до Рождества Христова, но в летописях нет ни слова о германцах ранее периода, непосредственно предшествовавшего рождению Христа. Следовательно, тевтонцы, должно быть, сделали остановку где-то по пути на Север. Эта остановка, должно быть, длилась несколько столетий, и, конечно, подобно римлянам, они, должно быть, основали город и из него управляли территорией в память о своем павшем городе Троя. В ту эпоху очень мало было известно об Азии, где предположительно располагалась эта тевтонско-троянская колония, но как от Орозия, так и позже от Грегориуса Турского было известно, что наш мир разделен на три большие части — Азию, Европу и Африку — и что Азию и Европу разделяет река под названием Танаис. И узнав от Грегориуса Турского, что франки-тевтоны, как говорили, жили в Паннонии в древние времена, а также узнав, что Мотийские болота лежат к востоку от Паннонии и что Танаис впадает в эти болота, они наметили маршрут, по которому германцы пришли в Европу, то есть через Танаис и Мотийские болота. Не зная вообще ничего важного об Азии за пределами Танаиса, было естественно, что они разместили колонию троянских тевтонов на берегах этой реки.

Я думаю, что теперь я указал на основные нити паутины этого схоластического романа, сотканного из латинских монастырских знаний об эмиграции тевтонов из Трои и Азии, паутины, которая простирается от франкской хроники Фредегара через последующие хроники средневековья вплоть до Хеймскринглы и Предисловия к Младшей Эдде. Согласно Франкской хронике, *Gesta regum Francorum*, считалось, что эмиграция франков из троянской колонии близ Танаиса произошла очень поздно; то есть во времена Валентиниана I, или, другими словами, между 364 и 375 годами после Рождества Христова. Исландские авторы очень хорошо знали, что тевтонские племена были далеко в Европе задолго до этого времени, и правила, которые

они установили в отношении Севера, указывали на то, что они, должно быть, эмигрировали из колонии Танаис задолго до франков. Поскольку нападение римлян было причиной эмиграции франков, казалось вероятным, что эти завоеватели мира также вызвали более раннюю эмиграцию из Танаиса; и поскольку экспедиция Помпея в Азию была самой знаменитой из всех экспедиций, предпринятых римлянами на Востоке - Помпей даже вошел в Иерусалим и посетил его Храм — было сочтено наиболее удобным позволить асам эмигрировать во времена Помпея, но они оставили остатки германцев возле Танаиса под властью младших братьев Одина Вайла и Ве, чтобы эта колония могла продолжать свое существование. существовать до тех пор, пока не произойдет эмиграция франков.

Наконец, следует упомянуть, что сага о троянском переселении, зародившаяся и получившая развитие в древности, ни единым словом не указывает на то, что Европа была заселена позже Азии или что она получила свое население из Азии. Иммиграция троянцев в Европу рассматривалась как возвращение на их исконные земли. Дардан, основатель Трои, считался лидером эмиграции из Этрурии в Азию (*Энеида*, iii. 165 и далее, Серв. Комм.). Как правило, европейские народы считали себя в древности автохтонами, если они не рассматривали себя как иммигрантов из регионов Европы на территории, которые они населяли в исторические времена.

13.

МАТЕРИАЛЫ ИСЛАНДСКОЙ ТРОЯНСКОЙ САГИ.

Мы надеемся, что представленные выше факты убедили читателя в том, что сага об иммиграции Одина и асов в Европу насквозь является продуктом монастырского обучения средневековья. То, что она родилась и развивалась независимо от традиций тевтонского язычества, станет еще более очевидным благодаря дополнительным доказательствам, которые доступны в отношении этого предмета. Возможно, однако, будет небезынтересно сначала остановиться на некоторых деталях в "Хеймскрингле" и "Младшей Эдде" и указать на их источник.

Следует иметь в виду, что, согласно Младшей Эдде, именно Зороастр первым задумал построить Вавилонскую башню, и что в этом начинании ему помогали семьдесят два мастера-каменщика. Зороастр - это, как хорошо известно, другая форма бактрийского или иранского имени Заратустра, имени пророка и религиозного реформатора, которого восхваляют на каждой странице священных книг Авесты, и который в доисторическую эпоху основал религию, которая далеко в нашу эпоху исповедовалась персами и до сих пор исповедуется их потомками в Индии, и отличается самым серьезным и нравственным взглядом на мир. В персидской и классической литературе этот Зороастр не имеет ничего общего с Вавилоном, тем более с Вавилонской башней. Но уже в первом веке христианства, если не раньше, получили распространение традиции, которые сделали Зороастра основателем всего колдовства, магии и астрологии (Плиний, *Hist. Nat.*, xxx. 2); и поскольку предполагалось, что астрология, в частности, имела свой центр и базу в Вавилоне, было естественно предположить, что Вавилон был ареной деятельности Зороастра. Греко-римский хронист Аммиан Марцеллин, живший в четвертом веке после Рождества Христова, все еще знает, что Зороастр был человеком из Бактрии, а не из Вавилона, но у него уже сложилось мнение, что Зороастр почерпнул большую часть своей мудрости из писаний вавилонян. У отцов Церкви сага развита в этом направлении, и от отцов Церкви она попала в латинские хроники. Христианский историк Орозий также знает, что Зороастр был родом из Бактрии, но он уже связывает Зороастра с историей Ниневи и

Вавилон и заставляет Нина начать войну против него и победить его. Орозий говорит о нем как об изобретателе колдовства и магических искусств. Грегориус Турский сказал в свое время, что Зороастр был идентичен внуку Ноя, Хусу, сыну Хама, что этот Хус перешел к персам и что персы называли его Зороастром, что, как предполагается, означает "живая звезда". Грегориус также рассказывает, что этот Зороастр был первым человеком, который научил людей искусству колдовства и ввел их в заблуждение, приведя к идолопоклонству, а поскольку он владел искусством заставлять звезды и огонь падать с небес, люди воздавали ему божественное поклонение. В то время, продолжает Грегориус, люди желали построить башню, которая достигала бы небес. Но Бог спутал их языки и свел их проект на нет. Нимрод, который, как предполагалось, построил Вавилонскую Башню, был, согласно Грегориусу, сыном Зороастра.

Если мы сравним это с тем, что говорится в Предисловии к Младшей Эдде, то обнаружим, что там тоже Зороастр является потомком сына Ноя Хама и основателем всего идолопоклонства, и что ему самому поклонялись как богу. Очевидно, что автор Предисловия почерпнул эти утверждения из какого-то источника, связанного с историей Грегориуса. О 72 мастерах-каменщиках, которые, как говорили, помогали Зороастру в строительстве башни и от которых произошли 72 языка мира, Грегориусу нечего сказать, но сага об этих строителях была распространена повсюду в средние века. В ранней англосаксонской литературе есть очень наивное небольшое произведение, очень характерное для своего времени, под названием "Диалог между Сатурном и Соломоном", в котором Сатурн проверяет знания Соломона и задает ему всевозможные библейские вопросы, на которые Соломон отвечает частично из Библии, а частично из связанных с Библией саг. Среди прочего Сатурн сообщает Соломону, что Адам был создан из различных элементов, его общий вес составлял восемь фунтов, и что при сотворении он был всего 116 дюймов в длину. Соломон рассказывает, что у Сима, сына Ноя, было тридцать сыновей, Хама — тридцать, а Иафета — двенадцать, что составляет 72 внука Ноя; и поскольку не может быть никаких сомнений в том, что, по мнению автора, все языки мира, которых, как считается, 72, возникли в Вавилонской башне и были распространены по миру этими 72 внуками Ноя, мы здесь находим ключ к тому, кем были те 72 мастера-каменщика, которые, согласно Эдде, помогали Зороастру строить башню. Соответственно, они были его братьями. Современник Лютера, Хенрикус Корнелиус Агриппа, который в своем труде *"Об оккультной философии"* собрал многочисленные данные о суевериях всех эпох, есть глава о силе и священном значении различных чисел, и, говоря о числе 72, он говорит: "Число 72 соответствует 72 языкам, 72 старейшинам в синагоге, 72 комментаторам Ветхого Завета, 72 ученикам Христа, 72 именам Бога, 72 ангелам, которые управляют 72 знаками Зодиака, каждое из которых соответствует одному из знаков Зодиака". 72 языка". Это в достаточной степени иллюстрирует, насколько широко была распространена традиция в отношении 72 мастеров-каменщиков на протяжении веков средневековья. Даже русская летопись Нестора знает эту традицию. Он продолжал пользоваться определенным авторитетом и в семнадцатом веке. Издание *Opera Omnia* Сульпиция Севера, напечатанное в 1647 году, все еще считает необходимым указать, что некий комментатор усомнился в том, что число 72 было полностью точным. Среди сомневающихся мы находим Рудбека в его *"Атлантике"*.

То, что в Эдде рассказывается о царе Сатурне и его сыне, царе Юпитере, в общих чертах встречается частично у отца Церкви Лактанция, частично у комментатора Вергилия Сервия, которого знали и читали в средние века. Поскольку "Эдда" утверждает, что Сатурн владел искусством получения золота из расплавленного железа и что в его время не существовало ничего, кроме золотых монет, это следует рассматривать как интерпретацию заявления,

сделанного в латинских источниках, о том, что Сатурн "был золотым веком" —*aurea secula, aurea regna*. У римлян Сатурн был хранителем сокровищ, а сокровищница римлян находилась в храме Сатурна на Форуме.

Генеалогия, содержащаяся в "Эдде", согласно которой троянский царь Приам, считающийся старейшим и истинным Одином, происходил в шестом поколении от Юпитера, взята из латинских хроник. Хериконом из Эдды, внуком Юпитера, является римско-греческий Эрихтоний; Ламедоном из Эдды является Лаомедон. Затем перед Эддой встает трудная задача продолжить генеалогию через темные века между сожжением Трои и иммиграцией младшего Одина в Европу. Здесь латинские источники, естественно, полностью подводят его, и он вынужден обратиться за другой помощью. Сначала рассматриваются местные источники. Там обнаруживается, что Тора также звали Лоррайд, Индрайд и Вингтор, и что у него было два сына, Мод и Магне; но также обнаруживается генеалогия, составленная примерно в двенадцатом веке, в которой эти разные имена Тора применяются к разным лицам, так что Лоррайд - сын Тора, Индрайд - сын Лоррайда, Вингтор - сын Индрайда и т.д. Такой способ составления генеалогий был распространен в Исландии в двенадцатом веке, а до этого времени среди англосаксов-христиан. Вслед за этим Эдда продолжает свою генеалогию именами Бедвиг, Атра, Итрман, Херемод, Скъялдун или Скольдд, Бьеф, Джат, Гудольф, Фьярлаф или Фридлейф и, наконец, Один, то есть младший Один, принявший это имя в честь своего обожествленного прародителя Гермеса-Приама. Вся эта генеалогия взята из саксонского источника, и ее можно найти в англосаксонской хронике "имя в имя". От Одина генеалогия делится на две ветви: одна от сына Одина, Веггдегга, а другая от сына Одина, Бельдегга или Бальдера. Одна ветвь имеет названия Veggdegg, Vitrgils, Ritta, Heingest. Эти имена собраны в генеалогию английским церковным историком Бедой, английским хронистом Ненниусом и в англосаксонской хронике. Из одного из этих трех источников Эдда взяла их, и единственная разница заключается в том, что Эдда, должно быть, сделала ошибку в одном месте и изменила имя Витта на Ритта. Другая ветвь, которая начинается с Бальдера или Белдегга, охватывает восемь имен, которые в точно таком же порядке встречаются в англосаксонской хронике.

Что касается Бальдра, то в Эдде говорится, что Один назначил его королем Вестфалии. Это утверждение основано на традиции, согласно которой Бальдер был известен среди германцев-язычников и скандинавов под именем Фал (*Falr*, см. № 92) с его вариацией Fol. В эпоху, когда считалось, что Швеция получила свое название от короля Свена, Геталанд - от короля Гета, Данмарк - от короля Дана, Ангельн - от короля Ангула, франки - от герцога Франсио, можно было ожидать, что Фален (Восточная и Западная Фалия) был назван в честь короля Фала. То, что это имя было признано принадлежащим Бальдеру не только в Германии, но и в Скандинавии, я приведу дополнительные доказательства в № 92.

Как уже говорилось, Тор, согласно "Эдде", был женат на Сибилле, то есть Сивилле, и "Эдда" добавляет, что на Севере эту Сивиллу называют Сиф. В тевтонской мифологии женой Тора является богиня Сиф. Уже упоминалось, что в средние века считалось, что кумская или эритрейская Сибилла родом из Трои, и поэтому нет ничего странного в том, что автор "Младшей Эдды", который говорит о троянском происхождении Одина и его народа, женил Тора на самой знаменитой из троянских женщин. Тем не менее, этот брак не выдуман автором. Утверждение имеет более древнюю основу и, принимая во внимание все обстоятельства, может быть прослежено до Германии, где Сиф во времена язычества был так же хорошо известен, как и Тор. Северной форме Sif соответствует готская форма *Sibba*, древнеанглийское *Sib*,

древнесаксонское *Sibbia* и древненемецкое *Sibba*, а Сибилла, *Sibilla*, считалась еще одной формой того же имени. Вера, основанная на предполагаемом факте, что жена Тора Сиф была идентична Сивилле, объясняет феномен, до сих пор не понятый в мире саг и церковной скульптуре средневековья, и по этому поводу у меня сейчас есть несколько замечаний.

В скандинавской мифологии несколько богинь, или дисес, имеют, как мы знаем, обличья из перьев, с помощью которых они летают в космосе. Фрейя имеет обличье сокола; у нескольких дисов есть обличья лебедей (*Volundarkv. Helreid. Brynh.*, 6). Среди этих дев-лебедей была Сиф (см. № 123). Таким образом, Сиф могла теперь предстать в человеческом обличье, а затем снова в облике самой красивой плавающей птицы - лебедя.

Легенда, происхождение которой можно проследить до Италии, рассказывает, что когда царица Сабы посетила царя Соломона, она находилась в одном месте, чтобы перейти ручей. Дерево или балка были перекинuty через мост. Мудрая королева остановилась и не позволила своей ноге коснуться балки. Она предпочла перейти ручей вброд, и когда ее спросили о причине этого, она ответила, что в пророческом видении увидела, что придет время, когда это дерево превратится в крест, на котором должен был пострадать Спаситель мира.

Легенда дошла также до Германии, но здесь она появляется с добавлением, что королева Сабы была вознаграждена за это благочестие и была освобождена во время перехода вброд ручья от тяжелого пятна. Одна ее нога, как гласит немецкое дополнение, имела человеческую форму, но другая напоминала лапку водоплавающей птицы до того момента, как она вынула ее из ручья. Церковная скульптура средневековья иногда изображала царицу Сабы женщиной с хорошим телосложением, за исключением того, что у нее была одна нога, как у водоплавающей птицы. Как немцы стали представлять ее с этим недостатком, чуждым итальянской легенде, до сих пор не было объяснено, хотя влияние греко-римской мифологии на легенды романских народов и влияние тевтонской мифологии на тевтонские легенды прослеживалось во многих примерах.

В средние века королеву Сабы называли королевой Себой из-за латинского перевода Библии, где она названа *Региной Себой*, и считалось, что Себа - это ее имя. Имя наводило на мысль о ее тождестве, с одной стороны, с Сиббой, Сиф, чей лебединый облик соответствовал традициям; с другой стороны, с Сибиллой, и особенно с последней, поскольку королева Себа доказала, что обладает пророческим вдохновением, главной характеристикой Сибиллы. Себа, Сибба и Сибилла были в популярном представлении объединены в одно целое. Это объясняет, почему королева Себа у немцев, но не у итальянцев, приобрела порок, напоминающий нам о лебедином обличье жены Тора Сиббы. И придя к выводу, что Тор был троянцем, его жена Сиф тоже должна была быть троянской женщиной. И поскольку было известно, что Сивилла была троянкой, а королева Себа - Сивиллией, это смешение было почти неизбежно. Латинские ученые нашли дополнительные доказательства правильности этой идентификации в заявлении, первоначально взятом из греческих источников, о том, что у Юпитера была любовницей Сибилла по имени Ламия, и он зачал от нее дочь по имени Герофила, которая была наделена даром пророчества своей матери. Как мы знаем, Меркурий соответствует Одину, а Юпитер - Тору в названиях дней недели. Из этого следует, что именно Тор стоял в таком отношении к Сивилле.

Характер антропоморфизированного Одина, законодателя и короля, представленный в "Хеймскрингле" и прозаической "Эдде", лишь частично основан на местных северных традициях, касающихся языческого бога Одина, правителя небес. Этот младший Один,

созданный христианскими авторами, получил свои основные черты из документов, найденных в монастырских библиотеках. Когда в прозаической "Эдде" рассказывается, что вождь, пришедший из Асгарда в Саксландию и Скандинавию, на самом деле не носил имени Один, но принял это имя в честь старшего и обожествленного Одина - Приама из Трои, чтобы заставить людей поверить, что он бог, то в этой идее не было ничего нового. Комментатор Вергилия Сервий отмечает, что древние цари очень часто принимали имена, которые по праву принадлежали только богам, и он обвиняет Вергилия в том, что он заставил Сатурна спуститься с небесного Олимпа и основать золотой век в Италии. Этот Сатурн, говорит Сервий, был не богом свыше, а смертным царем с Крита, принявшим имя бога Сатурна. То, как Сатурн, по прибытии в Италию и окрестности Рима, был принят Янусом, правящим там королем, напоминает нам о том, как Один по прибытии в Свитиод был принят королем Гильфом. Янус достаточно неприхотлив, чтобы оставить часть своей территории и королевскую власть Сатурну, и Гильф делает те же уступки Одину. Вслед за этим Сатурн привносит более высокую культуру среди жителей Лациума, а Один приносит более высокую культуру жителям Скандинавии. Отец Церкви Лактанций, подобно Сервию, говорит о царях, которые пытались присвоить себе имя богов и поклоняться им, и осуждает их как врагов истины и нарушителей доктрин истинного Бога.

В отношении одного из них, перса Митры, которого в средние века путали с Зороастром, Тертулиан рассказывает, что он (Митра), заранее зная, что придет христианство, решил предвосхитить истинную веру, введя некоторые из ее обычаев. Так, например, Митра, согласно Тертулиану, ввел обычай благословения возложением рук на голову или чело тех, кому он хотел обеспечить процветание, и он также перенял среди своих мистерий практику, напоминающую преломление хлеба в Евхаристии. Что касается благословения возложением рук, Митра особенно использовал его для придания мужества людям, которых он отправлял солдатами на войну. С этими словами Тертулиана интересно сравнить следующий отрывок об Одине из "Хеймскринглы": "У него был обычай, когда он отправлял своих людей на войну или с каким-нибудь поручением, возлагать руки им на головы и давать им *бьяннак*". Бьяннак - это не скандинавское слово, даже не тевтонское, и существовала неопределенность относительно его значения. Известный исландский филолог Вигфуссон, как я полагаю, дал правильное определение этому слову, соотнес его с шотландским словом *bannock* и гэльским *banagh*, что означает хлеб. Предположительно, автор "Хеймскринглы" выбрал это иностранное слово, чтобы не ранить религиозные чувства читателей местным термином, ибо, если *бьяннак* действительно означает хлеб, и если автор "Хеймскринглы" хотел таким образом указать, что Один с помощью священных обычаев, практикуемых в христианском культе, то есть возложением рук и преломлением хлеба, дал своим воинам уверенность в победе, тогда было недалеко до того, чтобы изменить с помощью иностранного слова, обозначающего хлеб, впечатление о неприятном сходстве между ними. между языческими и христианскими обычаями. Но в то же время очевидна полная гармония между тем, что Тертулиан рассказывает о Митре, и Хеймскринглой об Одине.

То, что Хаймскрингла рассказывает об Одине, о том, что его дух мог покидать тело и отправляться в далекие регионы, и что его тело тем временем лежало как бы спящим или мертвым, рассказывается в средние века о Зороастре и Гермесе-Меркурии.

В новых платоновских трудах много говорилось об исконно египетском боге, которого они связывали с греческим Гермесом и называли Гермес-Трисмегист, то есть трижды величайший и

высочайший. Имя Гермес-Трисмегист стало известно благодаря латинским авторам даже ученым в монастырях средневековья, и, как правило, те, кто верил, что Один был идентичен Гермесу, также считали его идентичным Гермесу-Трисмегисту. Когда Гильфе искал Одина и его людей, он пришел в цитадель, которая, согласно заявлению привратника, принадлежала королю Одину, но когда он вошел в зал, то увидел там не *один* трон, а три трона, один над другим, и на каждом из тронов по вождю. Когда Гильфе спросил имена этих вождей, он получил ответ, который указывает на то, что ни один из троих не был Одним в одиночку, но что Один-колдун, способный изменять зрение людей, присутствовал во всех них. Одного из троих, говорит привратник, зовут *Хар*, второго - *Джафнхар*, а того, кто сидит на самом высоком троне, - *Триди*. Мне кажется вероятным, что поводом к этой истории послужило прозвище "трижды высший", которое в средние века приписывалось Меркурию и, следовательно, рассматривалось как один из эпитетов, присвоенных Одину. Названия *Третий* и *Высокий*, по-видимому, указывают на фразу "трижды наивысший". Соответственно, считалось само собой разумеющимся, что Один присвоил это имя, чтобы предвосхитить христианство со своего рода идеей троицы, точно так же, как Зороастр, его прародитель, под именем Митра заранее подражал христианским обычаям.

Остальное, что Хеймскрингла и Младшая Эдда рассказывают о короле Одине, иммигрировавшем в Европу, в основном взято из историй, воплощенных в мифологических песнях и традициях, касающихся бога Одина, правившего в небесном Валхале. Сюда относится то, что рассказывается о войне Одина и азиатов с ванами. В мифе эта война велась вокруг стен, построенных великаном вокруг небесного Асгарда (Völusp., 25). Цитадель, в которой Гильфе находит тройного Одина, оформлена в гармонии с Валхалом, описанным языческими скальдами. Мужчины, которые пьют и демонстрируют упражнения с оружием в руках, - это эйнхерии из мифа. Сам Гильф взят из мифологии, но, судя по всему, он играл роль не короля, а великана, обитающего в Йотунхейме. Саги о Форнманне делают его потомком *Форньотра*, который вместе со своими сыновьями, *Хлером*, *Логи* и *Кари*, и его потомками, *Екуллом*, *Снейром*, *Гейтироми* др., несомненно, принадлежат Етунхейму. Когда Один и асы стали иммигрантами на Север, было вполне естественно, что гиганты стали историческим народом и как таковые считались аборигенами Севера — гипотеза, которая в связи с басней об азиатской эмиграции принималась веками и до сих пор имеет своих защитников. История о том, что Один, почувствовав приближение смерти, пометил себя острием копья, берет свое начало в словах языческой песни, слетевших с уст Одина: "Я знаю, что девять ночей висел на раскачиваемом ветром дереве, раненный своим копьем, отданный Одину, сам отданный самому себе" (Havam., 138).

14.

РЕЗУЛЬТАТ ВЫШЕУКАЗАННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.

На этом я заканчиваю изучение саг о троянском происхождении германцев и об иммиграции Одина и его соплеменников из Азии в Саксландию, Данию и на Скандинавский полуостров. Я указал на семя, из которого выросли саги, на почву, в которой семя могло развиваться, и на то, как оно постепенно превратилось в то, чем мы находим эти саги в Хеймскрингле и Младшей Эдде. Я показал, что они не принадлежат к тевтонскому язычеству, но что они родились, так сказать, по необходимости, в христианское время, среди тевтонов, обращенных в христианство, и что они встречаются во всех работах латинских ученых средневековья. Предположение, что они

скрывали в себе веками сохранявшуюся среди самих тевтонов традицию о древней эмиграции из Азии, совершенно невероятно и полностью опровергается подлинными сагами о переселении тевтонского происхождения, которые были спасены от забвения и о которых я расскажу ниже. На мой взгляд, эти старые и подлинные саги о переселении тевтонов имеют, с чисто исторической точки зрения, лишь немногим больше прав, чем басни христианской эпохи в отношении эмиграции Одина из Азии, на то, чтобы рассматриваться как содержащие зерно реальности. Это должно быть тщательно обдумано в каждом конкретном случае. Но то, о чем они свидетельствуют, - это то, насколько совершенно чуждой язычникам-тевтонам была идея иммиграции из Трои или Азии, и, кроме того, они представляют большой интерес из-за их связи с тем, что мифы говорят о древнейших местах обитания, истории и распространении человеческой расы или, по крайней мере, тевтонской ее части.

Как правило, ко всем старым миграционным сагам, независимо от того, от какой расы они происходят, следует относиться с предельной осторожностью. Большие участки земной поверхности могли быть захвачены различными расами не в результате внезапного притока больших масс, а в результате постепенного увеличения населения и последующего перемещения их границ, и в связи с этим не обязательно должны были происходить очень примечательные или запоминающиеся события. Такое расширение территории может иметь место, и люди, живущие вокруг центра, настолько мало замечают его, что им на самом деле не нужно знать об этом, и тем более вспоминать об этом в сагах и песнях. То, что несколько новых поселенцев год за годом расширяют границы расы, не оказывает никакого влияния на воображение, и это может продолжаться поколение за поколением и привести к своему конечному результату к огромной экспансии, и все же отдельные поколения, возможно, едва ли осознавали происходящие изменения. Расселение людей по новой территории можно сравнить с движением часовой стрелки на часах. Это незаметно для глаза и осознается только при постоянном наблюдении.

Однако во многих случаях иммиграция происходила большими массами, которые покидали свои старые места жительства в поисках новых домов. Такие начинания сами по себе достойны того, чтобы их запомнили, и они сопровождаются результатами, которые легко запоминаются. Но даже в таких случаях удивительно, как быстро реальные исторические события либо полностью забываются, либо смешиваются с баснями, которые постепенно, поскольку они больше привлекают воображение, монополизируют интерес. Завоевание и заселение Англии саксонскими и скандинавскими племенами — и это тоже в то время, когда было известно искусство письма, — является наиболее примечательным примером этого. Хенгист, под командованием которого саксы, согласно их собственной иммиграционной саге, ступили на британскую землю, является персонажем саги, взятым из мифологии, и там мы найдем его позже (см. № 123). Поэтому неудивительно, если мы обнаружим в мифологии тех героев, под предводительством которых, как считали лонгобардцы и готы, они эмигрировали из своих исконных тевтонских домов.

Б. РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ПОПУЛЯРНЫХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТРАДИЦИЯХ САГИ О ЯЗЫЧЕСКОМ ПЕРЕСЕЛЕНИИ.

САГА О ЛОНГОБАРДСКОЙ МИГРАЦИИ.

То, что еще осталось от средневековых миграционных саг, взятых из "Саг-сокровищницы самих тевтонов", увы! но мало. У франков поток национальных традиций рано иссяк, по крайней мере, среди класса, обладавшего латинской культурой. У лонгобардов дела обстояли лучше, и среди них христианство было введено позже. В контексте римской истории они появляются в первом веке после Рождества Христова, когда Тиберий вторгся в их пределы.

Тацит говорит о них с восхищением как о маленьком народе, малочисленность которого, по его словам, уравновешивалась их единством и воинственными добродетелями, которые обеспечивали им безопасность среди многочисленных и могущественных племен, окружавших их. Лонгобарды обитали в то время в самой северной части Германии, на нижней Эльбе, вероятно, в Люнебурге. Пятьсот лет спустя мы находим их правителями в Паннонии, откуда они вторгаются в Италию. Тогда они были обращены в христианство. Через сто лет после того, как они обосновались в Северной Италии, один из их ученых-латиноамериканцев написал небольшой трактат *"О происхождении Лонгобардорума"*, который начинается следующим образом: "Во имя Господа нашего Иисуса Христа! Здесь начинается древнейшая история нашего лонгобардского народа. Далеко на севере есть остров под названием Скадан. Там обитало множество народов. Среди них был маленький народец, называемый виннилийцами, а среди виннилийцев была женщина по имени Гамбара. У Гамбары было два сына: одного звали Ибор, другого - Аджо. Она и эти сыновья были правителями среди виннилийцев. Тогда было так, что вандалы со своими герцогами Амбри и Асси обратились против виннилийцев и сказали им: "Платите нам дань. Если вы не хотите, тогда вооружайтесь для войны!" Тогда Айбор, Аджо и их мать Гамбара ответили: "Для нас лучше вооружиться для войны, чем платить дань вандалам". Когда Амбри и Асси, герцоги вандалов, услышали это, они обратились к Одину (Годану) с молитвой, чтобы он даровал им победу. Один ответил и сказал: "Тем, кого я первым обнаружу при восходе солнца, я дам победу". Но в то же время Айбор и Аджо, вожди виннилийцев, и их мать Гамбара, обратились к Фригг (Фреа), жене Одина, умоляя ее помочь им. Затем Фригг дала совет, чтобы виннилийцы отправились в путь с восходом солнца, а женщины сопровождали своих мужей и укладывали волосы так, чтобы они свисали, как борода, под подбородком. Когда небо прояснилось и солнце вот-вот должно было взойти, Фригг, жена Одина, подошла к ложу, на котором спал ее муж, и повернула его лицо на восток (туда, где стояли виннилийцы), а затем разбудила его. И когда он поднял глаза, то увидел виннилийцев и заметил волосы, свисающие с лиц их женщин. И тогда он сказал: "Какие у них длинные бороды?" Тогда Фригг сказала Одину: "Мой господин, как ты теперь назвал их, ты также должен дать им победу!" И он дал им победу, так что они, в соответствии с его решением, хорошо защищались и одержали верх. С того дня виннилийцев стали называть лонгобардцами, то есть длиннобородыми. Затем лонгобардцы покинули свою страну и пришли в Голайду, после чего они заняли Альдонус, Антайб, Байнаиб и Бургундию".

Во времена Карла Великого у лонгобардцев появился историк по имени Паулюс Диаконус, монах монастыря Монте-Кассино, и он сам был лонгобардцем по происхождению. О самой ранней истории своего народа он рассказывает следующее: виннилийцы, или лонгобардцы, которые успешно правили в Италии, имеют тевтонское происхождение и родом с острова Скандинавия. Затем он говорит, что разговаривал с людьми, побывавшими в Скандинавии, и из их отчетов приводит некоторые факты, из которых очевидно, что его информаторы имели в виду Сканию с ее обширным побережьем низменностей и мелководьем. Затем он продолжает:

"Когда население этого острова увеличилось настолько, что остров не в состоянии был их прокормить, они были разделены на три части, и по жребию было определено, какая часть должна эмигрировать с родной земли и искать новые дома. Часть, чьей судьбой стало покинуть родную землю, выбрала в качестве своих лидеров братьев Ибора и Аджо, которые были в расцвете мужественности и выделялись среди остальных. Затем они попрощались со своими друзьями и со своей страной и отправились искать землю, в которой могли бы поселиться. Мать этих двух вождей звали Гамбара, она отличалась среди своего народа острым пониманием и проницательными советами, и на ее благоразумие в трудных обстоятельствах очень полагались". Паулюс делает отступление, чтобы обсудить множество замечательных вещей, которые можно увидеть в Скандинавии: светлые летние ночи и длинные зимние ночи, водоворот, который в своем водовороте поглощает суда, а иногда снова подбрасывает их, животное, напоминающее оленя, на которого охотятся соседи скандинавов, скритобинцы (Skee[7] финны), и животное, похожее на оленя. пещера в скале, где столетиями спали семеро мужчин в римских одеждах (см. № 79-81 и № 94). Затем он рассказывает, что виннийцы покинули Скандинавию и пришли в страну под названием Скорингия, и там произошла вышеупомянутая битва, в которой, благодаря помощи Фригг, виннийцы победили вандалов, которые потребовали от них дани.

Затем рассказывается история о том, как это произошло, и о том, как виннийцы получили название лонгобардцев, что соответствует уже цитированному источнику, с единственным дополнением, что у Одина был обычай, просыпаясь, смотреть в открытое окно на восток, в сторону восходящего солнца. Паулюс Диаконус находит эту лонгобардскую народную сагу нелепой не самой по себе, а потому, что Один, по его словам, в первую очередь был человеком, а не богом. Во-вторых, Один жил не среди германцев, а среди греков, ибо он такой же, как тот, кого римляне называли Меркурием. В-третьих, Один-Меркурий жил не в то время, когда лонгобардцы эмигрировали из Скандинавии, а гораздо раньше. Согласно Паулу, между эмиграцией лонгобардцев и временем Одоакра было всего пять поколений. Таким образом, мы находим у Павла Диаконуса идеи относительно Одина-Меркурия, на которые я уже обращал внимание. Вслед за этим Павел рассказывает о приключениях, которые произошли с лонгобардцами после битвы с вандалами. Я упомяну об этих приключениях позже. Они принадлежат тевтонской мифологии и вновь появляются в мифических источниках (см. № 112), но в более оригинальной форме и как события, имевшие место в начале времен в конфликте между асами и ванами, с одной стороны, и низшими существами, с другой стороны; действительно, низшими, но неизбежными в связи с благополучием природы и человека. Этот конфликт привел к ужасной зиме и последовавшему за ней голоду по всему Северу. В этом мифологическом описании мы найдем Аджо и Ибора, под предводительством которых эмигрировали лонгобардцы, и Хенгиста, под началом которого саксы высадились в Британии.

Уместно показать, какую форму приняла история о лонгобардской эмиграции к концу XII века в трудах датского историка Саксона Грамматика. По его словам, эмиграция произошла в то время, когда правил датский король по имени Сне, и когда случился ужасный голод. Сначала голодающие решили убить всех стариков и всех детей, но это ужасное решение не было приведено в исполнение благодаря доброй и мудрой женщине по имени Гамбарук, которая посоветовала части людей эмигрировать. Это было сделано под руководством ее сыновей Агго и Эббо. Эмигранты прибыли сначала в Блекингию (Blekinge), затем они проплыли мимо

Морингии (Möre) и прибыли в Гутландию, где у них было состязание с вандалами, и с помощью богини Фригг они одержали победу и получили название лонгобардцев. Из Гутланда они отплыли на Рюген, а оттуда на германский континент и таким образом после многих приключений в конце концов стали хозяевами значительной части Италии.

В отношении этого рассказа следует отметить, что, хотя он содержит много деталей, отсутствующих у Павла Диаконуса, тем не менее, это тот же рассказ, который стал известен Саксо. Это Саксон также признает и ссылается на свидетельство Паулюса Диаконуса. Гамбара Паулюса - Гамбарук Саксона; Аджо и Ибор - Агго и Эббо. Но лонгобардский монах - не единственный источник Саксона, и братья Агго и Эббо, как мы покажем, были известны ему из чисто северных источников, хотя и не как вожди лонгобардцев, а как мифические персонажи, действующие лица великой зимы, о которой говорит Саксон.

Сага о лонгобардской эмиграции — в том виде, в каком мы находим ее записанной в седьмом веке, а затем снова во времена Карла Великого, — содержит безошибочные внутренние свидетельства того, что она была заимствована из собственных традиций народа. Доказательством этого уже является то обстоятельство, что, хотя лонгобардцы были христианами почти 200 лет, когда появилась небольшая книга *О происхождении Лонгобардорума*, все же давно изгнанные божества, Один и Фригг, вновь появляются и принимают участие в событиях не как люди, а как божественные существа, и в манере, полностью соответствующей записанным на Севере историям об отношениях между Одним и его женой. Ибо, хотя эти отношения были хорошими и нежными, судя по выражениям в языческих поэмах Севера (*Völusp.*, 51; *Vafthr.*, 1-4), и хотя царица небесная Фригг, по-видимому, была хорошей матерью в верованиях тевтонов, это не мешает ей быть представленной как коварная личность со своей собственной волей, которую она знает, как выполнять. Даже скандинавская история рассказывает о том, как Фригг решает защитить человека, которому Один не в состоянии помочь; как у нее и у него разные фавориты среди мужчин, и они соревнуются друг с другом в том, чтобы принести больше удачи своим фаворитам. Эта история содержится во введении в прозу к поэме "Гримнисмаль", введении, которое во многих отношениях напоминает нам сагу о лонгобардской эмиграции. В обоих упоминается, как Один из своего жилища смотрит на мир и наблюдает за происходящим. У Одина есть любимец по имени Гейрред. Фригг, с другой стороны, защищает брата Гейрреда Агнара. Муж и жена находят недостатки в протекании друг друга. Фригг замечает о Гейрроде, что он принц, "скупой на еду, поэтому позволяет своим гостям голодать, если их много". И далее в этой истории говорится, что Гейрред по тайному приказу Одина оттолкнул лодку, в которой сидел Агнар, от берега, и что лодка ушла в море вместе с Агнаром и не вернулась. Эта история выглядит как притча, основанная на лонгобардской саге, или как притча, выросшая в христианские времена из того же корня, что и лонгобардская история. Гейрред на самом деле - это имя великана, а великан в мифе - существо, приносящее град и заморозки. Он обитает на крайнем Севере, за мифическим Гандвиком (*Торсдрапа*, 2), и как мифический символ зимы соответствует королю Сне в Саксонии. Его "скупость на еду, когда приходит слишком много гостей", по-видимому, указывает на нехватку продовольствия, вызванную неблагоприятной погодой, которая привела к необходимости эмиграции, когда страна стала перенаселенной. Агнар, брошенный на произвол морских волн, защищен, подобно лонгобардцам, пересекающим море, Фригг, и само его имя, Агнар, напоминает нам об именах Агго, Ачо и Аджио, под которыми известен Аджо, один из лидеров лонгобардцев. Прозаическое введение не имеет первоначальной связи с *самим* Гримнизмом, и в том виде, в котором мы его сейчас имеем, оно относится к христианской

эпохе и, по-видимому, принадлежит автору, принадлежащему к той же школе, что и те, кто считал великанов исконными жителями Скандинавии и превратил зимних великанов, таких как Екулл, Снэр и др., в исторических королей Норвегии.

Абсолютно положительным результатом лонгобардских повествований, написанных лонгобардскими историками, является то, что тевтонская раса, к которой они принадлежали, считала себя происходящей не из Трои или Азии, а с острова, расположенного в океане, омывающем северные берега Тевтонского континента, то есть Германии.

16.

САГА О ПЕРЕСЕЛЕНИИ САКСОВ И ШВАБОВ.

От лонгобардцев я теперь перехожу к великой тевтонской группе народов, включенной в термин *саксы*. Их историк Видукинд, написавший свою хронику в десятом веке, начинает с рассказа о том, что он узнал о происхождении саксов. Здесь, по его словам, разные мнения противоречат друг другу. Согласно одному мнению, которого придерживаются те, кто знал греков и римлян, саксы произошли от остатков македонской армии Александра Македонского; согласно другому, основанному на местных традициях, саксы произошли от датчан и северян. Видукинд до такой степени разделяет эти мнения, что считает несомненным, что саксы прибыли на кораблях в страну, которую они населяли на нижней Эльбе и Северном море, и что они высадились в Хадолауне, то есть в районе Хадельн, недалеко от устья Эльбы, который, можно сказать мимоходом, до сих пор отличается удивительно энергичным населением, состоящим из крестьян, чьи предки на протяжении всего средневековья сохраняли общинную свободу в успешной борьбе с феодальной знатью. Утверждение Видукинды о том, что саксы переправились через море в Хадельн, встречается в более древней саксонской хронике, написанной около 860 года, с добавлением, что лидером саксов во время их эмиграции был вождь по имени Хадугото.

Швабская хроника, в которой утверждается, что швабы также пришли с Севера и пережили примерно те же приключения, что и саксы, когда они прибыли на свой новый дом, приводит из народных преданий дополнительные подробности относительно миграции и путешествия. Согласно этому рассказу, эмиграция была вызвана голодом, охватившим Северные земли, расположенные по другую сторону моря, потому что жители были язычниками, которые ежегодно приносили в жертву своим богам двенадцать христиан. В то время, когда начался голод, в том регионе на Севере, откуда эмигрировали люди, правил король Рудольф. Он созвал съезд всех самых благородных людей страны, и там было решено, что для того, чтобы положить конец голоду, отцы семейств, у которых было несколько сыновей, должны убить их всех, кроме того, кого они любили больше всего. Благодаря молодому человеку по имени Дитвин, который сам был включен в эту ужасную резолюцию, был созван новый съезд, и вышеупомянутая резолюция была отменена, а вместо этого было решено закупить корабли и, чтобы все те, кто, согласно прежней резолюции, был обречен на смерть, искали новые дома за морем. В сопровождении своих подруг они сели на корабль и не успели отплыть далеко, как на них напал сильный шторм, который унес их в датскую гавань недалеко от места, которое, по словам автора, называется Шлесвик. Здесь они сошли на берег и, чтобы положить конец всяким разговорам о возвращении на старую дорогую родину, разрубили свои корабли на куски. Затем они побродили по стране, которая лежала перед ними, и вместе с большой другой добычей собрали 20 000 лошадей, так что большое количество мужчин могли ездить верхом. Остальные

последовали за всадниками пешком. Вооруженные оружием, они проследовали таким образом через страну, которой правили датчане, и пришли к реке Альба (Эльбе), которую они пересекли; после чего они рассеялись вдоль побережья. Это швабское повествование, которое, по-видимому, скопировано с саксонского, повествует, как и последнее, о том, что тюринги были правителями земли, в которую пришли иммигранты, и что им пришлось пройти кровавые битвы, прежде чем они овладели ею. Рассказ Видукинда пытается предоставить саксам законное право, по крайней мере, на место высадки и ближайшие окрестности. Это законное право, по его словам, было приобретено следующим образом: пока саксы все еще находились на своих кораблях в гавани, из которой тюрингцы не могли их выгнать, обе стороны решили начать переговоры, и таким образом было достигнуто соглашение, что саксы, при условии, что они воздержатся от грабежей и убийств, могут остаться и купить то, что им нужно, и продать все, что смогут. Затем случилось так, что саксонец, богато украшенный золотом и с золотым ожерельем на шее, сошел на берег. Там его встретил тюрингенец и спросил: "Почему ты носишь так много золота на своей худой шее?" Юноша ответил, что он умирает с голоду и ищет покупателя на свои золотые украшения. "Сколько ты просишь?" - спросил тюрингенец. "Что ты предлагаешь?" - ответил сакс. Неподалеку был большой песчаный холм, и тюрингенец сказал с насмешкой: "Я дам тебе столько песка, сколько ты сможешь унести в своей одежде". Сакс сказал, что примет это предложение. Тюрингенец набил песком полы своего платья; саксонец отдал ему свои золотые украшения и вернулся на корабли. Тюрингцы презрительно посмеялись над этой сделкой, а саксы сочли ее глупой; но юноша сказал: "Идите за мной, храбрые саксы, и я покажу вам, что моя глупость принесет вам пользу". Затем он взял купленный песок и как можно шире рассыпал его по земле, покрыв таким образом такую большую площадь, что у саксов получился укрепленный лагерь. Тюринги послали гонцов и пожаловались на это, но саксы ответили, что до сих пор они добросовестно соблюдали договор и что они не захватили больше территории, чем купили на свое золото. Таким образом, саксы прочно закрепились на этой земле.

Таким образом, мы обнаруживаем, что саги саксов и швабов согласуются с сагами лонгобардов в том, что их предки, как предполагалось, пришли из северной страны за Балтикой. Швабская версия достаточно четко отождествляет эту страну со Скандинавским полуостровом. Об иммиграции с Востока в традициях этих племен нет ни слова.

17.

САГА О ПЕРЕСЕЛЕНИИ ФРАНКОВ.

Мы уже указывали, что франкские хроники, в отличие от хроник других тевтонских племен, полностью игнорируют традиции франков и вместо этого представляют схоластическую доктрину о происхождении франков из Трои и мотийских болот. Но я не хотел сказать, что у нас нет абсолютно никаких доказательств того, что у франков существовала другая теория, поскольку у них тоже были традиции, гармонизировавшие с традициями других тевтонских племен. Во времена Карла Великого и после него жил франк, чье имя вписано на страницы истории как человека благородного характера и великого просветителя своего времени, аббат в Фульде, позже архиепископ в Майнце, Грабанус Маурис, ученик выдающегося Алкуина, основатель первой библиотеки и первой крупной монастырской школы в Германии. Тот факт, что он был особенно богословом и латинистом, не мешал ему чтить и любить язык своих отцов и своей расы. Он поощрял его изучение и использование, и ему удалось добиться того, что в церквях читались проповеди на тевтонском диалекте прихожан. То, что ученый—латинист с

таким широким кругозором, как у него, смог понять то, чего не смогло понять большинство его коллег, а именно, что следует придавать определенную ценность обычаям отцов церкви и старым воспоминаниям языческих времен, не должно нас удивлять. Одно из доказательств своего интереса к этому вопросу он привел нам в своем трактате *О призывании лингуарум*, в котором он записал рунический алфавит и добавил информацию о том, что это алфавит, используемый норманнами и другими языческими племенами, и что песни и формулы для исцеления, заклинания и пророчества написаны этими символами. Когда Грабанус говорит о норманнах, он добавляет, что те, кто говорит на немецком языке, ведут свое происхождение от норманнов. Это утверждение нельзя согласовать с гипотезой об азиатском происхождении франков и других германцев, за исключением предположения, что германцы при своей иммиграции из Азии в Европу зашли так далеко на север, что достигли Скандинавского полуострова и Дании, не затрагивая Германию и Центральную Европу, а затем пришли с Севера в Германию. Но в хрониках средневековья нет и следа такой точки зрения. Франкские хроники повествуют о том, что франки шли из Паннонии прямо к Рейну. Исландские имитации этой гипотезы заставляют Одина и его народ отправиться из Танаиса в Саксландию и основать там королевства до того, как он прибудет в Данию и Швецию. Грабанус, конечно, не слышал ни о какой подобной теории. Его утверждение о том, что все германцы пришли с Севера, основывается на том же основании, что и местные традиции, породившие саги о происхождении лонгобардов, саксов и швабов с Севера. От франкской саги о переселении все еще остается один след, и это заявление Паулюса Диаконуса, сделанное выше, относительно предполагаемой идентичности имени Ансгизель с именем Анхиз. Идентификация произведена не самим Павлом, но была найдена во франкском источнике, который снабдил его тем, что он рассказывает о предках Карла Великого, а франкский источник, под влиянием гипотезы о троянском происхождении франков, сделал лидера эмиграции, упомянутого в народных преданиях, идентичным троянцу Анхизу. Это подтверждается географом из Равенны, который также сообщает нам, что некий Аншис, Ансгизель, был лидером тевтонской эмиграции и что именно под его руководством саксонские племена покинули свои старые дома. Таким образом, получается, что, согласно франкской саге, франки первоначально эмигрировали под началом того же вождя, что и саксы. Характер и положение Ансгизеля в языческом мифе будут объяснены в № 123.

18.

ИОРДАН ОБ ЭМИГРАЦИИ ГОТОВ, ГЕПИДОВ И ГЕРУЛОВ. САГА О ПЕРЕСЕЛЕНИИ БУРГУНДОВ. СЛЕДЫ САГИ О ПЕРЕСЕЛЕНИИ АЛАМАННОВ.

Самым многочисленным и могущественным из всех тевтонских племен в течение длительного периода было *готское* племя, которое с победоносным оружием пронеслось по всей восточной и южной Европе и Малой Азии и основало королевства между Доном на Востоке и Атлантическим океаном и Геркулесовыми столбами на Западе и Юге. Традиции готов также относят колыбель расы к Скандинавии. Иордан, романизированный гот, написал в шестом веке историю своего народа. На Севере, говорит он, есть великий океан, и в этом океане есть большой остров под названием Скандза, из недр которого наша раса вырвалась, как пчелиный рой, и распространилась по Европе. В качестве колыбели готской расы и других тевтонских племен этот остров Скандза, несомненно, представляет большой интерес для Иордана, тем более что он через своего отца Вамода или Алано-Вамута считал себя потомком той же королевской семьи, от которой вели свою родословную амалийцы, знаменитая королевская

семья восточных готов. В связи с этим Иорданес дает как можно более полное описание этого острова. Сначала он рассказывает, что написали об этом греческие и римские авторы Клавдий Птолемей и Помпоний Мела, но он также сообщает о многих вещах, которые никогда ранее не были известны в литературе, если только они не были найдены в утраченной *Готической истории* Кассиодора — вещах, которые либо сам Иордан, либо Кассиодор узнали от норманнов, которые были членами больших тевтонских армий, находившихся тогда в Италии. Иорданес также с видом превосходства указывает, что, хотя географ Птолемей знал не более семи народов, живущих на острове Скандза, он способен перечислить гораздо больше. К сожалению, некоторые из названий скандинавских племен, приведенных им, настолько искажены переписчиком, что бесполезно пытаться восстановить их. Также очевидно, что у самого Джорданеса было смутное представление о правильном географическом или политическом применении этих названий. Некоторые из них, однако, легко узнаваемы как названия племен в различных частях Швеции и Норвегии, как, например, Vagoth, Ostgothæ, Finnaithæ (жители Финведа), Bergio, Hallin, Raumaricii, Ragnaricii, Rani. Он дает нам особые сведения о скандинавском народе, который он иногда называет свеханами, а иногда светиди, и есть все основания полагать, что под этими словами он имеет в виду шведов в более широком или ограниченном применении этого термина. Вот что он рассказывает о свеханах или светиди: свеханы связаны с тюрингами, живущими на континенте, этим тевтонским народом, который особенно известен своими превосходными лошадьми. Свеханцы - превосходные охотники, которые убивают животных, чьи шкуры через бесчисленные руки отправляются римлянам и ценятся ими как лучшие меха. Эта торговля не могла сделать свеханцев богатыми. Джордан дает нам понять, что их экономическое положение было не блестящим, но тем более блестящей была их одежда. Он говорит, что они оделись *по-детски*. Наконец, ему сообщили, что светиди превосходят другие расы ростом и физической силой, и что датчане являются ветвью светиди. То, что Джорданес рассказывает об отличных лошадях шведов, подтверждается традициями, которые сохранили исландцы. Тот факт, что так много племен населяло остров Скандза, укрепляет его убежденность в том, что этот остров является колыбелью многих народов, которые воевали с Римской империей и вторгались в нее. Остров Скандза, по его словам, был *лекарственной горечавкой, национальной вагиной* — источником рас, матерью наций. И оттуда, — продолжает он, опираясь на традиции и песни своего собственного народа, — тоже эмигрировали готы. Эта эмиграция произошла под предводительством вождя по имени Бериг, и он думает, что знает, где они высадились, когда покинули свои корабли, и что они, подобно лонгобардцам, по мере своего продвижения вступили в конфликт с вандалами, прежде чем те достигли регионов к северу от Черного моря, где впоследствии основали великое готское королевство, которое процветало, когда гунны вторглись в Европу.

Распространенная среди готов сага о том, что они эмигрировали из Скандинавии, приписывала то же происхождение гепидам. Гепиды были храбрым, но довольно медлительным тевтонским племенем, разделившим судьбу готов, когда гунны вторглись в Европу, и, подобно готам, они сбросили гуннское иго после смерти Аттилы. В саге, в том виде, в каком ее нашел Иордан, говорится, что, когда предки готов покинули Скандзу, общее число эмигрантов составляло не более трех кораблей. Двое из них прибыли к месту назначения одновременно; но третьему потребовалось больше времени, и поэтому прибывшие первыми назвали тех, кто прибыл последними, Гепантами (возможно, Гепайта), что, согласно Иордану, означает медлительных, и это название со временем изменилось на Гепиды. То, что интерпретация взята из готических традиций, самоочевидно.

Иорданес слышал сообщение о том, что даже воинственные тевтонские герулы пришли в Германию из Скандинавии. Согласно отчету, герулийцы не эмигрировали добровольно с крупных островов, а были изгнаны светидами или их потомками, датчанами. То, что у самих герулов была традиция, касающаяся их скандинавского происхождения, подтверждается историей. В начале VI века случилось так, что этот народ после неудачной войны с лонгобардами разделился на две ветви, из которых одна получила землю от императора Анастасия к югу от Дуная, в то время как другая приняла решение, которое всем историкам показалось странным, а именно искать пристанище на Скандинавском полуострове. Обстоятельства, сопровождающие эту резолюцию, делают ее еще более странной. Миновав славян, они попали в необитаемые районы — необитаемые, вероятно, потому, что они были покинуты германцами и еще не были заняты славянами. В любом случае, они были открыты для оккупации герулийцами, но они там не поселились. Мы неправильно понимаем их характер, если предполагаем, что они не сделали этого из страха, что им помешают владеть ими. Среди всех тевтонских племен ни одно так не выделялось, как герулы, своим неукротимым стремлением к войне и своими опрометчивыми планами. Их поведение свидетельствует о той легкомысленности, с которой историк охарактеризовал их. Пробравшись через дикую местность, они вышли к вехам варинцев, а затем и датчан. Они предоставили герульцам свободный проход, после чего искатели приключений на кораблях, которые датчане, должно быть, предоставили в их распоряжение, переплыли море к острову "Туле" и остались там. Прокопий, восточноримский историк, который записывает это (*De Bello Goth.*, ii., 15), говорит, что на огромном острове Туле, в северной части которого можно увидеть полуночное солнце, тринадцать больших племен занимают его пригодные для обитания части, у каждого племени свой царь. За исключением финнов-скиев, которые одеваются в шкуры и живут охотой, эти тулитские племена, по его словам, едва ли можно отличить от народа, живущего дальше на юг в Европе. Одно из крупнейших племен - гауты (гетары). Герулы отправились к гаутам и были приняты ими.

Несколько десятилетий спустя случилось так, что герулы, оставшиеся в Южной Европе и жившие в Иллирии, нуждались в короле. Они решили послать гонцов к своим родственникам, поселившимся в Скандинавии, надеясь, что там найдется какой-нибудь потомок их старого королевского рода, который согласится принять у них титул короля. Гонцы вернулись с двумя братьями, принадлежавшими к древнему роду правителей, и их сопровождали 200 молодых скандинавских герулов.

Поскольку Иордан говорит нам, что херулийцы на самом деле были потомками великого северного острова, мне кажется, это объясняет это замечательное решение. Они искали новые дома на той земле, которая в их старых песнях описывалась как принадлежавшая их отцам. По их мнению, это было возвращение в страну, где покоился прах их предков. Согласно старому источнику средневековья, *Вите Сигизмунди*, у бургундцев также были старые традиции о скандинавском происхождении. Как будет показано далее, бургундская сага была связана с тем же вождем эмиграции, что и саксонская и франковская (см. № 123).

Воспоминания о саге о переселении аламаннов можно проследить в преданиях, найденных вокруг озера Виервальдштедтер. Жители кантона Швиц верили, что они родом из Швеции. Справедливо предположить, что эта традиция в той форме, которая была ей придана в литературе, претерпела изменения, и что хронисты из-за сходства Швеции и Швица перенесли родину аламаннских швейцарцев в Швецию, в то время как первоначальная популярная

традиция, как и другие саги о тевтонских переселениях, довольствовалась более расплывчатым представлением о том, что швиццы пришли из страны у моря к северу от Германии, когда они поселились в своих альпийских долинах. В тех же регионах Швейцарии народные предания сохранили память о подвиге, принадлежащем тевтонской мифологии, который там совершил великий лучник Айбор (см. № 108), и поскольку он вновь появляется в лонгобардской традиции в качестве вождя переселенцев, не исключено, что изначально он не был новичком в саге о переселении аламаннов.

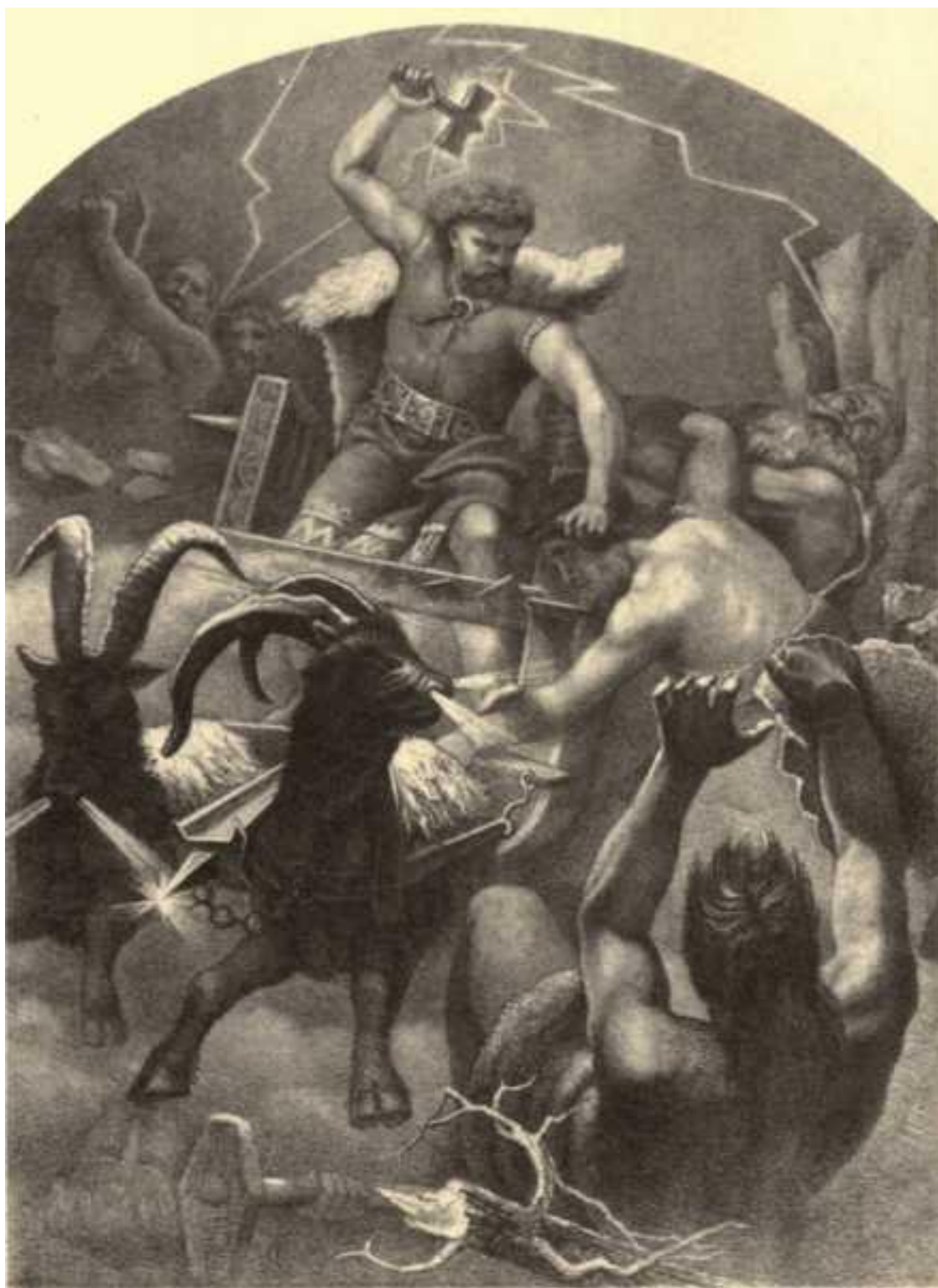
19.

САГА О ТЕВТОНСКОЙ ЭМИГРАЦИИ ВСТРЕЧАЕТСЯ У ТАЦИТА.

Саги о переселениях, которые я сейчас рассмотрел, - единственные, сохранившиеся до нашего времени на тевтонской земле. Они дошли до нас из преданий различных племен. Они включают восточных готов, западных готов, лонгобардов, гепидов, бургундов, герулийцев, франков, саксов, швабов и аламаннов. И если мы добавим к этому свидетельства Грабана Мавруса, то все германские племена будут охвачены этими традициями. Все свидетельства единодушно указывают на Север как на колыбель тевтонского ордена. К этим свидетельствам мы должны, наконец, добавить самое древнее из всех — свидетельства источников Тацита от времени рождения Христа до первого века нашей эры.

Утверждения, сделанные Тацитом в его мастерском труде о различных племенах Германии и их религии, традициях, законах, обычаях и характере, взяты от людей, которые в самой Германии видели и слышали то, о чем они сообщают. Об этом свидетельствует каждая страница работы, и это также доказывает, что ее автор был человеком острой наблюдательности, правдивости и широких знаний. Знания его репортеров распространяются на мифы и героические песни германцев. Последнее является характерным средством, с помощью которого одаренный народ, все еще ведущий свой примитивный образ жизни, компенсирует отсутствие у себя письменной истории в отношении событий и подвигов прошлого. Мы обнаруживаем, что человек, у которого он брал интервью, был осведомлен о содержании песен, в которых описывалось начало и древнейшие приключения расы, и он сделал это с достаточной точностью, чтобы обнаружить определенное расхождение в генеалогиях патриархов и героев племени германцев, встречающихся в этих песнях, — расхождение, которое мы рассмотрим позже. Но человек, который это сделал, не слышал ничего такого, что могло бы навести его, а вслед за ним и Тацита, на мысль, что германцы иммигрировали из какой-то отдаленной части света в ту страну, которую они занимали непосредственно перед рождением Христа, - в ту Германию, которую описывает Тацит и которая охватывает тот большой остров в Северном море, где жили мореплаватели и воинственные свиньи. Совсем наоборот. В своих источниках информации Тацит не нашел ничего, что мешало бы ему считать вероятным высказываемую им точку зрения — что германцы были аборигенами, автохтонами, возвращенными на землю, которая была их родиной. Он выражает свое удивление типичным сходством, преобладающим среди всех племен этого густонаселенного народа, и различием, существующим между ними, с одной стороны, и нетевтонскими народами, с другой; и он делает вывод, что они совершенно не смешаны с другими расами, что, опять же, предполагает, что германцы с древнейших времен владели своей страной самостоятельно и что ни один иностранный элемент не смог там закрепиться. Он отмечает, что вряд ли могли быть какие-либо иммигранты из той части Азии, которая была ему известна, или из Африки, или из Италии, поскольку природа Германии не

подходила для того, чтобы приглашать людей из более богатых и красивых регионов. Но хотя Тацит, таким образом, сомневается в том, что нетевтонские расы когда-либо селились в Германии, все же он слышал, что люди, пожелавшие обменять свои старые дома на новые, переехали туда жить. Но эти поселения, по его мнению, не привели к смешению рас. Те первые иммигранты прибыли не по суше, а на флотах по морю; и поскольку это море было бескрайним океаном, лежащим за пределами Тевтонского континента, и его редко посещали люди, живущие в странах, входящих в состав Римской империи, эти иммигранты, должно быть, сами были тевтонцами. The words of Tacitus are (*Germ.*, 2): *Germanos indigenas crediderim minimeque aliarum gentium adventibus et hospitibus mixtos, quia nec terra olim sed classibus advehebantur qui mutare sedes quærebant, et immensus ultra atque ut sic dixerim adversus Oceanus raris ab orbe nostro navibus aditur.* "Я бы подумал, что сами тевтонцы являются аборигенами (и вовсе не смешались в результате иммиграции или связи с нетевтонскими племенами). Ибо те, кто желал сменить дом, в древности прибывали не по суше, а на кораблях через бескрайний и, так сказать, враждебный океан — море, редко посещаемое кораблями из римского мира". Этот отрывок следует сравнить с тем, что говорит Тацит, когда он во второй раз говорит об этом же океане в главе 44, где он сообщает, что в самой середине этого океана лежит земля, населенная тевтонскими племенами, богатыми не только людьми и оружием, но и *флотом* (*præter viros armaque classibus valent*), и имеющими более сильную и совершенную организацию, чем другие тевтоны. Эти люди образовали несколько сообществ (*civitates*). Он называет их *Sviones* и описывает их корабли. Короче говоря, из его слов можно сделать вывод, что эти иммигранты были норманнами, принадлежащими к той же расе, что и континентальные германцы. Таким образом, традиции, касающиеся иммиграции с Севера в Германию, были распространены среди континентальных тевтонов уже в первом веке после Рождества Христова.

БОГ-

ГРОМОВЕРЖЕЦ ТОР.

(С картины М. Э. Винге.)

Считалось, что Тор был сыном Одина, прозванного Всеотцем, и Джорта, земли. Он был источником мудрости,

покровителем культуры и героев, другом человечества и истребителем великанов. Он всегда носил с собой тяжелый молот, называемый Дробилкой, которым сражался с помощью грома и молнии. От Thor происходят среднеанглийские слова Четверг (Thursday) и Гром.

Но вклад Тацита в сагу о тевтонском переселении этим не ограничивается. Что касается происхождения города, тогда уже древнего и расположенного на Рейне, Аскибург (*Герм.*, 3), его репортер слышал, что он был основан древним героем, который пришел на своих кораблях из Германского океана и проплыл вверх по Рейну на большое расстояние за пределы дельты, а затем высадился и заложил основы Аскибурга. Его репортер также слышал такие истории об этом древнем тевтонском герое, что у людей, знакомых с греко-римскими традициями (римлян или галльских соседей Ашибурга) сложилось мнение, что герой, о котором идет речь, мог быть не кем иным, как греческим Улиссом, который в своих обширных странствиях зашел в Германский океан, а оттуда поплыл вверх по Рейну. Взвешивая этот рассказ Тацита, мы должны отложить в сторону римско-галльскую гипотезу о посещении Улиссом Рейна и сосредоточить наше внимание на факте, на котором эта гипотеза основана. Дело в том, что вокруг Ашибурга бытовало предание о древнем герое, который, как говорили, пересек северный океан с толпой иммигрантов и основал вышеупомянутый город на Рейне, и что песни или предания, касающиеся этого древнего героя, носили такой характер, что те, кто знал приключения Улисса, думали, что у них есть веские основания считать его идентичным последнему. Дело в том, что в тевтонской мифологии есть герой, который, цитируя слова древнего тевтонского документа, "был величайшим из всех путешественников", и который в своих путешествиях встречался с приключениями, которые в некоторых отношениях напоминают нам приключения Улисса. Оба спустились в Ад; оба путешествовали вдоль и поперек, чтобы найти свою возлюбленную. Об этом мифическом герое и его приключениях см. № 96-107 и, в частности, № 107 об Аскибургии.

Исследование того, содержат ли эти предания какие-либо исторические факты, выходит за рамки настоящей работы. В этом отношении необходимо соблюдать осторожность, поскольку исторические факты, как правило, недолговечны среди людей, которые не ведут письменных летописей. Исторические песни и предания прошлого, которые скандинавы записали в двенадцатом веке, уходят в прошлое не дальше середины девятого века, и самые древние из них уже были смешаны с историями, порожденными воображением. Эллинские исторические записи до-литературного времени были не старше, как и записи римлян. Вопрос о том, насколько исторически значимая эмиграция имела место со Скандинавского полуострова и Дании в Германию, на мой взгляд, следует рассматривать совершенно независимо от старых миграционных традиций, если мы хотим, чтобы он основывался на прочном фундаменте. Если на это можно ответить утвердительно, то эти иммиграции должны были быть частичным возвращением арийской расы, которая, согласно всем записям, распространилась с Юга в скандинавские страны. Но сами традиции переселения, очевидно, имеют самые прочные корни в мифах, а не в исторических воспоминаниях; и во всяком случае, они так тесно связаны с мифами и были так трансформированы песнями и фантазией, что стали бесполезными для исторических целей. Тот факт, что саги, сохранившиеся до нашего времени, делают почти все самые важные и многочисленные тевтонские племена, сыгравшие роль в судьбе Южной Европы во времена Империи, эмигрантами из Скандинавии, рассчитан на то, чтобы вызвать подозрение.

Широкое распространение этой веры среди тевтонов в достаточной степени объясняется их общей мифологией- в частности, мифом о древнейшем возрасте человека или тевтонской расы. По мере продвижения моей работы я найду возможность представить результаты моих исследований в отношении этого мифа. Его фрагменты должны, так сказать, быть эксгумированы из разных курганов, и доказательства того, что эти фрагменты принадлежат друг другу и когда-то составляли единое целое, могут быть представлены только по мере продвижения расследования. В разделе "Миф о древнейшем периоде и эмиграции с Севера" я даю подготовительное объяснение и общее резюме (№ 20-43). Что касается моментов, которые здесь невозможно продемонстрировать без слишком длинных отступлений, то доказательства будут представлены в разделе "Миф о расе Ивальде" (№ № 96-123).

III.

МИФ О ДРЕВНЕЙШЕМ ПЕРИОДЕ И ЭМИГРАЦИИ С СЕВЕРА.

20.

СОТВОРЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПЕРВОБЫТНАЯ СТРАНА. НАУКА - НОСИТЕЛЬ КУЛЬТУРЫ.

Человеческая раса или, по крайней мере, тевтонская раса, согласно мифу, произошла от одной пары, и, соответственно, у них был центр, из которого их потомки распространились по тому миру, который был охвачен тевтонским горизонтом. История создания этой пары уходит корнями в древний арийский миф, согласно которому прародителями были растения до того, как они стали людьми. Иранская версия этой истории сохранилась в Бундехеше, глава ii. 15. Там говорится, что первая человеческая пара выросла во время осеннего равноденствия в виде *theum ribes* с одним стеблем. По прошествии пятнадцати лет куст выпустил пятнадцать листьев. Мужчина и женщина, которые развивались в нем и вместе с ним, были тесно связаны, образуя одно тело, так что не было видно, кто из них мужчина, а кто женщина, и они прижимали руки к ушам. Ничто не говорило о том, было ли в них еще великолепие Ахурамазды — то есть души — или нет. Тогда Ахурамазда сказал Машии (мужчине) и Машиане (женщине): "Будьте людьми; станьте родителями мира!" И из растений они приняли форму людей, и Ахурамазда призвал их думать о хорошем, говорить хорошие слова и совершать добрые поступки. Тем не менее, вскоре они стали грешниками. *Ревматическая рябина*, из которой они произошли, имела собственное происхождение от семени первобытного существа в человеческом обличье, Гайя Маретан (Гайо-мерт), которое было создано из пота (см. *Vafthrudnarsmal*, xxxiii. 1-4), но было убито злым Ангра Майнью. Затем Бундехеш рассказывает о первых поколениях, последовавших за Машией и Машианой, и объясняет, как они распространились по земле и стали прародителями человеческой расы.

Эллинским арийцам был известен миф о происхождении человека от растений. Согласно Гесиоду, люди третьего века мира выросли из ясеня (*эк мелеон*); сравните *Одиссею*, xix, 163.

Из этого же дерева, согласно тевтонскому мифу, произошел первый человек. Три аса, могущественные и достойные поклонения, пришли в Мидгард (*вхуси*, *Völusp.*, 16; сравните *Völusp.*, 4, где Мидгард обозначается словом *салр*) и нашли *ланди* Аск и Эмблу. Эти существа были тогда "маломощными" (*литт меганди*) и "без предназначения" (*орлогслаусир*); им не хватало *önd*, им не хватало *одра*, у них не было *ла*, или *лети*, или *литр* года, но Один дал им *онд*,

Хонор дала им *одр*, Лодер дал им *ла* и *литр* года. Что касается значения этих слов, я отсылаю своих читателей к № 95, просто отмечая здесь, что *литр* года, до сих пор определяемый как "хороший цвет" (*годр* *литр*), означает "появление (образ) богов". Из-за того, что они были похожи на деревья, Аск и Эмбла обрели облик, который до них не принимал никто, кроме богов. Германцы, подобно грекам и римлянам, представляли богов по образу и подобию людей.

Слова Одина в 43-летнем Хавамале относятся к тому же мифу.

В этом отрывке объясняется, что когда бог Аса увидел скромность новоиспеченной человеческой пары, он дал им свои собственные божественные одежды, чтобы прикрыть их. Когда они обнаружили, что так красиво украшены, это, по-видимому, указывает на пробуждающееся чувство гордости в первой человеческой паре. Вот эти слова: "В поле (*велли* *в*) Я отдал свою одежду двум деревянным человечкам (*tveim tremönnum*). Героями они казались сами себе, когда получали одежду. Голый мужчина смущен".

Но выражения *а ланди* и *велли* *в* следует соблюдать. То, что деревья росли на земле и что там происходили акты творения и одевания, настолько самоочевидно, что эти слова были бы бессмысленны, если бы они не были вызваны тем фактом, что авторы этих отрывков из Хавамала и Вельуспы имели в виду землю *вдоль моря*, то есть морской пляж. Это также ясно из традиции, приведенной в "Гильфагининге", глава 9, согласно которой трое асов прогуливались по морскому пляжу (*средиземное море*), когда они нашли Аска и Эмблу и создали из них первую человеческую пару.

Таким образом, первая человеческая пара была создана на берегу океана. К какому морю может относиться миф? Вопрос касается не древнеарийского времени, а тевтонской древности, не Азии, а Европы; и если мы, кроме того, ограничим его христианской эпохой, то ответ может быть только один. Во времена Тацита и задолго до него Германия была ограничена Галлией, Ретией и Паннонией на западе и юге, обширными территориями сарматов и даков на востоке и океаном на севере. Так называемый Германский океан, Северное море и Балтика, были тогда единственным водоемом в пределах горизонта тевтонов, единственным, который, как считалось, во времена Иордана, после того как готы долгое время правили к северу от Черного моря, омывал первобытные тевтонские берега. Следовательно, миф должен относиться к Германскому океану. Несомненно, что границы этого океана, где в мифе описывается сотворение первой человеческой пары, или первой тевтонской пары, рассматривались как центр, из которого их потомки распространялись по все большей территории. Где вблизи Северного или Балтийского моря располагался этот центр?

Даже на этот вопрос можно найти ответ благодаря сохранившимся фрагментам мифов. Общей чертой всех хорошо развитых мифологических систем является представление о том, что человеческая раса в своем младенчестве находилась под особым покровительством дружественных божеств и получила от них доктрины, искусства и профессии, без которых невозможна любая культура. Та же точка зрения сильно развита среди германцев. Англосаксонские документы сохранили историю о том, как потомки Аска и Эмблы получили первые благословения культуры от милосердных богов. Эта история дошла до нас из рук христиан, которые, однако, сохранили достаточно оригинала, чтобы показать, что его главной целью было рассказать нам, как великие дары культуры пришли к человечеству. В саге названа земля, где это произошло. Страна была самой южной частью Скандинавского полуострова, и особенно той его частью, которая граничит с западным морем. Если бы эти утверждения дошли

до нас только из северных источников, были бы веские основания сомневаться в их оригинальности и общем применении к тевтонским племенам. Исландско-норвежская литература средневековья изобилует свидетельствами склонности размещать события мифа и подвиги мифических личностей на родной земле и в городе автора. Но в данном случае нет места подозрениям в том, что патриотизм придал большей части Скандинавского полуострова столь заметное значение в самой ранней истории этого мифа. Главное свидетельство можно найти в традициях саксов в Англии, и это дает нам лучший ключ к пониманию единодушия, с которым саги Тевтонского континента, начиная со времен, предшествовавших рождению Христа, в далеком средневековье, указывают на большой полуостров в северном море как на землю древнейших предков, что противоречит схоластическому мнению относительно эмиграции из Трои. Регион, где, согласно мифу, зарождалась человеческая культура, несомненно, также считался колыбелью и центром расы.

К нескандинавским источникам, о которых идет речь, относятся: поэма Беовульфа, Этельверд, Виллиельмус Мальмсбургский, Симеон Дунельменский и Матфей Монастерский. Более пристальное изучение их показывает тот факт, что они черпают свою информацию из трех разных источников, которые опять же имеют общее происхождение в языческом мифе. Если мы сведем воедино то, что они сохранили из этой истории, мы получим следующий результат:[8]

Однажды было замечено судно, плывущее недалеко от побережья Скеделанда или Скани,[9] и оно приблизилось к суше, не приводимое в движение ни веслами, ни парусами. Корабль причалил к морскому берегу, и в нем увидели маленького мальчика, который спал, положив голову на сноп зерна, окруженный сокровищами и инструментами, глефами и кольчугами. Сама лодка была устойчивой и красиво украшенной. Кто он такой и откуда взялся, никто понятия не имел, но маленького мальчика приняли так, как если бы он был родственником, и он получал самую постоянную и нежную заботу. Когда он пришел со снопом зерна в их страну, люди назвали его Скеф, Sceaef.[10] (В поэме о Беовульфе его называют Скайлдом, сыном Скифа, а Скайлду дают сына Беовульфа, что изначально было другим именем Скайлда.) Скеф вырос среди этого народа, стал их благодетелем и королем и много лет правил с честью. Он умер в преклонном возрасте. В соответствии с его собственными указаниями, его тело было перенесено на берег, где он высадился ребенком. Там, в маленькой гавани, стояла та самая лодка, на которой он приплыл. Сверкающая от инея и льда, жаждущая вернуться в море, лодка ждала, чтобы принять мертвого короля, а вокруг него благодарные и скорбящие люди разложили не меньше сокровищ, чем те, с которыми прибыл Скеф. И когда все было закончено, лодка вышла в море, и никто не знает, где она причалила. Он оставил сына Скайлда (согласно поэме о Беовульфе, Беовульф, сын Скайлда), который правил после него. Внуком мальчика, пришедшего со снопом, был Хилфдин—Хальфдан, король датчан (то есть, согласно поэме о Беовульфе).

Миф наделяет старейших тевтонских патриархов очень долгой жизнью, точно так же, как Библия наделяет Адама и его потомков очень долгой жизнью. Они жили веками (см. Ниже). Таким образом, эта история могла бы способствовать распространению культуры, введенной Скефом, далеко и широко во время его собственного правления, и это могло бы привести к тому, что его царство увеличится вместе с культурой. Согласно разрозненным заявлениям, восходящим к саге о Скефе, Дания, Ангельн и, по крайней мере, северная часть Саксланда

были населены людьми, которые подчинялись его скипетру. На Севере ему подчинялись Геталанд и Свеаланд.

Доказательством этого, что касается Дании, является то, что, согласно поэме о Беовульфе, ее первая королевская семья происходила от Скефа через его сына Скильда (Skjold). В соответствии с этим, датская и исландская генеалогии делают Скульда прародителем первой династии в Дании, а также делают его правителем земли, в которую приехал его отец, то есть Сконе. Его происхождение как богорожденного патриарха, как героя, получающего божественное поклонение, и как правителя первоначальной тевтонской страны также упоминается в "*Форнманнасогуре*", ст. 239, где он назван *богом Сканинга*, богом сканцев.

Матфей Вестмонаст. сообщает нам, что Скеф правил в Ангеле.

Согласно англосаксонской хронике, династия Уэссекса происходила из Саксленда, а ее прародителем был Скеф.

Если мы изучим северные источники, то обнаружим, что миф о Скефе все еще можно найти в отрывках, которые остались незамеченными, и что племена крайнего Севера видели в мальчике, пришедшем со снопом и инструментами, божественного прародителя их знаменитой династии в Упсале. Это можно обнаружить, несмотря на более молодой геологический слой саги, который гипотеза об иммиграции Одина и его троянских асов распространила по нему с момента введения христианства. Личность Скефа, как мы увидим, выходит на поверхность как Скефилл и Скелфир.

В "*Сагах о Форнальдерах*", ii. 9, и во *Флатеярбоке*, i. 24 Скелфир упоминается как глава семьи и как отец Скульда, прародитель Скульдунгов. Следовательно, не может быть никаких сомнений в том, что Скеф, отец Скальда, а через него и прародитель Скульдунгов, изначально является тем же самым, что и Скелфир, отец Скульда и прародитель Скульдунгов в этих исландских произведениях.

Но он является прародителем не только Скульдунгов, но и инглингов. Генеалогия, начинающаяся с него, называется в *Флатеярбоке* *Скилфинга эт эдр Скульдунга эт*. Младшая Эдда также (i. 522) знает Скелфира и говорит, что он был знаменитым королем, чья генеалогия *er köllut skilvinga*. Итак, раса скилфингов в древнейших источниках - это в точности то же самое, что раса инглингов, как с англосаксонской, так и с языческой норвежской точки зрения. Поэма о Беовульфе называет шведских королей *скилфингами*, и, согласно Тьодульфу, родственник инглингов и родственник скилфингов, *Скилфинга нидр*, идентичны (Инглингаталь, 30). Кажется, даже Младшая Эдда знала об этом. В процитированном выше отрывке говорится, что раса искусников *er i Austrvegum*. В строфах Йодульфа *Аустрвегар* означает просто Свеаланд, а *Аустрконунгур* означает шведский король.

Таким образом, отсюда следует, что Скеф, идентичный Скелфиру, был в языческих сагах Севера общим прародителем инглингов и расы Скульдунга. Лишенный своего сана первоначального патриарха королевских семей Швеции, Дании, Ангела, Саксленда и Англии, он был вытеснен средневековой схоластической выдумкой об иммиграции азиатских троянцев под предводительством Одина, который как лидер иммиграции также должен был быть прародителем самых выдающихся семей иммигрантов. Эта точка зрения, по-видимому, впервые утвердилась в Англии после того, как эта страна была обращена в христианство и завоевана с помощью гипотезы троянской иммиграции. Водан там помещен во главе

королевских генеалогий хроник, за исключением Уэссекса, где Скефу разрешено сохранить свое старое положение, и где Один должен довольствоваться второстепенным местом в генеалогии. Но в поэме о Беовульфе Скеф все еще сохраняет свое достоинство древнего патриарха датских королей.

Из Англии то же самое искажение мифа пришло на Север в связи с гипотезой об иммиграции "азиатов", и там его в конце концов приняли самым безразличным образом, без малейшего отношения к мифическим записям, которые все еще были хорошо известны. Скульд, сын Скефа, без каких-либо колебаний превращается в сына Одина (Инглингасага, 5; Предисловие к Гильфагу, 11). Ингве, который как прародитель инглингов идентичен Скефу, и само имя которого, возможно, является или было задумано как эпитет, указывающий на нежный возраст Скефа, когда он прибыл на побережье Скандии—Ингве-Скеф путают с Фреем, именуют Ингве-Фреем по имени бога Вана Ингунара Фрея, и его тоже называют сыном Одина (Предисловие к Гильфагу., с. 13), хотя Фрей в миф является сыном Ньерда и принадлежит к другой расе богов, чем Один. Эпитет, которым Аре Фроде в своей *Схиде* характеризует Ингве, а именно *Туркиаконунгр*, троянский царь, доказывает, что юноша, пришедший со снопом зерна в Скейн, уже превратился в троянца.

21.

СКЕФ - АВТОР КУЛЬТУРЫ, ИДЕНТИЧНОЙ ХЕЙМДАЛЬ-РИГУ, ПЕРВОНАЧАЛЬНОМУ ПАТРИАРХУ.

Но в одном отношении Аре Фроде или его авторитет обратили внимание на подлинную мифическую традицию, а именно, сделав богов Вана родственниками потомков Ингве. Это верно в том смысле, что Скеф-Ингве, сын божества, превратившегося в человека, был в мифе богом Вана. Соответственно, каждый представитель расы инглингов и каждый потомок Скефа могут именоваться *сыном Фрейра* (*Freys áttungr*) - эпитеты, применяемые Тьодульфом в Инглингатале по отношению к королям Упсалы. Это дары богов Вана - орудия труда, указывающие на богатый Ньерд, и сноп зерна, являющийся символом Фрея, — которые Скеф—Ингве приносит с собой древнему народу Скандии, и его правление мирно и богато благословениями.

Скеф-Ингве пересекает океан. Считалось, что Ванахейм расположен по другую сторону от него, в том же направлении, что и дворец Эгира в великом западном океане, и в самых отдаленных владениях Йормунгрунда (см. 93). Об этом говорится в Локасенне, 34, где Локе в зале Эгира говорит Ван Ньерду: "Ты был отправлен отсюда на Восток в качестве заложника богов (*thu vart austr hedan gisl um sendr at godum*)". Таким образом, замок Ньерда Ноатун расположен на Западе, на берегу, за пределами которого поют лебеди (Гильфаг., 23). В поблекшей памяти о Скефе, сохранившейся в сагах о Нижнем Рейне и Нидерландах, к бедному народу прибывает лодка, в которой лежит спящий юноша. Лодка, как и у Скефа, без парусов и весел, но ее тянет по волнам лебедь. От Гильфагининга, 16, мы узнаем, что существуют мифы, повествующие о происхождении лебедей. Все они произошли от той пары лебедей, которые плавают в священных водах источника Урд. Таким образом, потомки этих лебедей, которые поют за пределами Ванапалацкого Ноатуна, и их прибытие к берегам Мидгарда, по-видимому, имеют некоторую связь с приходом ван Скефа и культуры.

Ванами, наиболее известными в мифах, являются Ньерд, Фрей и Хеймдал. Хотя Хеймдаль является богом Аса по усыновлению, он, подобно Ньерду и Фрею, является богом Вана по

рождению и месту рождения и, соответственно, называется как *асс*, так и *ванр* (Thrymskv., 15). Между тем эти три божества, определенно названные Ванам, - лишь немногие из многих. Ваны составляли многочисленный клан, достаточно сильный, чтобы вести победоносную войну против асов (Völusp.). Кем среди них был Скеф-Ингве? На этот вопрос можно ответить следующим образом:

(1) О Хеймдале, и о нем единственном среди богов, рассказывается, что он некоторое время жил среди людей как мужчина и что он совершил то, что приписывается Скефу, то есть организовал и возвысил человеческое общество и стал прародителем священных семей в Мидгарде.

(2) Ригстула рассказывает, что бог Хеймдал, приняв имя Риг, зачал от земной женщины сына Ярла-Рига, который, в свою очередь, стал отцом Конр-Рига. Конр-Риг, как указывает само название и как уже указывал Вигфуссон, был первым, кто носил королевское имя. В Ригстуле ярл порождает короля, а в Инглингсаге судья (Домарр) порождает первого короля. Согласно Инглингсаге, глава 20, Риг является дедушкой Дана, который является скьольдунгом. Хеймдаль-Риг, таким образом, является отцом прародителя Скьольдунгов, и именно эту историю о божественном происхождении Скьольдунгов рассказывает нам Ригстула, когда поет о Хеймдале как отце ярла и деде первого короля. Но прародителем скьольдунгов является, согласно как англосаксонским, так и северным источникам, процитированным выше, Scef. Таким образом, Heimdal и Scef идентичны.

Этих доказательств достаточно. Можно представить больше, и личность будет установлена в ходе всего расследования.

Когда Хеймдаль был нежным мальчиком, Фургоны отправили его к южным берегам Скандинавии с дарами культуры. В "Сказании Хиндлы" рассказывается, как эти дружественные силы чудесным образом подготовили ребенка к его важной миссии после того, как он был рожден на самых дальних границах земли (*вид джардар траум*) девятью сестрами ("Сказание Хиндлы", 35; Хеймдаллар Гальдр., в Младшей Эдде; сравните № 82, где указывается на древний арийский корень мифа о девяти матерях Хеймдала).

Для выполнения своей миссии ребенок должен был обладать силой, выносливостью и мудростью. Его дали выпить *джардару магну свалкалдру серу* и *Сонару дрейри*. Необходимо сравнить эти выражения с *Урдаром магном, свалкалдром сером* и *Сонаром дрейри* в "Гудрунаркивде", ii. 21, песне, написанной в христианские времена, где это воспоминание о тройном язычески-мифическом напитке вновь появляется как зелье забвения, утешающее печаль. Выражение *Сонар дрейри* показывает, что ребенок пробовал жидкости из подземных источников, которые орошают Иггдрасиль и поддерживают духовную и физическую жизнь вселенной (ср. № № 63 и 93). *Сон* содержит в себе медовуху вдохновения и мудрости. В "Гильфагининге", цитирующем сатиру позднего происхождения, это название дано кувшину, в котором Суттунг хранит этот ценный напиток, но у языческих скальдов *Сон* - это название источника Мимера, который содержит высшие духовные дары и вокруг окаймленного камышом края которого растут заросли поэзии (Эйлиф Гудрунсон, Скальдскапармаль). Таким образом, ребенок Хеймдаль напился из источника Мимера. *Джардар магн* (сила земли) на самом деле такая же, как *Урдар магн*, сила воды в фонтане Урд, которая поддерживает вечно зеленое мировое древо и физическую жизнь творения (Völusp.). Третий подземный фонтан - Хвергельмер с укрепляющими жидкостями. Из Хвергельмера берет начало река Свал и ядовито-

холодные Эливоги (Grimner's Lay, Гильфагининг). *Свалкалдар сир*, прохладное море, является подходящим обозначением этого фонтана.

Когда ребенок таким образом укрепляется для выполнения своей великой миссии, его укладывают спать в украшенный корабль, ему вместо подушки кладут сноп зерна, а вокруг него раскладывают многочисленные сокровища. Несомненно, что среди сокровищ были не только оружие и украшения, но и рабочие инструменты. Следует иметь в виду, что боги изготавливали на равнинах Иды не только украшения, но и орудия труда (*тангир скупу ок тол герду*). В № 82 представлены доказательства того, что Шефхеймдаль принес огненный шнек первобытному человеку, который до этого времени жил без благословений, производимых священным огнем.

Мальчик растет среди жителей скандинавского побережья, и когда он становится взрослым, под его влиянием зарождается человеческая культура и появляются зачатки классов в обществе с четко выраженными призваниями. В Ригстуне мы находим его путешествующим по "зеленым тропинкам, от дома к дому, в той земле, которую благословило его присутствие". Здесь его зовут *Rigr* — для него, как и почти для всех мифологических персонажей, верно, что у него есть несколько имен, — но введение к поэме сообщает нам, что человек, названный так, — это бог Хеймдаль (*эйхверр аф асум са эр Хеймдалль хет*). Страна здесь также описана как расположенная недалеко от моря. Хеймдаль путешествует по Средиземному морю. Культура в полном разгаре. Люди оседлые, они прядут и ткут, занимаются ручной работой и являются кузнецами, они пашут и пекут, и Хеймдаль обучил их рунам. В разных домах разные обычаи и разная степень достатка, но счастье царит повсюду. Хеймдаль посещает неприятельский дом Ая и Эдды, его гостеприимно принимают, и он остается там на три дня. Девять месяцев спустя в этой семье рождается сын Трал (тралл). Затем Хеймдаль посещает ухоженный дом Аве и Аммы, и через девять месяцев после этого в этой семье рождается сын Карл (чурл). Оттуда Риг отправляется в элегантный дом *Фадир* и *Модир*. Девять месяцев спустя там рождается сын Ярл. Таким образом, три тевтонских класса — рабы, свободные и знать — получили свое божественное благословение от Хеймдал-Рига, и все трое были удостоены божественного рождения.

В рассказе о посещении Ригом трех разных домов заложена мифическая идея общего отцовства, идея, которую нельзя упускать из виду, когда человеческие герои описываются как сыновья богов в мифологических и героических сагах. Они сыновья богов и, в то же время, с генеалогической точки зрения, люди. Их родословная, начинающаяся с Аска и Эмблы, не прерывается вмешательством посещающего бога, и это вмешательство не привело к появлению полубожественного, получеловеческого среднего класса или клана бастардов. Тевтонский патриарх Маннус, согласно Тациту, является сыном бога и внуком богини Земли. Тем не менее он, как указывает его имя, в полном физическом смысле этого слова является человеком, и помимо его божественного отца у него был отец-человек. Они — потомки Аска и Эмблы, людей всех классов и состояний, которых скальд Вельуспы собрал вокруг провидицы, когда она должна была представить им взгляд на развитие мира, и приказал замолчать формулой: "Слушайте, все вы, божественные расы, великие и малые, сыны Хеймдала". Идею общего отцовства мы снова находим в вопросе о внуке *Фадир*, как мы покажем ниже. Через него семьи вождей получают право приоритета перед обоими другими классами. Тор становится их прародителем. В то время как все классы ведут свое происхождение от Хеймдала, знать ведет свое происхождение также от Тора, а через него — от Одина.

Сын Хеймдаль-Риг и Фадира, рожденный от Модира, наследует в Ригстуле имя божественного соотца и называется Риг Ярл. Сын ярла, Кон, получает то же имя после того, как он доказал свои познания в рунах, введенных Хеймдалем среди детей человеческих, и даже показал, что превосходит своего отца в этом отношении. Эта точка зрения о том, что молодое поколение превосходит старшее, указывает на идею культурного прогресса среди людей в то время, когда они живут в мире и счастье, защищенные заботливостью Хеймдаля искипетром, но не должна быть истолкована как теория непрерывного прогресса, основанного на законе и природе вещей, теория, одинаково чуждая германцам и другим народам древности. Правление Хеймдал-Рига следует рассматривать как счастливую древнюю эпоху, о которой мечтали почти все мифологии. Уже в следующем веке, следующем за вторым патриархом, мы читаем о людях насилия, которые посещают мирных, а при третьем патриархе начинается "эпоха ножей и топоров с раздвоенными щитами", которая продолжается на протяжении всей истории и получает свое самое ужасное развитие перед Рагнареком.

Наиболее распространенные мифические имена людей, появляющихся в Ригстуле, не упоминаются в песне, даже Хеймдала. В строфе 48, последней в фрагменте, мы впервые находим слова, имеющие характер имен — *Danr* и *Danpr*. Ворона поет с дерева сыну ярла, внуку Хеймдаля, Кону, говоря, что мирное развлечение (*kurra fugla*) не идет ему дольше, но что он должен скорее сесть на своего коня и сражаться с людьми; и ворона пытается пробудить его честолюбие или ревность, говоря, что "У Дана и Данпа, искусных в управлении кораблями и владении мечами, есть более драгоценные чертоги и лучшие владения, чем у вас". То обстоятельство, что упомянуты эти имена, позволяет, как будет показано ниже, более удовлетворительным образом установить связь между Ригстулой и другими рассказами, которые можно найти во фрагментах, относящихся к периоду тевтонских патриархов.

Древнейшая история человека у германцев началась не с райского состояния. Между созданием Ask и Embla прошло некоторое время, и Хеймдаль приходит к людям. Поскольку культура начинается с Хеймдаля, состояние варварства, должно быть, предшествовало его приезду. Во всяком случае, считалось, что первым поколениям после Аска и Эмблы не хватало огня; следовательно, они были лишены кузнечного искусства, металлических орудий и знаний о сельском хозяйстве. Поэтому ребенок Вана пересекает западное море с огнем, орудиями труда и снопом зерна. Но варварское состояние могло сопровождаться невинностью и добротой сердца. То, как странный ребенок был принят жителями побережья Скандии, и нежность, с которой о нем заботились (*diligenti animo*, говорит Этельверд), по-видимому, указывают на это.

Когда Шефхеймдаль выполнил свою миссию и прекрасная лодка, на которой он прибыл, исчезла за западным горизонтом, начинается вторая мифическая эпоха патриархов.

22.

СЫН ХЕЙМДАЛЯ БОРГАР-СКЬОЛЬД, ВТОРОЙ ПАТРИАРХ.

"Инглингасага", гл. 20, содержит отрывок, который явно связан с Ригстулой или с каким-то родственником источника. В отрывке упоминаются три человека, которые появляются в Ригстуле, а именно: Риг, Данп и Дан, и там говорится, что правитель, который первым получил королевский титул в Свитиоде, был сыном вождя, которого звали Джадж (*Domarr*), а Джадж был женат на Дротт (*Drott*), дочери Данпа.

То, что Домар и его царственный сын, последний с эпитетом *Дыггви*, "достойный", "благородный", впоследствии были включены в королевскую родословную Инглингасаги, - это вопрос, который мы не можем в настоящее время рассматривать. Вигфуссон (*Corpus Poet. Bor.*) уже показал мифический символизм и неисторический характер *Висбурра*, священника, сына бога из этой королевской родословной; *Домальдр-Домвальдра*, законодателя; *Домарра*, судьи; и *Дыггви*, первого короля. Это не исторические короли Упсалы, а персонифицированные мифы, символизирующие развитие человеческого общества на религиозной основе в правовое политическое государство, кульминацией которого является королевская власть. Короче говоря, это та же цепочка идей, которую мы находим в Ригстуде, где Хеймдаль, сын бога и основатель культуры, становится отцом ярла-судьи, чей сын становится первым королем. *Домар*, в одной версии цепочки идей, соответствует Ригу Ярлу в другой, а *Дыггви* соответствует Кону. Хеймдаль - первый патриарх, ярл-судья - второй, а старейший из королей - третий.

Какой-то человек, через чьи руки прошла Инглингасага до того, как она приобрела свой нынешний вид в Хеймскрингле, понял это соответствие между *Домаром* и Риг-Ярлом и отдал первому жену, которая изначально принадлежала последнему. Ригстуде была сохранена в единственном манускрипте. Эта рукопись принадлежала Арнгриму Йонссону, автору *Дополнения к истории Норвегии*, и, возможно, в свое время он был известен как Бугге (*норр. Форнкв.*) догадки, менее фрагментарные, чем сейчас. Арнгрим рассказывает, что Риг ярл был женат на дочери Данпа, лорда Данпстеда. Таким образом, представитель ярлового достоинства, как и представитель судейского достоинства в Инглингасаге, здесь женат на дочери Данпа.

В Саксонии человек по имени Боргар (*Боркарус—Hist. Dan.* 336-354) занимает важное положение. Он южноскандинавский вождь, предводитель воинов Скейна (*Borcarus cum Scanico equitatu*, стр. 350), но вместо королевского титула он занимает должность, соответствующую ярлу. Тем временем он, как и Скульд, становится основателем датской королевской династии. Как и Скульд, он сражается со зверями и разбойниками и, как и он, завоевывает свою невесту с мечом в руке. Жену Боргара зовут Дротт (*Дротта, Дрота*), так же зовут дочь Данпа. Грам, сын Скульда, и Хальфдан, сын Боргара, при ближайшем рассмотрении оказываются идентичными друг другу (см. Ниже), а также королю Хальфдану Бергграму, в котором объединены имена обоих. Таким образом, мы находим:

- (1) Что Боргар появляется как вождь в Сконе, который в мифе является колыбелью человеческой расы или тевтонской расы. Как таковой он также упоминается в *Script. rer. Dan.* (стр. 16-19, 154), где он назван Бургарусом и Боргардусом.
- (2) Что он совершил подвиги, аналогичные подвигам Скульда, сына Скеф-Хеймдаля.
- (3) Что он не облечен королевским достоинством, но у него есть сын, который основывает королевскую династию в Дании. Это соответствует сыну Хеймдаля Ригу Ярлу, который сам не именуется королем, но чей сын становится датским королем и прародителем Скульдунгов.
- (4) Что он женат на Дротт, которая, согласно Инглингасаге, является дочерью Данпа. Это соответствует сыну Хеймдаля Ригу Ярлу, который берет в жены дочь Данпа.
- (5) Что его сын идентичен сыну Скульда, прародителя Скульдунгов.

(6) Что этого его сына зовут Хальфдан, в то время как в англосаксонских источниках Скеф через своего сына Скилда (Skjold) является прародителем датского короля Хилфдена.

Эти свидетельства содержат неопровержимые доказательства того, что Скульд, Боргар и Риг Ярл - это имена одной и той же мифической личности, сына древнего патриарха Хеймдаля, а сам он - второй патриарх, который после Хеймдаля определяет судьбу своей расы. Имя *Боргарр* является синонимом *Скульдра*. Слово *Skjöldr* с самого начала имело или по прошествии прошлых веков приобрело значение "защищающий", "прикрывающий", и как таковое оно применялось к обычным защитным доспехам, щиту. *Боргарр* происходит от *бьярга* (устар. часть. *borginn*; ср. *borg*) и, таким образом, имеет то же значение, то есть "защищающий". Из скандинавской поэзии можно привести множество примеров перефразирования имени другим или даже несколькими другими именами с аналогичным значением.

Таким образом, второй патриарх, сын Хеймдаля, в языческих традициях носит имена Скульд, Боргар и Риг Ярл, а также производные от них.

В немецких поэмах средневековья ("Вольфдитрих", "Кениг Рутер" и другие) Боргар упоминается под именами Берхтунг, Беркер и Бертер. Его мифический персонаж как древнего патриарха там хорошо сохранился. Это *гриз манн*, тевтонский Нестор, носит бороду, доходящую до пояса, и ему 250 лет. Он был воспитан королем Анциусом, прародителем амелунгов (амалийцев). Имя Анциус указывает на готское *ansī* (Asa-бог). Соответственно, воспитание Боргара "белым богом-Асой" не было забыто. Среди упражнений, которым научил его Анциус, есть "*Как научиться управлять мессером и схизматически управлять зилом*" (сравните упражнения Риг Ярла, "Ригстула", 35). Как и Боргар, Берхтунг не король, но очень благородный и пользующийся большим доверием вождь, мудрый и добрый, приемный отец и советник героев и королей. Скандинавская сага помещает Боргара, а немецкая - Берхтунга в тесную связь с героями, принадлежащими к роду Хильдингов. Боргар, согласно Саксо, является отчимом Хильдегер; Берхтунг, согласно "Вольфдитериху", предок Хильдебранда. О Хильдегер Саксон рассказывает отчасти то же самое, что немецкая поэма рассказывает о Хильдебранде. Берхтунг становится приемным отцом амалийского принца; вместе с сыном Боргара вырастает молочный брат Хамал (Helge Hund., 2; см. № 29, 42), чье имя указывает на амалийскую расу. Само имя *Боргарр*, которое, как указано, в этой форме относится к *бьярге*, возможно, в более древней форме было связано с именем Берхтер, Берхтунг.

23.

БОРГАР - СЫН СКУЛЬДА ХАЛЬФДАН, ТРЕТИЙ ПАТРИАРХ.

Личность Грэма, Хальфдана Бергграма и Хальфдана Боргарсона.

Во времена Боргара и его сына, третьего патриарха, происходят многие из наиболее важных событий мифа. Прежде чем я представлю их, цепочка доказательств требует, чтобы я четко установил имена, применяемые к Боргару в наших литературных источниках. Датские ученые уже обнаружили то, на что я указывал выше, а именно, что короли Грам Скульдсон, Хальфдан Бергграм и Хальфдан Боргарсон, упомянутые Саксоном и относящиеся к разным поколениям, идентичны друг другу и Хальфдану Скульдунгу и Хальфдану Старому из исландских документов.

Правильность этого представления будет очевидна из следующих параллелей:[\[11\]](#)

{Саксон: Грам убивает короля Сиктруга и женится на Сигне,
{ дочери Сумбла, короля финнов.
{Хиндлулджод: Хальфдан С্কьольдунг убивает короля Сигтригга и
1. { женится на Альмвейг с согласия Эймунда.
{Прозаическая Эдда: Хальфдан Старый убивает короля Сигтригга и
{ женится на Алвейг, дочери Эйвинда.
{Форнальд. С.: Хальфдан Старый убивает короля Сигтригга и
{ женится на Альфни, дочери Эймунда.

{Саксон: Грам, сын С্কьольда, является прародителем С্কьольдунгов.
{Хиндлулджод: Хальфдан С্কьольдунг, сын или потомок
{ С্কьольд - прародитель с্কьольдунгов, инглингов,
2. { Одлунги и др.
{Прозаическая Эдда: Хальфдан Старый - прародитель
{ Хильдинги, инглинги, одлунги и др.
{Саксон: Хальфдан Богарсон - прародитель королевской
{ семьи Дании.

{Саксо: Грэм использует дубинку в качестве оружия. Он убивает семерых
{ братьев и девять их сводных братьев.
{Саксо: Хальфдан Бергграм использует дуб в качестве оружия. Он
3. { убивает семерых братьев.
{Саксо: Хальфдан Боргарсон использует дуб в качестве оружия. Он
{ убивает двенадцать братьев.

{Саксо: Грам обеспечивает безопасность Гроа и убивает Хенрикуса в день его свадьбы.
{Саксо: Хальфдан Бергграм женится на Сигруте после рождения
4 детей. { убит Эббо в день своей свадьбы.
{Саксон: Хальфдан Боргарсон женится на Гурите, родив
{ убил Сиваруса в день его свадьбы.

{Саксон: Грам, убивший шведского короля, подвергается нападению на войне
{ со стороны Свипдага.
{Саксон: Хальфдан Бергграм, убивший шведского короля,
5. { атакован Эриком.
{Объединенные источники: Свипдаг - сын убитого шведского короля
{ внук (сын дочери).
{Саксон: Эрикус - сын дочери убитого шведа

{ король.

Этих параллелей достаточно, чтобы показать личность Грамма Скульдсона, Хальфдана Бергграма и Хальфдана Боргарсона. Более тщательный анализ этих саг, синтез, возможный на основе такого анализа, и положение, которое занимает сага (восстановленная таким образом) о третьем патриархе, сыне Скульд-Боргара и внуке Хеймдаля, в цепи мифических событий, дают полное доказательство этой идентичности.

24.

ВРАЖДА ХАЛЬФДАНА С ОРВАНДЕЛЕМ И СВИПДАГОМ (см. № 33).

Саксон рассказывает о Граме, что он увез королевскую дочь Гроа, хотя она уже была связана узами брака с другим мужчиной, и что он убил ее отца, после чего вступил во вражду со Свипдагом, непримиримым врагом, который сражался против него с переменным успехом и не давал себе покоя, пока не лишил Грама жизни и царства. Грам оставил двух сыновей, к которым Свипдаг относился совсем по-другому. Тот, кого звали Гутормус (*Гудхормр*), который был сыном Гроа, пользовался его благосклонностью. Другому, по имени Хадингус, или Хаддинг, который был сыном Сигне, он передал смертельную ненависть, которую лелеял к отцу. Причину ненависти Свипдага к Граму, которую не удалось погасить в его крови, Саксон не упоминает, но этот момент проясняется при сравнении с другими источниками. Саксон также не упоминает, кто был тот человек, у которого Грэм отнял Гроа, но об этом мы тоже узнаем в другом месте.

Гроа из мифа упоминается в двух других местах: в Гроагалдере и в Гильфагининге. Оба источника сходятся в том, что представляют ее искусной в написании добрых, исцеляющих, предотвращающих вред песен; оба также описывают ее как нежного человека, преданного членам своей семьи. В Гильфагининге она - любящая жена, которая забывает обо всем в своей радости от того, что ее муж, храбрый лучник Орвандель, был спасен Тором от опасного приключения. В Гроагалдере она - мать, чья любовь к своему сыну побеждает смерть и говорит утешающие и защищающие слова из могилы. Ее мужа, как уже говорилось, зовут Орвандель; ее сына зовут Свипдаг.

Если мы сравним утверждения в Saxo с утверждениями в Groagalder и Gylfaginning, мы получим следующий результат:

Саксон: У короля Сигтригга есть дочь Гроа.

Гильфагининг: Гроа замужем за храбрым Орванделем.

Гроагалдер: У Гроа есть сын Свипдаг.

Саксо: Грам-Хальфдан грабит Гроа.

Саксо: } Военные действия из-за ограбления

Хиндлулджода: } женщина. Грам-Хафдан убивает

Скальдскапа.мал:} Отец Гроа Сигтригг.

Саксон: От Грам-Хальфдана у Гроа есть сын Гудхорм.

Грам-Хальфдан отделен от Гроа. Он ухаживает за

Сигне (Альмвейг в Хиндлульоде; Альвейг в Скальдскапармале),

дочерью Сумбела, короля финнов.

Гроагалдер: Гроа со своим сыном Свипдагом снова со своим первым мужем. Гроа умирает. Отец Свипдага Орвандель женится во второй раз. Перед смертью Гроа сказала Свипдагу, что он, если понадобится ее помощь, должен пойти на ее могилу и пробудить ее от сна смерти.

Мачеха дает Свипдагу задание, которое, по его мнению, превосходит его силы. Затем он идет на могилу своей матери. Из могилы Гроа поет защитные заклинания над своим сыном.

Саксон: Свипдаг нападает на Грам-Хальфдана. После нескольких конфликтов ему удается победить его и нанести ему смертельную рану.

Свипдаг прощает сына Грам-Хальфдана от Гроа, но преследует его вместе с Сигне (Алвейг).

В этой связи мы находим ключ к непримиримому конфликту Свипдага с Грам-Хальфданом. Он должен отомстить ему за своего отца и мать. Он должен отомстить за позор своей матери, смерть своего деда Зигтригга и, как показывает дальнейшее расследование, за убийство своего отца Орванделя. Мы также выясняем, почему он прощает Гудхорма: он его собственный сводный брат и сын Гроа.

Сигтригг, Гроа, Орвандель и Свипдаг в мифе принадлежат к родословной инглингов, и поэтому Саксон называет Сигтригга королем Свитиода. Что касается инглингов, Инглингасага отмечает, что Ингве было именем каждого, кто в то время был главой семьи (Ингл., стр. 20). Свипдаг, любимый герой тевтонской мифологии, соответственно, воспет в песнях под именем Ингве, а также под другими именами, к которым я обращусь позже, когда буду давать полный отчет о мифе, касающемся его.

25.

ИДЕНТИЧНОСТЬ ХАФДАНА С МАННУСОМ В "ГЕРМАНИИ".

С Грам-Хальфданом заканчивается период тевтонских патриархов. Человеческая раса пережила свой золотой век при Хеймдале, свой медный век при Скульд-Боргаре и начало своего железного века при Хальфдане. Раса скилфинга-инглингов была названа в честь самого Хеймдала Скелфира, и он считался ее прародителем. Его сын Скульд-Боргар считается основателем рода Скульдунгов. У Хальфдана родословная делится на три части через его пасынка Ингве-Свипдага, сводного брата последнего Гудхорма и сводного брата Гудхорма Хадаинга или Хаддинга. Война между этими тремя — продолжение вражды между Хальфданом и Свипдагом — стала темой цикла песен, которые пели по всему Тевтондому, песен, которые продолжали жить, хотя и сильно изменились с течением времени, на устах немцев на протяжении всего средневековья (см. № 36-43).

Как и его отец, Хафдан был плодом двойного отцовства, божественного и человеческого. Саксон знал об этом двойном отцовстве и рассказывает о своем Хальфдане Бергграме, что он, хотя и был сыном принца-человека, пользовался уважением как сын Тора и почитался как бог

среди того народа, который дольше всех оставался язычником; то есть шведов (*Как воспитать свеонов тантуса хабери цапита, ум магни Тор филиус экзистиматус, божественный популо почетный донор, как публично заслуженный либаминный цензур*). В своей саге, рассказанной Саксоном, Тор держит свою защищающую руку над Хальфданом, как отец над своим сыном.

Возможно, что оба старших патриарха первоначально рассматривались скорее как основатели и вожди всего человечества, чем только германцев. Несомненно, что название "тевтонский патриарх" принадлежало, в частности, третьему из серии. У нас есть воспоминание об этом в Хиндлульде, 14-16. На вопрос: "Откуда взялись скульдунги, скилфинги, андлунги и ильфинги, и все свободнорожденные и благороднорожденные?" песня отвечает указанием на "выдающегося среди скульдунгов" — убийцу Сигтригга Хальфдана — утверждение, которое, после того как память о мифах поблекла и запуталась, было увеличено в Младшей Эдде до сообщения о том, что он был отцом восемнадцати сыновей, девять из которых были основателями героических семей, чьи имена в то время были заново открыты в сохранившихся тогда языческих героических песнях.

Согласно тому, что мы сейчас изложили относительно генеалогического положения Хальфдана, больше не может быть никаких сомнений в том, что он тот же патриарх, что и Маннус, упомянутый Тацитом в "*Германии*", гл. 2, где говорится о германцах: "В старых песнях они прославляют *Туиско*, бога, рожденного Землей (*Терра*; сравните богиню *Terra Mater*, гл. 40), и его сына Маннуса как источник и основателя расы. Говорят, что у Маннуса было трое сыновей, по именам которых те, кто живет ближе всего к океану, называются ингэвонианами (*Ingævones*), те, кто живет в центре, гермионянами (*Hermiones, Herminones*), а остальные истэвонианами (*Istævones*).". Тацит добавляет, что существовали и другие тевтонские племена, такие как марсиане, гамбрийцы, свевы и вандалы, чьи имена были получены от других героев божественного происхождения.

Таким образом, Маннус, хотя и человек, а также источник и основатель тевтонской расы, также является сыном бога. Мать его божественного отца - богиня Земля, мать-Земля. В наших местных мифах мы заново открываем эту богиню — полиномную, как почти все мифические существа, — в лице жены Одина Фригг, также называемой *Фьоргин* и *Хлодин*. Как сыновья ее и Одина определенно упоминаются только Тор (Велусп.) и Бальдер (Локасенна).

Что касается богини Земли (Йорд), Тацит утверждает (гл. 40), что в качестве характерной черты она, как полагают, проявляет живой интерес и принимает активное участие в делах людей и наций (*eam intervenire rebus hominum, invehi populis arbitrantur*), и он сообщает нам, что ей особенно поклоняются жители лонгобарда и некоторые из их соседей у моря. Это утверждение, по сравнению с "Сагой об эмиграции лонгобардцев" (№ 15), подтверждает теорию о том, что богиня Йорд, которая во времена Тацита воспевалась в песнях как мать божественного отца Маннуса, идентична Фригг. В своей саге об эмиграции лонгобардцы очень верят во Фригг и в ее желание и способность вмешаться, когда судьба нации решается с помощью оружия. Они также не обмануты в своем доверии к ней; она способна добиться того, что Один, не задумываясь о последствиях, дает лонгобардцам новое имя; и поскольку подарок на крестины был в порядке вещей, и поскольку лонгобардцы стояли в строю против вандалов в тот момент, когда они получили свое новое имя, подарком не могло быть ничего иного, как победа над их врагами. Утверждение Тацита о том, что лонгобардцы были одной из рас, особо почитавших богиню Йорд, оказывается тесно связанным с этой традицией и объясняемым ею, которую

продолжали помнить среди лонгобардцев еще долгое время после того, как они обратились в христианство, вплоть до того времени, когда было написано "*Origo Longobardorum*".

Тацит называет богиню Йорд Нертус. Вигфуссон (а до него Дж. Гримм) и другие видели в этом имени женскую версию *Ньердр*. Никакое другое объяснение также не представляется возможным. Существование такой формы не более удивительно, чем то, что у Фрейи мы имеем женскую форму *Frey*, а у Фьоргин-Фригг женскую форму *Fjörgynr*. В наших мифических документах ни Фригг, ни Ньерд не принадлежат к расе Аса. Ньерд, как мы знаем, Ван. Отцом Фригг является *Фьерджинр* (возможно, то же самое, что *Парганья* в ведических песнях), также называемая *Аннапп*, *Анапп* и *Онапп*, а ее мать - дочь Нарве Ночь. Высокое положение Фригг как настоящей и законной жены Одина, как королевы мира Аса и как матери главных богов Тора и Бальдра предполагает, что она имеет самое благородное происхождение, которым миф мог наделить существо, родившееся вне клана Аса, и поскольку ваны в мифологии следующие после Асов и были объединены с ними с начала времен в качестве заложников по договору, через брак и усыновление, вероятность, если не удастся найти других доказательств, будет благоприятствовать теории о том, что Фригг - богиня расы Асов. из Ванов, и что ее отец *Фьерджин* - глава клана ванов. Эта точка зрения подтверждается двумя способами. Космогония делает Землю и Море сестрой и братом. Та же божественная мать Ночь (Нат), которая носит богиню Йорд, также носит сына *Удра*, *Унна*, повелителя моря, также называемого *Аудр* (Богатый), олицетворение богатства. Оба эти имени применяются среди богов только к Ньерду как богу мореплавания, торговли и богатства. (Применительно к богатству сравните фразу *audigr sem Njördr*— богатый как Ньерд.) Таким образом, Фригг - сестра Ньерда. Это объясняет отношение к Фригг в "Войне между асами и ванами" Велуспы, Саксона и автора "Инглингасаги", где традиция излагается как история. В той форме, которая была придана этой традиции в христианские времена и в руках Саксона, она пренебрежительно относится к Фригг как жене Одина; но суть повествования Саксона заключается в том, что Фригг во вражде между Асами и Ванами встала не на сторону Одина, а на сторону ванов и способствовала тому, что последние стали владыками Асгарда. Когда чисто языческие документы (*Völusp.*, *Vafthr.*, *Lokas.*) описывают ее как нежную жену и мать, участие Фригг в нападении ванов на собственного мужа едва ли можно объяснить иначе, чем тевтонским принципом, согласно которому обязанности дочери и сестры превыше обязанностей жены, точка зрения, ясно представленная у Саксона (стр. 353) и проиллюстрированная поведением Гудрун по отношению к Атле.

Таким образом, доказано, что бог, являющийся отцом тевтонского патриарха Маннуса, сам является сыном Фригг, богини земли, и должен, согласно имеющимся мифическим записям, быть либо Тором, либо Бальдром. Имя, данное ему Тацитом, *Туиско*, не определяет, какое из двух. *Туиско* имеет форму прилагательного-отчества и вновь появляется в скандинавском *Тиви*, старом имени Одина, связанном с *Dios divus* и *дэвами*, от которых все сыновья Одина и боги Асгарда получили эпитет *тивар*. Но в песнях, выученных Саксоном в отношении северной расы-патриарха и его божественного отца, его место занимает Тор, а не Бальдр, и "сын Йорда" в скандинавской поэзии является эпитетом, особенно применяемым к Тору.

У Маннуса трое сыновей. Как и у Хальфдана. В то время как у Маннуса есть сын *Ингаво*, у Хальфдана есть пасынок Инге, Инге (Свиптаг). Второго сына Маннуса зовут Гермио. Сына Хальфдана от Гроа зовут *Гудхормр*. Вторая часть этого названия, как уже указывал Джессен, не имеет ничего общего с *ormr*. Возможно, что название следует разделить на *Гудхормр*, и что *хормр* следует относить к *Гермио*. Третьего сына Маннуса зовут *Истэво*. Кельтский ученый Зевс

связал это имя с именем готской (точнее, вандальской) героической расы Аздинги, а Гримм снова связал Аздиньи с Хаздигго (*Хаддинг*). Третьего сына Хальфдана у саксов зовут Хадингус. Уместны ли сравнения, сделанные Зевсом и Гриммом, или нет (см. Далее, № 43), здесь особой разницы нет. Тем не менее, в результате проведенного исследования остается очевидным, что все, что Тацит рассказывает о тевтонском патриархе Маннусе, имеет свой аналог в вопросе о Хальфдане, и что оба в мифах занимают точно такое же место как сыновья бога и как основатели тевтонских племен и королевских семей. Родословные следующие:

Tacitus. Норвежские документы.

Тиви и богиня Йорд.	Тиви= Один и богиня
	Йорд.
Сын Тиви (Тиуско).	Сын Тиви Тор.
Маннус, прародитель Хальфданов, прародитель	
тевтонских племен.	королевские семьи.
+-----+ +-----+	
/	
Ингэво.	Нермио. Истэво. Ингве. Гудхормр. Хэддинг.

26.

СВЯЩЕННЫЕ РУНЫ, КОТОРЫМ НАУЧИЛСЯ У ХЕЙМДАЛЯ.

Мифическую древнюю историю человечества и германцев можно, в соответствии с приведенным выше анализом, разделить на следующие эпохи: (1) От сотворения мира Аском и Эрнблой до прибытия Хеймдаля; (2) от прибытия Хеймдаля до его ухода; (3) эпоха Скульда-Боргара; (4) время Хальфдана; (5) Время сыновей Хальфдана.

А теперь мы обсудим события последних трех эпох.

Во времена Боргара моральное состояние людей ухудшается, и в природе происходит событие, угрожающее разрушением по крайней мере северной части тевтонского мира. Миф объясняет причины обоих этих явлений.

Моральная деградация имеет свою причину, если не полностью, то по большей части, в деятельности среди мужчин женского существа из мира гигантов. Через нее мужчины знакомятся с черным искусством, злым искусством колдовства, которое противоположно мудрости, почерпнутой из священного источника Мимера, знанию рун и знакомству с применением тайных сил природы в благих целях (см. № 34, 35).

Священное знание рун, "песни фимбул", белое искусство, согласно мифу, изначально принадлежало Мимеру. Тем не менее, он не получил его сам, но получил из подземного источника, который он охранял под средним корнем мирового дерева (см. № 63) — источника, жилы которого вместе с глубочайшим корнем мирового дерева простираются на глубину, которую не может охватить даже мысль Одина (Navam., 138). Благодаря самопожертвованию в юности Один получил от брата Бестлы (Мимера; см. № 88) напиток из драгоценного напитка

этого источника и девять песен-фимбул (Havam., 140; ср. Sigrdr., 14), которые были основой божественной магии применения силы слова и руны над духовными и природными силами, в молитвах, жертвоприношениях и других религиозных действиях, в исследованиях, в практических делах жизни, в мире и на войне (Havam., 144 и далее; Sigrdr., 6 и далее). Характер и цель этих песен ясны из того факта, что во главе стоит "песня помощи фимбул", которая способна развеять печаль и излечить болезни (Хавам., 146).

В руках Одина они являются средством защиты силы богов-Асов и позволяют им помогать своим почитателям в опасности и бедствии. К ним относится песнь фимбула о *рунах победы*; и немаловажно, что в Havamál, 156, мы находим то, что Тацит рассказывает о *бардите* германцев, песне щитов, с которой они шли навстречу своим врагам, - песне, которую слышал сам Аммиан Павел и которую он дает яркое описание. Когда тевтонские войска выступили на битву, воины подняли свои щиты на уровень верхней губы, так что круглая сторона щита образовала своего рода деку для их песни. Песня начиналась тихим голосом и сохраняла свою приглушенную окраску, но звук постепенно нарастал и на расстоянии напоминал рев морских волн. Тацит говорит, что германцы предсказывали исход битвы по впечатлению, которое производила на них песня в целом: она могла звучать в их ушах таким образом, что они тем самым становились еще страшнее для своих врагов, или таким образом, что их охватывало отчаяние. Вышеупомянутая строфа Хавамала дает нам объяснение этому: воины обрели уверенность, если в гармонии приглушенной песни, становившейся все громче, им показалось, что голос Вальфатера сливается с их собственным. Эта строфа заставляет Одина сказать: *Эф эк скал тил орросту лейта лангвини, ундир рандир эк гель, эн их мет рика фара хайлир хильдар тил, хайлир хильди фра*— "Если мне суждено повести на битву тех, с кем я давно дружу, тогда я пою под их щитами. С успехом они вступают в конфликт и успешно выходят из него". Волюспа также ссылается на песню о щите в 47-й главе, где великан-гроза, *Хримр*, выступающий против богов, "поднимает свой щит перед ним" (*хефиз линд фир*), выражение, которое, безусловно, имеет иное значение, чем излишнее указание на то, что у него есть щит для защиты. Руны победы были способны останавливать оружие в полете и делать тех, кого любил Один, защищенными от острия меча и от засады (Havam., 148, 150). Определенные виды рун считались приносящими победу и были вырезаны на рукояти и лезвии меча, и пока они были вырезаны, имя Тира было названо дважды (Sigrdr., 6).

Другой класс рун (*brimrúnar*, Sigrdr., 10; Havam., 150) контролировал стихии, очищал воздух от злых существ (Havam., 155), давал власть над ветром и волнами для благих целей — как, например, при спасении терпящих бедствие моряков — или власть над пламенем, когда оно угрожало разрушить человеческие жилища (Havam., 152). Третий вид рун (*малрунар*) давал речь немым и безмолвствующим, даже тем, чьи уста были запечатаны смертью (см. № 70). Четвертый вид рун мог освобождать конечности от уз (Havam., 149). Пятый вид рун защищал от колдовства (Havam., 151). Шестой вид рун (*ölrúnar*) отнимает силу у любовного зелья, приготовленного чужой женой, и у всякого замешанного в нем предательства (Sigrdr., 7, 8). Седьмой вид (*бьяргрунар* и *лимрунар*) помогает при родах и заживляет раны. Восьмой вид дает мудрость и знание (*хугрунар*, Sigrdr., 13; ср. Havam., 159). Девятый вид гасит вражду и ненависть и порождает дружбу и любовь (Хавам., 153, 161). Огромной ценностью и великой честью для королей и вождей было обладание целебными рунами и целебными руками; и то, что некоторые семьи благородного происхождения унаследовали силу этих рун, было верованием, которое дошло даже до нашего времени. Существует отчетливое представление о том, что руны такого рода были даром беспечных богов. В строфе, которая звучит так, как будто она взята из

древнего гимна, боги просят руны мудрости и исцеления: "Слава богам! Слава богиням! Приветствую щедрую Землю (богиню Йорд). Дай нам Слова и мудрость и исцеляющие руки, пока мы живы!" (Сигрдр., 4).

В древние времена были приняты меры для распространения знаний о добрых рунах среди всех видов существ. Один научил им свой собственный клан; Даинн научил им эльфов; Двалинн - карликов; Асвинр (см. № 88) - великанов (Havam., 143). Даже названные последними стали участниками благого дара, который, смешанный со священным медом, был разослан повсюду, и с тех пор он был среди асов, среди эльфов, среди мудрых ванов и среди детей человеческих (Sigrdr., 18). Вышеназванный Двалинн, обучивший рунам свой клан древних художников, является отцом дочерей, которые вместе с дисес по рождению Аса и Вана находятся во владении *бьяргрунара* и используют их на службе человеку (фафнизм., 13).

К людям благотворные руны пришли через того же бога, который ребенком пришел со снопом зерна и инструментами в Скандию. Отсюда распространенное среди франков и саксов убеждение, что тевтонский алфавит, как и сами тевтоны, был северного происхождения. Ригстула недвусмысленно представляет Хеймдаля как обучающего рунам людей, которых он благословил своим прибытием в Мидгард. Его учениками в области рунических знаний являются, в частности, благородного происхождения. О внуке Хеймдаля, сыне ярла Боргара по имени Кон-Хальфдан, говорится:

En Konr ungr
кунни рунар,
финрунар
ок, весь рунар.
Meir kunni hann
monnum bjarga,
eggjar deyfa,
ægi legia,
klok nam fugla,
kyrra ellda,
sæva ok svefia,
sorgir lægia.

Но Кон юный
сам выучил руны,
руны вечности
и руны земной жизни.
Затем он научился
спасать людей,
глушить лезвие меча,
успокаивать море,
толковать пение птиц,
тушить пожары,
успокаивать и утешать,
утолять печали.

Фундаментальный характер этого рунического знания отчетливо несет на себе печать благородства. Руны вечности, соединенные с рунами земной жизни, едва ли могут иметь какое-то иное отношение, кроме как к языческим доктринам, касающимся религии и морали. Считалось, что они существуют на все времена и имеют равное значение для загробной жизни. Вместе с физическими рунами, обладающими магической силой, то есть рунами, которые давали их обладателям власть над враждебными силами природы, мы находим руны, предназначенные служить делу сочувствия и милосердия.

27.

МАГИЯ, ОБРАТНАЯ СТОРОНА СВЯЩЕННЫХ РУН. ГУЛЛЬВЕЙГ-ХЕЙДР, ИСТОЧНИК МАГИИ.
МОРАЛЬНОЕ РАЗЛОЖЕНИЕ ИЗНАЧАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА.

Но уже в начале времен появляются злые силы с целью противостоять благому влиянию мира богов на человечество и разрушить его. Подобно тому, как Хеймдаль, "быстрый путешественник", переходит от дома к дому, формируя новые связи в обществе и давая наставления в том, что хорошо и полезно, так и мы вскоре обнаруживаем посланца зла, бродящего между домами Мидгарда, практикующего черное искусство и разжигающего худшие страсти человеческой души. Посланник исходит от сил мороза, врагов творения. Это великанша, дочь великана *Хримнира* (Хиндлуль., 32), известная среди богов как Гульвейг и под другими именами (см. № 34, 35), но в своих скитаниях по земле называвшаяся *Хейдр*. "И они называли ее (Гульвейг), когда она пришла к детям человеческим, хитрой, пророчествующей валой, которая практиковала колдовство (*витти ганда*), практиковала злое искусство, вызывавшее колдовством несчастья, болезни и смерть (*лейкин*, см. № 67), и ее всегда искали плохие женщины". Так описывает ее Вельуспа. Важное положение, которое Хейд занимает в отношении развращенности древнего человека, и последствия ее появления для богов, человека и природы (см. Ниже) побудили автора "Велуспы", несмотря на его общую скудость слов, описать ее с определенной полнотой, указав, среди прочего, что она была причиной первой войны в мире. То, что время ее появления было при жизни Боргара и его сына, будет продемонстрировано ниже.

В связи с этим моральным разложением, вызванным теми же силами, враждебными миру, в эту эпоху в природе происходят такие беспорядки, что первоначальному дому человека и культуры — более того, всему Мидгарду — угрожает разрушение из-за долгих, ужасных зим. Об этом повествует ряд взаимосвязанных мифов. Древние художники — силы, действующие в развитии природы, — олицетворения того же рода, что и Рибху из Ригведы, которые прежде работали в гармонии с богами, становятся под влиянием Локи врагами Асгарда, их работа становится столь же вредной, сколь раньше была благотворной, и стремятся разрушить то, что создал Один (см. № № 111 и 112). Идун с ее яблоками, восстанавливающими жизнь, Тьясс уносит из Асгарда в самую северную пустыню мира и прячет там. Фрейя, богиня плодородия, ограблена и попадает во власть великанов. Фрей, бог урожая, заболевает. Король великанов Сноу и его родственники *Торри* (Черный Иней), *Екулль* (Ледник) и другие простирают свои скипетры над Скандией.

Уже во время правления Хеймдаля, после того, как его протеже Боргар вырос, происходит нечто, предвещающее эти ужасные времена, но все еще имеющее счастливый исход.

28A.

ХЕЙМДАЛЬ И СОЛНЦЕ-ДИС (богиня Дис).

Во времена Саксона все еще существовал миф, повествующий о том, как Хеймдаль, правитель самого раннего поколения, нашел себе жену. Этот миф описан как история в *Historia Danica*, стр. 335-337. Преобразованная в рыцарскую песнь в стиле средневековья, мы находим ее на немецкой земле в поэме о короле Рутере.

Саксон рассказывает, что некий король Альф предпринял опасное путешествие ухаживания, и его сопровождал Боргар. Альф более благородный из них двоих; Боргар сопровождает его. Это уже указывает на тот факт, что мифической фигурой, которую Саксон превратил в исторического короля, должен быть Хеймдаль, соотец Боргара, его правитель и воспитатель,

иначе сам Боргар был бы главным человеком в своей стране и не мог бы рассматриваться как подчиненный кому-либо еще. Отождествление Альфа с Хеймдалем подтверждается "королем Рутером", а в некоторой степени также описанием его внешности, сделанным Саксоном, описанием, основанным на определенном мифическом прототипе. Альф, по словам Саксо, имел прекрасную внешность, и, хотя он был молод, по его волосам разливался такой удивительно белый блеск, что, казалось, лучи света исходили от его серебристых локонов (*cujus etiam insigne candore cæsariem tantus comæ decor asperierat, ut argenteo crine nitere putaretur*). Хеймдаль из мифа - бог света, и в древнескандинавской литературе он описывается цветом, которым окрашивают чистое серебро, чтобы отличить его от легированного; его зовут *хвими асс* (Гильфаг., 27) и *хвитастр асса* (Тримсквида, 5); его зубы сверкают как золото, как и у его лошади. Мы должны ожидать, что девушка, которой Альф, если он Хеймдаль, желает обладать, принадлежит, как и он сам, к божествам света. Саксон также говорит, что ее красота могла ослепить, если бы ее увидели без вуали, а ее имя Альфхильд принадлежит, как и Альфсоль, Хильд, Альфхильд Солгландс, Сванхильд Гульфьедер, к тому классу имен, под которыми солнечные лучи, мать и дочь, были перенесены из мифологии в историю. За ней наблюдают два дракона. Женихам, которые тщетно приближаются к ней, отрубают головы и насаживают на шесты (так же и в "Короле Рутере"). Альф побеждает охраняющих драконов; но по совету своей матери Альфхильд обращается в бегство, надевает мужскую одежду и доспехи и становится женщиной-воином, сражающейся во главе других амазонок. Альф и Боргар ищут и находят отряд амазонок среди льда и снега. Он побежден и улетает в "Финнию", Альф и Боргар преследуют их там. Возникает новый конфликт. Боргар срывает шлем с головы Альфхильд. Она должна признать себя побежденной и становится женой Альфа.

При интерпретации мифического содержания этой истории мы должны помнить, что юноша, пришедший со снопом зерна в Скандию, нуждался в помощи солнца, чтобы семя, которое он принес с собой, проросло, прежде чем оно смогло дать жителям урожай. Но сага также указывает на то, что солнце-дис прикрылась вуалью и сделала себя, насколько это было возможно, неприступной, и что, когда Хеймдаль навязался ей, она бежала в северные, покрытые льдами области, где бог и его приемный сын с мечом в руке должны были забрать ее, после чего счастливый брак между ним и солнцем-дис обеспечил хорошую погоду и богатые урожаи на земле, которой он правит. На первый взгляд может показаться, что этот миф не оставил никаких следов в наших исландских записях. Однако это не так. Его фундаментальную идею о том, что солнце когда-то, в древнейшие века, сбилось с пути из южных областей на крайний север и желало там остаться, но что оно было возвращено мощью богов, сотворивших мир, и через них получило, так же как День и Ночь, свой определенный и регулярно устанавливаемый курс, мы находим в строфе "Велуспа", с такой проницательностью исследованной Юлиусом Хоффори, в которой говорится о замешательстве такого рода со стороны солнца, произошедшем до того, как оно еще "познало свою надлежащую сферу", и в стихотворении "Солнце". следующая строфа, повествующая о том, как всесвятые боги после этого провели торжественный совет и таким образом определили деятельность этих существ, показывает, что время может быть разделено и годы записаны по их течению. Не забыт и брак, в который вступили вс-дис. Скальдскапармал цитирует строфу из Скуле Торстейнсон, где Сол[12] называется женой Гленра. То, что тот, кого скальд характеризует этим эпитетом, является богом, само собой разумеется. *Гленр* означает "сияющий", и этот эпитет был выбран неудачно

если бы это не относилось к "самому блестящему из асов", *хвитастра асасу*, то есть Хеймдалю.

Основные черты "Короля Рутера" напоминают историю Саксона. Там тоже король предпринимает опасное путешествие ухаживания и должен сразиться в нескольких битвах, чтобы завоевать чудесную прекрасную девушку, чьи предыдущие женихи были вынуждены заплатить за свое рвение тем, что им отрубили головы и насадили на шесты. Короля сопровождает Бертер, идентичный Берхтунг-Боргару, но здесь, как всегда в немецкой истории, описанный как патриарх и советник. Великан Видольт — Витольф Саксоновский, *ВидольфХиндлульода* — сопровождает Рутера и Бертера в путешествии; и когда Витольф в "Саксонове" упоминается при обстоятельствах, которые показывают, что он сопровождал Боргара в военном походе и после этого спас жизнь его сыну Хальфдану, нет места для сомнений в том, что сага о Саксонове и "Король Рутер" изначально происходили из одного мифического источника. Можно также продемонстрировать, что само имя Рутер является одним из тех эпитетов, которые принадлежат Хеймдалю. Норвежское *Hrútr*, согласно Младшей Эдде (i. 588, 589), является синонимом *Хеймдали*, а *Хеймдали* - другая форма *Хеймдалля* (Исл., i. 231). Поскольку *Хрутр* означает барана, а *Хеймдали* - эпитет барана (см. Младшую Эдду, i. 589), проливается свет на смелые метафоры, согласно которым "голова", "голова Хеймдаля" и "меч Хеймдаля" являются синонимами (Младшая Эдда, i. 100, 264; ii. 499). Голова барана несет в себе меч барана и является им. О возрасте этого животного-символа мы рассказываем в № 82. Есть основания полагать, что шлем Хеймдаля был задуман как украшенный бараньими рогами.^[13] В строфе, цитируемой в Младшей Эдде (i. 608), упоминается шлем Хеймдаля и меч называется *филлом* шлема Хеймдаля, двусмысленное выражение, которое может быть истолковано как то, что заполняет шлем Хеймдаля; то есть голова Хеймдаля, но также и как то, что занимает свое место на шлеме. Сравните выражение *филлр хилмис столс* как метафору власти правителя.

28В.

ЛОКЕ ВЫЗЫВАЕТ ВРАЖДУ МЕЖДУ БОГАМИ И ИЗНАЧАЛЬНЫМИ ХУДОЖНИКАМИ (СОЗДАТЕЛЯМИ ВСЕГО РАСТУЩЕГО). СЛЕДСТВИЕМ ЭТОГО ЯВЛЯЕТСЯ ФИМБУЛ-ЗИМА И ЭМИГРАЦИИ.

Опасность, предотвращенная Хеймдалем, когда он связал сан-дис узами любви, начинается во времена Боргара. Разложение природы и человека идет рука об руку. Боргару приходится бороться с разбойниками (*pugiles* и *piratæ*), и среди них прототип пиратов — тот ужасный персонаж, которого помнят также в исландской поэзии, по имени *Роди* (Саксон, *История.*, 23, 345). Умеренные законы, данные Хеймдалем, Боргар должен был сделать более суровыми (*История.*, 24, 25).

В то время как моральное состояние в Мидгарде ухудшается, Локи осуществляет в Асгарде хитро задуманный план, который, кажется, идет на пользу богам, но на самом деле

намеревался привести к гибели как богов, так и людей. Его цель - вызвать вражду между самими оригинальными художниками и между ними и богами.

Среди этих художников сыновья Ивальде составляют отдельную группу. Первоначально они поддерживали наилучшие отношения с богами и отдавали им лучшие произведения своего чудесного искусства для украшения и использования. Копье Одина *Гунгнир*, золотые локоны на

голове Сив и знаменитый корабль Фрея Скидбладнер, который мог вместить всех воинов Асгарда и всегда дул попутный ветер, но который также можно было сложить в виде салфетки и носить в кармане (Гильфагининг), - все это было создано в мастерской этих художников.

Ивальда синир
генгу и ардага
Скидбладни в скапе,
скипа бецт,
скиром Фрей,
нитом Ньярдар бур.

Сыновья Ивальда
отправились в древние времена
, чтобы построить Скидбладнер,
лучший среди кораблей,
для сияющего Фрея,
полезного сына Ньерда.

(Гримнисмал.)

Другой группой оригинальных художников были Синдре и его родственники, которые жили на равнинах Ниды в счастливом царстве нижнего мира (Völusp., № 93, 94). Согласно рассказу, приведенному в Гильфагининге, гл. 37, Локи встречает Брока, брата Синдре, и ставит свою голову на то, что Синдре не сможет изготовить сокровища, такие же хорошие, как вышеназванные подарки сыновей Ивальде Асам. Затем Синдре изготовил в своей кузнице золотого кабана для Фрея, кольцо Драупнер для Одина, из которого каждую девятую ночь выпадают восемь золотых колец одинакового веса, и несравненный молот Мьельнер для Тора. Когда с сокровищами было покончено, Локе хитростью собрал богов, чтобы решить, лишился ли он своей головы. Боги, конечно, не могут решить это, не вынеся в то же время суждения о дарах Синдре и сыновей Ивальде и не показав, что одна группа художников уступает другой. И это сделано. Предпочтение отдается сокровищам Синдре, и, таким образом, сыновья Ивальде объявляются низшими по сравнению с ними. Но в то же время Синдре по решению богов не удается согласовать приз. Обе группы художников оскорблены этим решением.

Гильфагининг не сообщает нам, приняли ли сыновья Ивальде это решение с удовлетворением или гневом, последовали ли за этим какие-либо заслуживающие внимания последствия или нет. Совершенно аналогичное суждение упоминается в Ригведе (см. № 111). Суд там имеет самые важные последствия: ненависть к художникам, которые одержали победу, и к богам, которые были судьями, овладевает древним художником, который потерпел поражение, и природа подвергается великим страданиям. То, что в тевтонской мифологии описаны аналогичные результаты принятия решения, должно быть продемонстрировано в этой работе.

Так же, как в именах *Альвейг* и *Альмвейг*, *Билрест* и *Бифрест*, *Аринбьерн* и *Грьотбьерн*, так и в имени *Ивальди* или *Ивалдр* последняя часть слова образует постоянную часть, соответствующую староанглийскому *Valdere*, немецкому *Walther*, латинизированному *Waltharius*.^[14]

Первая часть слова может изменяться без каких-либо изменений в отношении указанного лица: *Ивальди*, *Альвальди*, *Эльвальди*, *Аудвальди* могут быть именами одного и того же человека. Из этих вариаций *Ивальди* и *Алльвальди* по своему смыслу наиболее тесно связаны, поскольку префикс (*Id*) *uAll*, может меняться местами в языке без малейшего изменения

значения. Сравните *все-ликр, иликр и идгликр; все-литилл и илитилл; все-ног, игног и идгног*. С другой стороны, приставки в *Эльвальди* и *Аудвальди* дают разные значения сложного слова. Но записи дают наиболее убедительные доказательства того, что *Эльвальди* и *Аудвальди*, тем не менее, являются одним и тем же лицом, что и *Альвальди* (Ивальди). Отец Тьяссе назван в Харбардслиоде (19) *Альвальди*; в Младшей Эдде (i. 214) *Эльвальди* и *Аудвальди*. У него есть три сына, Иде, Ган, которого также зовут Урнер (Гротте-песня), и просто Тьясс, которые являются знаменитыми древними художниками, "сыновьями Ивальде" (*Ивальда синир*). Мы здесь указываем на это мимоходом. Полное утверждение и доказательство этого факта, столь важного с мифологической точки зрения, будет приведено в № 113, 114, 115.

И вскоре становится очевидными, каковы последствия решения, вынесенного асами по совету Локи относительно сокровищ, преподнесенных богам. Сыновья Ивальда считали это смертельным оскорблением, порожденным неблагодарностью богов. Локе, инициатор плана, попадает в ловушки, расставленные Тьяссом, способом, полностью описанным в поэме Тьодольфа "Хаустлаунг", и, чтобы вернуть себе свободу, он обязан помочь ему (Тьяссу) увести Идун из Асгарда.

ГИГАНТСКИЙ

ТЯСС В ОБЛИЧЬЕ ОРЛА УНОСИТ ЛОКЕ.

(С офорта Лоренца Фрелиха.)

Тьясс был известен как гигант-гроза, который, родившись уродом, всегда искал золотые яблоки у Идун, чтобы вылечить свое уродство. Однажды, приняв облик орла, он прервал пир Одина, Хонера и Лока, и когда последний попытался ударить прожорливую птицу колом, оказался привязанным и к колу, и к орлу

и был унесен, вопя о пощаде. Тьясс пообещал освободить Локе, если тот принесет ему Идун и ее золотые яблоки. Локе, выполняя свое обещание, выманил Идун из Асгарда, после чего Тьяссе в образе орла схватил богиню в когти и унес ее в свой замок Тримхейм. Вскоре после этого он был убит богами, и Идун была освобождена.

Идун, которая владеет "средством Аса от старости" и хранит яблоки, символизирующие постоянно обновляющуюся силу природы, уносится Тьяссом в часть мира, недоступную богам. Боги стареют, и зима все больше и больше расширяет свою власть за пределы, предписанные ей творением. Тьясс, который раньше был другом богов, теперь является их непримиримым врагом. Тот, кто был стимулятором роста и благодетелем природы — поскольку золотые локоны Сиф и Скидбладнер, принадлежащие богу плодородия, несомненно, являются их символами, — превратился в "самого могущественного врага земли", *долг балластана валлара* (Haustl., 6), и полностью принял природу гиганта.

В то же время, с приближением великой зимы, происходит страшное землетрясение, последствия которого ощущаются даже на небесах. Миф, связанный с этим, объясняется в № 81. В этом объяснении читатель обнаружит, что великое землетрясение в первобытные времена было вызвано родственницами Тьяссе по материнской линии (Гротте-сонг), то есть великаншами Феней и Меней, которые вращали огромную мировую мельницу, построенную на фундаменте нижнего мира и работающую в морских глубинах, прототип мельницы из Гротте—сонг, сочиненной в христианские времена; что мировая мельница имеет *möndull*, мельничную ручку, которая обметает край воды. земля, с помощью ручки которой вращается не только жернов, но и звездное небо; и что, когда разгневанные великанши привели жернов в такое сильное движение, что он вышел из строя, тогда и звездные созвездия были потревожены. Древняя ужасная зима и наклон небесной оси были связаны в мифе, и это опять-таки связано с завершением золотого века. До сих пор мельница молола золото, приносящее счастье, мир и доброжелательность среди людей; отныне она перемалывает соль и пыль.

Зима, конечно, в первую очередь должна затронуть тех людей, которые населяли обширную Свитиод к северу от первоначальной страны и которыми правил другой родственник Хеймдала, первый из расы скилфингов, или инглингов. Этот родственник Хеймдала играет важную роль в мифологии, и о нем мы расскажем в № 89, 91, 110, 113-115 и 123. Там выясняется, что он такой же, как Ивальд, который вместе с великаншей зачал незаконнорожденных детей Идэ, Урнера и Тьяссе. Еще до появления своих сыновей он стал врагом богов, и теперь из Свитиода, в связи с распространением зимы фимбул, происходит миграция на юг, где одновременно работают скилфинги и первобытные художники. Список гномов в Вельуспе сохранил запись об этом в строфе о переселении художников со скал зала (*Салар стейнар*) и из кургана Сварина, расположенного на севере (строфа Вельуспы, цитируемая в Младшей Эдде; ср. Саксон., *Hist.*, 32, 33 и *Helg. Сост.*, i. 31, ii. до стр. 14). Атака направлена против *аурванга съот*, страны глинистых равнин, и нападающие не останавливаются, пока не достигнут *Йоруваллы* на равнинах Хара, название которых до сих пор применяется к южному побережью Скандинавии (см. № 32). В родословной этих эмигрантов—

их эр сотту
фра Салар стейна (или Сваринс хауги)
аурванга съот
до Йоруваллы—

встречаются имена *Альф* и *Ингви*, у которых имена скилфингов; *Фьяларр*, который является союзником Ивальда и врагом Одина (см. № 89); *Финн*, одно из нескольких имен самого Ивальда (см. № 123); *Фрости*, символизирующий холод; *Скирфир*, имя, указывающее на Скилфингов; и *Вирфир*, которого Саксон называл Скилфингами. (*Hist. Dan.*, 178, 179) упоминается как *Huyrvillus*, а исландские записи - как *Virvill* и *Vifill* (*Fornalders*. ii. 8; Младшая Эдда, i. 548). В *Форнальдерсе*. Вифилл — лидер эмиграции, который женился на дочери Логэ *Эймире* (метафора огня - Младшая Эдда, ii. 570), прибывает с крайнего Севера и завладевает островом на побережье Швеции. То, что этот остров - Оланд, ясно из Саксона, 178, где *Huyrvillus* называется *Holandiae princeps*. В то же время шуриин Вирфира овладевает Борнхольмом, а Готланд колонизирует Тельвар (*Тьяльфи* из мифа), который является сыном брата Тьяссе (см. № № 113, 114, 115). *Вирфир* состоит в союзе с сыновьями *Финна* (*Финн*—Саксон, *История.*, 178). Сага об эмиграции лонгобардцев также связана с мифом о Тьяссе и его родственниках (см. № 112-115).

Из всего этого следует, что серия историй об эмиграции и колонизации берет свое начало в мифе о зиме фимбул, вызванной Тьяссом, и о связанном с этим нападении скилфингов и родственников Тьяссе на Южную Скандинавию, то есть на глинистые равнины близ Джаравалла, где правил второй сын Хеймдаля, С্কьольд-Боргар. Именно воспоминание об этом переселении с севера на юг лежит в основе всех тевтонских средневековых миграционных саг. Сага о переселении готов, как слышал Иордан, заставляет их эмигрировать из Скандинавии под предводительством Берига. (*Ex hac igitur Scandza insula quasi officina gentium aut certe velut vagina nationum cum rege suo Berig Gothi quondam memorantur egressi—De Goth. Orig.*, c. 4. *Meminisse debes, me de Scandzæ insulæ gremio Gothos dixisse egressos cum Berich suo rege—*c. 17.) Имя Бериг, также пишущееся *Berich* и *Berigo*, совпадает с немецким *Berker*, *Berchtung*, и указывает на того же человека, что и норвежское *Borgarr*. С Беригом связана раса амалийцев; с Боргаром связана память о Хамале (Амале), который является молочным братом сына Боргара (ср. № 28 с Хельге Хундом, ii.). Таким образом, эмиграция готов в мифе является результатом судьбы, постигшей Боргара и его народ в их первоначальной стране. И поскольку шведы составляли самую северную ветвь тевтонского ордена, именно они с приближением зимы фимбул были первыми, кто был вынужден сдать свои жилища и занять более южные территории. Это также явствует из сохранившихся фрагментов саги; и здесь, но не в самих обстоятельствах, кроется объяснение утверждений, согласно которым шведы вынудили скандинавские племена, жившие дальше на юг, эмигрировать. Иорданес (с. 3) утверждает, что херулийцы были изгнаны свитидийцами из их жилища в Скандзе и что датчане имеют свитидийское происхождение — другими словами, что древнее тевтонское население Дании было вытеснено на юг, и что Дания была повторно заселена эмигрантами из Швеции. И в самих скандинавских сагах центр тяжести, как мы видели, постоянно перемещается все дальше на юг. Хеймдаль, под названием Скеф-Скелфир, относится к исконным жителям Скании. Боргар, его сын, становится там правителем, но основывает под именем С্কьольд королевскую династию С্কьольдунгов в Дании. Со Скефом и С্কьольдом, в свою очередь, связана уэссекская королевская семья саксонского происхождения, и, таким образом, королевская династия готов

снова связана со Скульдом, который эмигрировал из Скандзы и который идентичен Боргару. И, наконец, во времена Саксона существовали мифические предания или песни, в которых рассказывалось, что вся нынешняя Германия попала под власть тевтонов, эмигрировавших вместе с Боргаром; что, другими словами, эмиграция с Севера несла с собой гегемонию тевтонских племен над другими племенами, которые до них населяли Германию. Саксон говорит о Скульде-Боргаре, что *omnem Alamannorum gentem tributaria ditione perdomuit*; то есть "он сделал всю расу аламаннов данниками". Название Аламанни в данном случае следует понимать не в этнографическом, а в географическом смысле. Это означает людей, которые были правителями Германии до иммиграции тевтонов с Севера.

Из этого мы видим, что традиции миграции, которые помнят германцы под небом Италии и Исландии, на островах Великобритании и на германском континенте, несмотря на их широкое распространение и разделение во времени, указывают на единый корень: на миф о первобытных художниках и их конфликте с богами; на ограбление Идун и фимбул-зиму, которая была результатом.

Миф заставляет самих богов быть охваченными ужасом перед судьбой мира, и Мимер принимает меры, чтобы спасти все лучшее и чистое на земле для ожидаемого возрождения мира. В самом начале зимы фимбул Мимер открывает в своей подземной роще бессмертия убежище, закрытое от всего физического и духовного зла, для двух детей человеческих, Лифа и Лифтрасира (Vafthr., 45), которым суждено стать родителями новой расы людей (см. № 52, 53).

Война, начатая во времена Боргара за обладание древней страной, продолжается при его сыне Хальфдане, который на время отвоевывает ее, вторгается в Свитиод и отталкивает Тьяссе и его сородичей (см. № 32, 33).

29.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ТОГО, ЧТО ХАЛЬФДАН ИДЕНТИЧЕН ХЕЛЬГЕ ХУНДИНГСБЕЙН.

Основные очертания саги о Хальфдане, связанные с историей и более или менее смешанные с иностранными элементами, вновь появляются в рассказах Саксона о королях Граме, Хальфдане Бергграме и Хальфдане Боргарсоне (см. № 23). Вклад в сагу можно найти в Хиндлулиоде (стр. 14, 15, 16) и в Скальдскапармале (Младшая Эдда, i. 516 и далее), в том, что они рассказывают о Хальфдане Скульдунге и Хальфдане Старом. Юношеские приключения героя, с некоторыми изменениями, послужили материалом для обеих "Песен о Хельге Хундингсбейне", с которыми следует сравнить "Историю Хельго Хундингициды" Саксо (*Hist.*, 80-110) и "Историю Хельге Сигмундсона" Вельсунгасаги. Гротте-сонг также (стр. 22) отождествляет Хельге Хундингсбейн с Хафданом.

Для истории происхождения существующих героических поэм из мифических источников, их связи с ними и друг с другом важно установить первоначальную идентичность мифа о герое, касающегося Хальфдана, и героических поэм, касающихся Хельге Хундингсбейн, на прочном фундаменте. Следующих параллелей достаточно, чтобы показать, что этот Хельге является воспроизведением мифического Хальфдана более позднего времени:

Хальфдан-Грам, отправленный в

Хельге Хундингсбейн, отправленная

воинственную экспедицию, встречает Гроа, которая сидит верхом на лошади в сопровождении других женщин на лошадях (Саксон, 26, 27).

Встреча происходит в лесу (Саксо, 26).

Хальфдан-Грамм по случаю полностью завернут в шкуру дикого зверя, так, что даже его лицо скрыто (Саксон, 26).

Между Хальфдан-Грамом и Гроа начинается разговор. Хафдан притворяется человеком, который является его братом по оружию (Саксон, 27).

Гроа спрашивает Хальфдан-Грамма: Что, рого, веструм дирижирует агменом, дуче сигнала беллика фертис? (Саксо, 27.)

Хальфдан-Грам приглашает Гроа составить ему компанию. Сначала приглашение отклоняется (Саксо, 27).

Отец Гроа уже отдал ее руку другому (Саксон, 26).

Хафдан-Грам объясняет,

в военную экспедицию, встречает Сигрун, которая сидит верхом на лошади в сопровождении других женщин верхом на лошадях (Хельге Хунд, i. 16; Вельсунгасага, с. 9).

Встреча происходит в лесу (Тома, с. 9).

По этому случаю Хельге переодет. Он говорит на фраульфиди "в волчьем обличье" (Helge Hund., i. 16), что выражение находит свое толкование у Саксона, где Хальфдан появляется завернутым в шкуру дикого зверя.

Между Хельге и Сигрун завязывается разговор. Хельге притворяется человеком, который является его молочным братом (Helge Hund., ii. 6).

Сигрун спрашивает Хельге: Хверир лата флайота флей вид бака, хвар хермегир хейма эйгуд? (Хельге Хунд., ii. 5.)

Хельге приглашает Сигрун составить ему компанию. Сначала приглашение отвергается (Helge Hund., i. 16, 17).

Отец Сигрун уже обещал ее другому (Helge Hund., i. 18).

Хельге объясняет, что этот

что этот соперник не должен
вызывать у них страх (Саксо, 28).

Хальфдан-Грам объявляет войну
отцу Гроа, его сопернику
и родственникам последнего
(Сахо, 32).

Хальфдан-Грам убивает
отца и нареченного Гроа, а также
многих героев, которые принадлежали к
кругу его родственников или были
ему подчинены (Саксон, 32).

Хальфдан-Грам женится на Гроа
(Саксон, 33).

Хальфдан-Грам завоевывает
королевский Ринг (Саксо, 32).

Сын Боргара победил
и убил короля Хундинга
(Саксон, 362; ср. Саксон, 337).

Хальфдан-Грам уничтожил
Сварина и многих его братьев.
Сварин был вице-королем при
отце Гроа (Саксо, 32 года).

Хальфдан-Грам убит
Свипдагом, который вооружен
оружием Асгарда (Саксон, 34,
для сравнения с другими
источниками. См. № 33, 98, 101,
103).

Отец Хальфдана-Бергграма
убит своим братом Фроде,
который захватил его королевство (Сахо,
320).

Хальфдан Бергграм и его

соперник не должен вызывать у них
страха (Helge Hund., i, ii.).

Хельге объявляет войну
отцу Сигрун, его сопернику и
родственникам последнего
(Хельге Хунд., i, ii.).

Хельге убивает отца Сигрун,
женихов и многих героев,
которые были братьями или
союзниками его соперника (Хельге
Хунд., ii.).

Хельге женится на Сигрун (Helge
Hund., i. 56).

Хельге побеждает сыновей Ринга
(Helge Hund., i. 52).

Хельге убил короля Хундинга,
и, таким образом, получил
название Хундингсбейн (Helge
Hund., i. 10).

Соперник Хельге и многочисленные
братья последнего обитают
вокруг могильного холма Сварина.
Они союзники или подданные
отца Сигрун.

Хельге убит Дагом, который
вооружен
оружием Асгарда (Helge Hund., ii.).

Отец Хельге был убит
его братом Фроде, который захватил
его королевство (
сага о Рольфе Крейке).

Хельге и его брат

брат в детстве были под защитой Регно (Саксо, 320).

Хальфдан Бергграм и его брат сожгли Фроде до смерти в его доме (Сахо, 323).

Хальфдан Бергграм в юности оставил королевство своему брату и отправился на войну (Сахо, 320 и далее).

Во время отсутствия Хальфдана на Данию нападает враг, который побеждает своего брата в трех битвах и убивает его в четвертой (Саксон, 325).

Хальфдан, потомок Skefa и Skaylda, становится отцом Рольфа (поэма "Беовульф").

У Хафдана был сын от его собственной сестры Ирсы (Гротте-сонг, 22; мон Ирсу сонр вид Халф-даны хефны Фроды; са мун хеннар хейтинн верта бор ок бротир).

в детстве были под защитой Реджин (сага о Рольфе Крейке).

Хельге и его братья сожгли Фроде в его доме (сага о Рольфе Крейке).

Хельге Хундингсбейн в юности оставил королевство своему брату и отправился на войну (Саксон, 80).

Во время отсутствия Хельге Хундингсбейна на Данию нападает враг, который побеждает его брата в трех битвах и убивает его в четвертой (Саксон, 82).

Хельге Хундингсбейн стал отцом Рольфа (Саксо, 83; сравните сагу о Рольфе Крейке).

У Хельге Хундингсбейна был сын от его собственной сестры Урсы (Саксо, 82). Сыном был Рольф (сравните сагу о Рольфе Крейке).

Одного взгляда на эти параллели достаточно, чтобы устранить все сомнения в том, что герой песен о Хельге Хундингсбейне изначально является тем же мифическим персонажем, который воспет в песне или песнях, из которых Саксон собрал свои материалы о королях, Граме Скъольдсоне, Хальфдане Бергграме и Хальфдане Боргарсоне. Это древний миф о Хальфдане, сыне Скъольда-Боргара, который после введения христианства в Скандинавии разделился на две ветви, из которых одна продолжает быть сагой об этом патриархе, в то время как другая использует историю его юности и трансформирует ее в новую сагу о Хельге Хундингсбейне. Во времена Саксона и задолго до него это разделение на две ветви уже имело место. Как эта младшая ветвь, сага о Хельге Хундингсбейне, впоследствии была частично присвоена всепоглощающим Сигурдсагом и оказалась связанной с ним внешним и чисто генеалогическим образом, а частично сама по себе переняла (как у Саксона) старую датскую

местную традицию о Рольфе, незаконнорожденном сыне Хальфдана Скульдунга, и, по сути, чуждую его родословной; как она смешалась с сагой о злом Фроде и его пасынках, сагой, с которой раньше не имела никакого отношения; - все это вопросы, которые я буду обсуждать. полностью во второй части этого труда и в отдельном трактате о героических сагах. В настоящее время моя задача состоит в том, чтобы показать, какое влияние знание личности Хальфдана и Хельге Хундингсбейн оказывает на интерпретацию мифа о древности тевтонов.

30.

РОЖДЕНИЕ ХАЛЬФДАНА И КОНЕЦ ЭПОХИ МИРА. ФАМИЛИИ ИЛФИНГ, ХИЛЬДИНГ, БУДЛУНГ.

Первые строфы первой песни Хельге Хундингсбейна отличаются по тону, характеру и широкой трактовке от продолжения песни и явно принадлежат подлинной древней мифической поэме о Хальфдане, и составитель песни Хельге Хундингсбейна без особых изменений включил их в свое стихотворение. Они описывают рождение Хальфдана ("Хельге Хундингсбейн"). Настоящие мифические имена его родителей, Боргар и Дротт, были сохранены бок о бок с именами, данными составителем, - Зигмунд и Боргхильд.

Ар вар альда;
этот эр арар гулло,
хниго хайлог вотн
за ним в джоллуме;
та хафти Хельга
в хьюгом сторе
Боргхильд борит
и Бралунди.

Настало утро времени,
закричали орлы,
святые воды упали
с небесных гор.
Тогда Боргхильд
родила могучего
Хельге
в Бралунде.

Нотт варфоломей,
норнир квомо,
тер эр аутлинги
олд урн скопо;
танн бато фильчи
франция верта
из бутлунги
безтан тичча.

Наступила ночь,
пришли норны,
те, кто определил
судьбу дворянина;
они провозгласили его
лучшим среди будлунов,
и самым знаменитым
среди принцев.

Снеро там, за афли
аурлаугтхатто,
там боргарр браут
и Бралунди;
там грейддо
гуллин симо
ок и манасал
митианский фестиваль.

Изо всех сил они сплели нити
судьбы,
когда Боргарр поселился
в Бралунде;
из золота они сделали
основу паутины,
и закрепили ее прямо
под чертогами луны.

для вестра из Австрии

На востоке и западе

конец света:
тар атти лофдунгр
высадил миллион человек;
брат нера
на севере,
эйнни фести
, ты купаешься в хон халде.

Эйтт вар в ангри
Илфинга нит
с их мейо
эр нунут фэдди;
храфн гватх в храфни
—сел за хам мейти
и сказал:—
"Эй, файт ноккот!

- Стендир и бринио,
берр Сигмундар,
дагр эйнс гамалл,
ну эр дагр коминн;
хверсир аго
сем хилдингар,
са эр варга винр,
со сколомом тейтиром.

Дротт тотти са
дауглингр вера
квадо мет гумном
бог-ар коминн;
сиалфр гекк виси
или виг тримо
унгум фера
итрлаук грами.

они спрятали концы:
там, между
ними, должен править вождь;
ГИПЕРССЫЛКА[15] родственница
с севера прислала
одну нить и велела ее
хранить вечно.

Одна причина была
для беспокойства Инглинга (Боргара),
а также для нее,
которая родила любимого человека.
Голодный каркнул
ворон ворону
на высоком дереве:
"Послушай, что я знаю!

"В кольчуге
стоит сын Зигмунда, ему
один день от роду,
теперь этот день настал; у
него зоркие глаза Хильдингов
, и он становится
другом волков,
мы будем процветать".

Дротт, как говорят, увидел
в нем поденщика,[16]
сказав: "Сейчас среди людей
наступают хорошие времена года";
к молодому лорду
из громового раздора
пришел сам вождь
с великолепным цветком.

Рождение Хальфдана ("Хельге Хундингсбейн") происходит, согласно содержанию этих строф, при встрече двух эпох. Его прибытие возвещает о завершении мирной эпохи и начале эпохи раздоров, которая с тех пор царит в мире. Его значение в этом отношении отчетливо проявляется в стихотворении. Ворон, для которого поле битвы скоро будет как хорошо накрытый стол, все еще страдает от голода (*андванру*); но с высокого дерева, на котором он сидит, он на следующий день после рождения ребенка, предположительно через окно, увидел вновь прибывшего и обнаружил, что он обладает "острыми глазами Хилдингов", и с помощью пророческого видения он уже видел его одетым в кольчугу. Он сообщает о своем открытии другому ворону на том же дереве и предсказывает, что наступила их эра и эпоха волков: "Мы будем процветать".

Родители ребенка услышали и поняли, что

- сказал ворон. Среди рун, которым научил его Хеймдаль, отец Боргара, и которым со временем научился сын последнего, есть знание птичьей речи (*Konr ungr klök nam fugla*—Ригстула, 43, 44). Появление ворона в "песне о Хельге Хундингсбейне" можно сравнить с его родственником вороном из "Ригстулы"; один предсказывает, что жизненный путь новорожденного лежит через поля сражений, другой призывает взрослого мужчину отвернуться от своих мирных забав. Важным для правильного понимания песни и характерным для первоначального отношения процитированных строк к мифу о первобытных временах является то обстоятельство, что родители Хальфдана ("Хельге Хундингсбейн") не довольны пророчествами ворона; напротив, они полны тревоги. Бывшие переводчики были удивлены этим. Им казалось, что пророчество о будущей героической и окровавленной карьере мальчика должно было, в гармонии с общим духом, пронизывающим древнескандинавскую литературу, пробудить радость и гордость родителей. Но это объясняется мифической связью, которая делает жизнь Боргаров переходным периодом отсчастливого и мирного золотого века к эпохе войн. При всей их любви к раздорам и восхищению воинственными подвигами, германцы все же оставались людьми и разделяли со всеми остальными народами мнение, что мир и гармония - это нечто лучшее и более желанное, чем война и кровопролитие. Подобно своим арийским сородичам, они мечтали о первобытной *царствующей Сатурнии* с нетерпением ожидали возрождения, которое должно восстановить царство мира. Боргар, согласно мифу, основал общину, был законодателем и судьей. Он был героем мирных подвигов, который не любил применять оружие, кроме как против диких зверей и разбойников. Но миф также наделил его мужеством и силой, необходимыми качествами для того, чтобы вызывать уважение и интерес, и предоставил ему широкие возможности для проявления этих качеств в продвижении культуры и поддержании святости закона. Боргар был Геркулесом из северного мифа, который сражался с гигантскими зверями и разбойниками древности. Саксон (*Hist.*, 23) сохранил предания, повествующие о том, как он однажды сражался грудь в грудь с гигантским медведем, победил его и привел закованным в кандалы в свой лагерь.

Как хорошо известно, семейные имена Ильфинги, Хильдинги, Будлунги и др. в поэмах христианских скальдов утратили свое специфическое применение к определенным семьям и применяются к королевским и княжеским воинам в целом. Это находится в совершенной аналогии с христианской исландской поэзией, согласно которой подобает брать имя любого викинга, великана или карлика и применять его к любому особому викингу, великану или карлику - поэтический принцип, который, как утверждают ученые даже нашего времени, также может быть применен при интерпретации языческих поэм. Однако в отношении древнескандинавских поэтов этот метод так же невозможен, как в греческой поэзии было бы назвать Одиссея Пелеидом, или Ахиллея Лаэртиатидом, или Прометея Гефестом, или Гефеста Дедалоса. Стихи о Хельге Хундингсбейне были составлены во времена христианства на основе старых песен о сыне Боргара Хальфдане, и мы обнаруживаем, что отчества Илфинг, Хильдинг, Будлунг и Лофдунг обильно разбросаны по "Хельге Хундингсбейну". Но, поскольку речь идет о процитированных выше строках, можно показать, что наименования Илфинг, Хильдинг и Будлунг на самом деле являются старыми и имеют мифическую основу. Немецкая поэма "Wolfdieterich und Sabin" называет Berchtung (Borgar) Potelung, то есть Будлунг; поэма

"Wolfdieterich" делает Berchtung прапродедом хильдингов и добавляет: "От той же расы пришли к нам ильфинги" — *von dem selbe geslechte sint uns die wilfinge kumen* (ст. 223).

Саксон упоминает Хильдинга Хильдегера как сводного брата Хальфдана, и традиции, на которых основана сага об Асмунде Кемпебане, сделали то же самое (сравните № 43). Совпадение в этом пункте немецких, датских и исландских утверждений указывает на более древний источник, общий для всех них, и служит дополнительным доказательством того, что немецкий берхтунг занимал в мифологических генеалогиях точно такое же место, как норвежский Боргар.

На то, что Тор - один из отцов Хальфдана, точно так же, как Хеймдаль - один из отцов Боргара, уже указывалось выше (см. № 25). На божественное общее отцовство указывают слова: "Дротт, как говорят, увидел в нем (только что родившемся мальчике) дневного отпрыска (сына бога света), божественного сына". На то, кто является божественным партнером-отцом, указывает тот факт, что в ночь, когда родился сын Дротта, разразилась буря. Раздается раскат грома *avig thrimo*, орлы кричат, и святые воды падают с небесных гор (из облаков). Бог грома присутствует и отбрасывает свою тень на дом, где рождается ребенок.

31.

ХАРАКТЕР ХАФДАНА. ОРУЖИЕ-МИФ.

В мифах и героических поэмах нет недостатка в идеальных героях, которые являются образцами доброты сердца, справедливости и тончайшего благородства. Таковы, например, бог Аса Бальдр, его двойник среди героев, Хельге Хьорвардсон, Беовульф и, в определенной степени, Сигурд Фафнесбейн. Хальфдан не принадлежал к этой группе. Его роль в мифе заключается в том, чтобы быть личным представителем эпохи раздора, которая пришла вместе с ним, эпохи, когда жителей земли посетила великая зима и ужасные несчастья, когда началась деморализация мира вместе с беспорядками в природе и когда уже применимы слова "*харт эр и хейми*" ("суров мир"). Хальфдан виновен в похищении женщины — старый обычай отбирать служанку у ее отца насилием или хитростью проиллюстрирован в его саге. Из этого, однако, следует, что миф в то же время наделил его качествами, которые делали его достойным тевтонского патриарха и привлекательными для слушателей песен о нем. Этими качествами, помимо необходимой силы и мужества, являются вышеупомянутое знание рун, в чем он даже превосходит своего отца (Rigsth.), великие скальдические способности (Саксон, *Hist.*, 325), щедрость, которая заставляет его любить осыпать себя золотом (Helge Hund., i. 9), и необычайная, завораживающая физическая красота, которую подчеркивает Саксон (*Hist.*, 30), и которая также очевидна из того факта, что тевтонский миф делает его, как самого богатого человека. Греческий миф заставляет Ахиллеуса однажды надеть женское одеяние и в этом облике походить на валькирию (Helge Hund., ii.). Несомненно, миф также описывал его как образец верного молочного брата в его отношениях к молчаливому Хамалу, который внешне был настолько похож на него, что одного легко можно было принять за другого (ср. Helge Hund., ii. 1, 6). Во всех случаях несомненно, что миф сделал приемное братство между Хальфданом и Хамалом основой неизменной преданности, с которой потомки Хамала, амалийцы, привязываются к сыну любимого Хаддинга Хальфдана и поддерживают его дело даже в самых трудных обстоятельствах (см. № № 42, 43). Похищение женщины Хальфданом основано на физической интерпретации мифа и, таким образом, может быть оправдано. Жена, которую он

берет силой, - богиня растительности Гроа, и он делает это потому, что ее муж Орвандель заключил договор с силами мороза (см. № 33, 38, 108, 109).

Есть указания на то, что наши предки считали меч более поздним изобретением, чем другие виды оружия, и что с самого начала на нем лежало проклятие. Согласно мифу, первым и самым важным из всех кузнецов мечей был Тьяссе,^[17] которого, соответственно, зовут *фадир мерна*, отец мечей (Хаустлаунг, Младшая Эдда, 306). Лучший меч, сделанный им, предназначен для того, чтобы проложить путь к уничтожению богов (см. № 33, 98, 101, 103). После различных удач он попадает во владение Фрея, но не приносит никакой пользы Асгарду. Его отдают родителям великанши Герд, и в Рагнареке он становится причиной смерти Фрея.

УХафдана было два меча, которые отец его матери, для которого они были сделаны, зарыл в землю, и его мать долго держала место их хранения в секрете от него. В первый раз, когда он использует один из них, он убивает на дуэли своего благородного сводного брата Хильдегера, сражающегося на стороне Скилфингов, не зная, кто он такой (ср. Саксон, *История.*, 351, 355, 356, с "Сагой об Асмунде Кемпепане"). Проклятые мечи несколько раз упоминаются в сагах.

Оружием Хальфдана, которым он успешно владеет в выгодных подвигах, на самом деле является дубинка (Сахо, *Hist.*, 26, 31, 323, 353). То, что любимое оружие тевтонского патриарха - дубинка, а не меч; что последний позже в его руке проливает кровь родственника; и что он сам в конце концов был убит мечом, выкованным Тьяссом, и что, кроме того, в конфликте с сыном (пасынком Свипдагом — см. Ниже), я считаю заслуживающим внимания с точки зрения взглядов, которые лелеялись в течение некоторых столетий тевтонского язычества в отношении разного возраста и священности различных видов оружия. То, что меч также со временем стал считаться священным, ясно из того факта, что он был принят и использовался богами-асами. В Рагнареке Видар должен отомстить за своего отца с помощью *хьерра* и пронзить сердце Фафнера (*Вельуспы*). "*Хьерр*", правда, может означать и метательный снаряд, но все же вполне вероятно, что в руке Видара он означает меч. Самым древним и священным оружием были копье, молот, дубинка и топор. Копьем, которое во времена Тацита и намного позже было главным оружием как пехотинцев, так и кавалерии в тевтонских армиях, владеет сам Ас-отец, чей Стрелок был выкован для него сыновьями Ивальде еще до того, как началась ужасная вражда между ними и богами.

Молот - самое священное оружие Тора. Прежде чем Синдре выковал для него молот из железа (Гильфагининг), он владел каменным молотом. Это видно из самого названия *hamarr*, скала, камень. Дубинка, как мы уже видели, является оружием тевтонского патриарха и используется бок о бок с молотом Тора в конфликте с силами мороза. Боевой топор принадлежал Ньерду. Это видно из метафор, встречающихся в "Младшей Эдде", стр. 346, и в "Айленде". Сага, 9. Мифологическим ядром в первой метафоре является *хурдир Ньердрклауфа Херьяна*, т.е. "Ньерд разрубил врата Одина" (когда ваны завоевали Асгард); в другой боевой топор называется *мегин-хурдар галлиГаута*, т.е., "разрушитель великих врат Одина". Лук - это оружие, которым пользовались боги-Асы *Хедр* и *Ульр*, но Бальдр убит выстрелом из лука, а главный лучник мифа, как мы увидим, не бог-Аса, а брат Тьяссе. (Дальнейшее обсуждение мифа об оружии будет найдено в № 39.)

КОНФЛИКТЫ ХАЛЬФДАНА ИНТЕРПРЕТИРУЮТСЯ КАК МИФЫ ПРИРОДЫ. ВОЙНА С ГЕРОЯМИ ИЗ КУРГАНА СВАРИНА. БРАК ХАФДАНА С РАСТИТЕЛЬНОСТЬЮ.

Что касается значения конфликтов, ожидающих Хальфдана и занимающих всю его жизнь, если интерпретировать их как мифы природы, мы должны помнить, что он унаследовал от своего отца обязанность остановить продвижение на юг зимующих агентов мира великанов, сородичей Тьяссе, и племен скилфингов (инглингов), живущих на севере. Саги о переселении народов, как мы видели, показали, что Боргару и его народу пришлось покинуть первоначальную страну и двинуться на юг, в Данию, Саксландию и в те регионы по другую сторону Балтики, где поселились готы. Какое-то время первоначальной страной владели завоеватели, которые, по словам Велуспы, "атаковали с кургана Сварина и захватили (*сотти*) глинистые равнины вплоть до Джаравалла". Но Хальфдан подавляет их. То, что слова, процитированные из "Велуспы", действительно относятся к тем же мифическим персонажам, с которыми впоследствии сражается Хальфдан, подтверждается тем фактом, что Сварин и Курган Сварина никогда не упоминаются в наших документах, кроме как в связи с сагой о Хальфдане. В "Саксе" именно Хальфдан-Грам убивает Сварина и его многочисленных братьев; в саге о "Хельге Хундингсбейне" снова Хальфдан под именем Хельге нападает на племена, живущие вокруг кургана Сварина, и побеждает их. К этому можно добавить, что составитель первой песни о Хельге Хундингсбейне позаимствовал из саги-оригинала, на которой основана песня, названия, которые указывают на строфу Вельуспы, касающуюся нападения на южные скандинавские равнины. В категории имен, или генеалогии агрессоров, встречаются, как уже было показано, имена Искусников Альф и Ингве. Так же и в списке Хельге-сонга лиц, с которыми ведется конфликт в окрестностях кургана Сварина. В Vö1 списке usra Моинн упоминается среди агрессоров (в варианте прозаической Эдды); в строфе 46 "Песни о Хельге" говорится, что Хельге-Хальфдан сражался *Мойнсхеймом* против своих храбрых врагов, которых он впоследствии убил в битве у кургана Сварина. В списке Велуспы среди агрессоров назван некто *Хаугспори*, "тот, кто шпионит с кургана"; в "Песне Хельге" упоминается *Спорвитнир*, который с кургана Сварина наблюдает за наступлением войск Хельге-Хальфдана. Я уже указывал (№ 28В) на несколько других имен, встречающихся в списке Вельуспы, и можно показать их связь с мифом о художниках, ледяных великанах и Скилфингах древности и их нападении на первоначальную страну.

Физический смысл конфликтов и приключений Хафдана очевиден также из имен женщин, на которых сага заставляет его жениться. Гроа (расти), которую он грабит и удерживает некоторое время, является, как указывает само ее имя, богиней растительности. Сигне-Альвейг, на которой он впоследствии женится, такая же. Ее имя означает "питательный напиток". Согласно Саксо, она дочь Сумблуса, что в переводе с латыни *Sumbl* означает праздник, эль, медовуху и является синонимом *Эльвальди*, *Ольмод*, имен, которые принадлежали отцу сыновей Ивальде (см. № 123).

Согласно хорошо подтвержденному заявлению в *Forspjallsljod* (см. № 123), Ивальде был отцом двух групп детей. Мать одной из этих групп - великанша (см. № № 113, 114, 115). От нее у него трое сыновей, а именно, три знаменитых художника древности - Идэ, Ганг-Урнир и Тьяссе. Мать другой группы - богиня света (см. № 123). С ней у него есть дочери, которые являются богинями роста, среди них Идун и Сигне-Альвейг. То, что Идун - дочь Ивальде, ясно из *Форспьяллсльода* (6), *альфа эттар Итунни хето Ивальдс эллри ингста барна*.

Об именах их отца *Сумбла*, *Олвальди*, *Олмод* можно сказать, что как символы природы "ол" (эль) и "мьед" (медовуха) в тевтонской мифологии идентичны *соме* и *сомамадху* в Ригведе и *хаоме* в Авесте, то есть они являются укрепляющими, питающими соками природы. Подземный колодец Мимера, из которого мировое древо черпает свою пищу, представляет собой источник меда. В стихотворении "Хаустлаунг" Идун называется *Ольгефн*; в том же стихотворении Гроа называется *Ольгефион*. Оба названия относятся к богиням, которые дают природе и богам напиток роста и возрождения. Таким образом, перед нами семья, имена и эпитеты членов которой характеризуют их как силы, действующие на службе природе и богу урожая. Их имена и эпитеты также указывают на семейные узы, которые их объединяют. У нас есть группа имен, *Идвальди*, *Иди*, *Идунн*, и группа, *Эльвальди* (*Эльмудр*), *Ольгефн* и *Ольгефион*, оба указывающие на членов одной семьи. Далее (см. № 113, 114, 115) будут представлены доказательства того, что первый муж Гроа, Орвандель храбрый, является одним из братьев Тьяссе, и, следовательно, что Гроа тоже был тесно связан с этой семьей.

Как мы знаем, именно вражда, вызванная Локе между богами-Асами и низшими, но могущественными божествами природы, принадлежащими к группе Ивальде, которая провоцирует ужасную зиму с ее ужасными последствиями для человека, и особенно для тевтонских племен. Эти доселе благодетельные агенты роста перестали служить богам и вступили в союз с ледяными великанами. Войну, которую вел Хальфдан, следует рассматривать с этой точки зрения. Главный герой Мидгарда, настоящий тевтонский патриарх, пытается отвоевать у тевтонов страну, которую у них отняла зима. Чтобы иметь возможность сделать это, он является сыном Тора, божественного врага ледяных великанов, и выполняет на границе Мидгарда работу, соответствующую той, которую Тор должен выполнять в космосе и в Йотунхейме. И точно так же, как Хеймдаль ранее обеспечил благоприятные природные условия для первоначальной страны, соединив богиню солнца с собой узами любви, его внук Хальфдан теперь стремится сделать то же самое для тевтонской страны, отняв у враждебно настроенного сына Ивальде, Орванделя, его жену Гроа, дающую рост, а затем и Альвейг, дающую питательный сок. Символ природы также можно найти в заявлении Саксона о том, что король Свитиода, Сигтригг, отец Гроа, не мог быть побежден, если бы Хальфдан не прикрепил золотой шар к своей дубинке (*История.*, 31). Цель конфликтов Хальфдана, цель, которую норны особенно придавали его жизни, отвоевать у сил мороза самые северные районы тевтонской территории и навсегда закрепить их за культурой, и трудность этой задачи указаны, как мне кажется, в процитированных выше строфах, которые говорят нам, что норны закрепили основу его власти на востоке и западе, и что он с самого начала, и это не вызывало сомнений, распространил скипетр своего правления на эти широты, в то время как в отношении северных областей тевтонской империи. говорят, что родственница Нера, глава норн (см. № 57-64, 85), протянула единственную нить в этом направлении и *молилась* о том, чтобы она держалась вечно:

там австрийский вестр
заканчивается фало,
тар атти лофдунгр
высадил миллион человек;
братишка нера
а нордрвега
эйнни фести,

эй бат хон халда.

Молитва норн была услышана. То, что миф заставил Хальфдана победоносно продвигаться на север, даже к самой отправной точке эмиграции на юг, вызванной фимбульской зимой, то есть к кургану Сварина, подтверждается утверждениями о том, что он убивает Сварина и его братьев и одерживает в окрестностях Кургана Сварина победу над своими противниками, которая на какое-то время стала решающей. Его проникновение на север, если рассматривать его как природный миф, означает восстановление надлежащей смены времен года и превращение первоначальной страны и Свитиода в пригодные для жизни места. Поскольку герою, добившемуся "дающего рост" и "дающего питательный сок", удастся с помощью своего отца Тора пронести свое оружие в разрушенные морозом тевтонские земли, весна и лето снова простирают скипетр своего правления. Песни о Хельге Хундингсбейне также сохранили из мифа идею о том, что Хальфдана и его войска, проникающие на север по суше и морю, сопровождают в воздухе "валькирии", "богини с юга", вооруженные шлемами, кольчугами и сверкающими копьями, которые сражаются с силами природы, враждебными Хальфдану, и эти валькирии по самой своей природе являются богинями роста, с грив коней которых падает роса, возвращающая земле силу роста и приносящая урожай людям. (Ср. Хельг . Hund., i. 15, 30; ii., проза к v. 5, 12, 13, с Helg. Hjörv., 28.) По этой причине шведы тоже прославляли Хальфдана в своих песнях как своего патриарха и благодетеля, и, по словам Саксона, они поклонялись ему как божеству, хотя в его задачу входило сдерживать продвижение скилфингов на юг.

Несомненно, именно после этой успешной войны Хальфдан совершает великое жертвоприношение, упомянутое в Скальдскапармале, гл. 64, чтобы сохранить свою королевскую власть на триста лет. Это утверждение следует сравнить с тем, что рассказывают немецкие поэмы средневековья о долголетию Берхтунга-Боргара и других героев древности. Они живут несколько столетий. Но ответ, который Хальфдан получает от сил, которым он принес себя в жертву, заключается в том, что он просто доживет до возраста старика, и что в его семье в течение трехсот лет не родится женщина или мужчина без славы.

33.

ОБЗОР МИФА О СВИПДАГЕ И ЕГО СВЯЗИ С МИФОМ О ХАЛЬФДАНЕ (см. № 24).

Когда Хальфдан заполучил Гроа, она уже была невестой Орванделя храброго, и первый сын, которого она родила в доме Хальфдана, был не его, а Орванделя. Сына зовут Свипдаг. Он превращается в героя, который, как и сам Хальфдан, является самым блестящим и самым любимым из тех, кого воспевают в тевтонских песнях. Мы посвятили ему особую часть этой работы (см. № 96-107). Там мы привели доказательства различных мифологических фактов, которые я уже сейчас должен включить в следующий ряд событий, чтобы не пропустить эпическую нить:

(a) Гроа рождает Хальфдану сына Гуторма (Саксон, *История*, Дан., 34).

(b) Хальфдан отвергает Гроа (Саксон, *История*. Дан., 33). Она возвращается в Орвандель и привозит с собой своих детей и его сына Свипдага.

(c) Хальфдан женится на Сигне-Альвейг (Хиндлулиод, 15; Прозаическая Эдда, i. 516; Саксон *Hist.*, 33) и вместе с ней становится отцом сына Хаддинга (Саксон, *Hist. Dan.*, 34).

(d) Гроа умирает, и Орвандель снова женится (Grógaldr, 3). Перед смертью Гроа сказала своему сыну, что, если ему понадобится ее помощь, он должен пойти на ее могилу и призвать ее (Grógaldr, 1).

(e) Долг Свипдага - отомстить Хальфдану за позор, нанесенный его матери, и за убийство Сигтригга, отца его матери. Но его мачеха велит Свипдагу искать Менглада, "того, кто любит украшения" (Grógaldr, 3).

(f) Под тяжестью этих задач Свипдаг отправляется на могилу своей матери, пробуждает ее от смертного сна и получает от нее охраняющие заклинания (Grógaldr, 1).

(g) Прежде чем Свипдаг отправляется в авантюрную экспедицию на поиски Менглада, он предпринимает во главе великанов, союзников Ивальдесонов (см. Фьельсвинсм, 1, где Свипдаг называется *турсатьодар сьолр*), войну мести против Хальфдана (Сахо, 33 и далее, 325; ср. № 102, 103). Войско великанов побеждено, и Свипдаг, вступивший в поединок со своим отчимом, побежден последним. Хальфдан предлагает сохранить ему жизнь и усыновить его как своего сына. Но Свипдаг отказывается принять от него жизнь как дар и отвечает вызывающим "нет" на протянутую отцовскую руку. Затем Хафдан привязывает его к дереву и оставляет на произвол судьбы (Саксон, *История.*, 325; ср. № 103).

(h) Свипдаг освобождается от своих уз с помощью одного из заклинаний, которые поет над ним его мать (Grógaldr, 10).

(я) Свипдаг печально бродит по стране великанов. Геварр-Неккве, бог луны (см. № 90, 91), рассказывает ему, как он должен найти непреодолимый меч, который всегда приносит победу (см. № 101). Меч выкован Тьяссом, который намеревался уничтожить им мир богов; но как раз в тот момент, когда кузнец закончил свое оружие, он был застигнут во сне Мимиром, который заковал его в цепи и забрал меч. Последний теперь скрыт в нижнем мире (см. № 98, 101, 103).

(j) Следуя указаниям Геварр-Неккве, Свипдаг отправляется на самый северный край мира и находит там спуск в нижний мир; он побеждает стражу врат Гадеса, видит чудесные области внизу и добивается успеха в завладении мечом победы (см. № 3). 53, 97, 98, 101, 103, 112).

(k) Свипдаг начинает новую войну с Хальфданом. Тор сражается на стороне своего сына, но неотразимый меч рассекает молот Мьельнера; сам бог Аса должен уступить. Война заканчивается поражением Хальфдана. Он умирает от ран, полученных в битве (см. № 101, 103; ср. Саксон, *Hist.*, 34).

(l) Свипдаг ищет и находит Менглада, который является Фрейей, ограбленной великанами. Он освобождает ее и отправляет чистой и непорочной в Асгард (см. № 96, 98, 100, 102).

(m) Локе возвращает Идун в Асгард. Тьясс, освобожденный из своей тюрьмы у Мимера, в облике орла преследует Локе до стен Асгарда, где боги убивают его (см. Эдды).

(n) Свипдаг, вооруженный мечом победы, отправляется в Асгард, радостно принимается Фрейей, становится ее мужем и вручает Фрею свой меч победы. Примирение между богами и расой Ивальде. Ньерд женится на дочери Тьясса Скаде. Второй сын Орванделя Улль, сводный брат Свипдага (см. № 102), усыновлен в Валхале. Сестра Свипдага замужем за Форсете (Хиндлулджод, 20 лет). Боги чтят память Тьясса, связывая его имя с определенными звездами (Harbardsljod, 19). Аналогичная честь уже была оказана его брату Орванделю ("Эдда в прозе").

Из этой серии событий мы узнаем, что, хотя тевтонский патриарх в конце концов терпит поражение в войне, которую он вел против расы тьяссов и сил мороза, возглавляемых родственниками Тьяссе, результаты его работы остаются неизменными. Когда кризис достиг своей кульминации; когда гигантские воинства фимбул-винтер получили в качестве своего предводителя сына Орванделя, вооруженного неодолимым мечом; когда судьба Хафдана решена; когда сам Тор, *веорр Мидгарда* (*Völusp.*), могущественный защитник земли и человеческой расы, должен отступить с разбитым на куски молотом-молнией, тогда сила любви внезапно берет верх и спасает мир. Свипдаг, который, находясь под влиянием заклинаний своей покойной матери из могилы, подчинился приказу своей мачехи найти и спасти Фрейю из-под власти великанов, тем самым завоевывает ее сердце и заслужил благодарность богов. Он сам научился любить ее, и в конце концов его страстное желание вынудило его искать ее в Асгарде. Конец власти фимбул-винтер отмечен возвращением Фрейи и Идун к богам, смертью Тьяссе, вручением непобедимого меча богу урожая (Фрею), усыновлением родственников Тьяссе, Свипдага, Улля и Скаде в Асгарде, а также несколькими брачными узами, заключенными в ознаменование примирения между богами Асгарда и родственниками великого художника древности.

34.

МИРОВАЯ ВОЙНА. ЕЕ ПРИЧИНА. УБИЙСТВО ГУЛЛЬВЕЙГ-ХЕЙДР. ГОЛОС СОВЕТА МЕЖДУ АС И ФУРГОНАМИ.

Таким образом, мир во всем мире и порядок в природе могут казаться обеспеченными. Но вскоре разразится новая война, к которой предыдущую можно рассматривать просто как прелюдию. Вражда, которая берет свое начало в решении, вынесенном богами по поводу даров Тьяссе, и которая закончилась бракосочетанием Свипдага и Фрейи, велась с целью возвращения древних владений и Свитиода, где Хеймдаль основал первую общину, для заселения и развития культуры. Он был ограничен пределами Северного Тевтонского полуострова, и в нем объединенные силы Асгарда поддерживали другие тевтонские племена, сражавшиеся под командованием Хальфдана. Но новый конфликт бушует одновременно на небесах и на земле, между божественными кланами асов и ванов, а также между всеми тевтонскими племенами, втянутыми в войну друг с другом сыновьями Хальфдана. С точки зрения тевтонской мифологии это мировая война; и Вельуспа называет ее *первой великой войной в мире* — *фольцвиг первый и главный* (стр. 21, 25).

Локе был причиной предыдущей предварительной войны. Его женский двойник и союзница *Гулльвейг-Хейдр*, которая постепенно, так сказать, сливается с ним в одно целое, порождает другое. Это видно из следующих строф Вельуспы:

Ул. 21. Этот человек из фольцвига
первым и хейми
эр Гуллвейг
учился в гейруме,
чтобы я захватил Хар
хана брендо.

ул. 22. Трисвар брендо
трисвар борна

выбрал осиялдан
, чтобы почтить ан лифир.

ул. 23. Хайда хана хето
хварс до хуса ком
воло вельспа
витти хон ганда
сеид хон куни
сеид хон Лейкин ,
э вар хон анган
илларар брудар.

Ул. 24. Та генго регин олл
а раукстола
гинхейлог бог
ок ум этот геттуз
хварт скилдо эсир
афрад гьялда
эта скилдо годин алл
гильди эйга.

ул. 25. Флейгде Один
ок и фолк ум скат
тот вар в фольцвиге
первый и последний.

Бротин вар бордвегр
боргар аса
кнатто ванир вигспа
волло спорна.

Первое, что следует установить при интерпретации этих строф, - это тот факт, что все они в том порядке, в котором они находятся в Региональном кодексе и в котором я их привел, принадлежат друг другу и относятся к одному и тому же мифическому событию, то есть к началу великой мировой войны. Это видно из сравнения строфы 21 с строфой 25, первой и последней из процитированных. Оба говорят о войне, которая называется *фольквиг первый и последний*. Первая строфа сообщает нам, что это произошло в результате убийства Гулвейг и в связи с ним, убийства, совершенного в самом Валхале, в зале Аса-отца, под крышей, где боги клана Аса собрались вокруг своего отца. Последняя строфа повествует о том, что первая великая война в мире привела к разделению между двумя божьими кланами, Асами и ванами, разделению, вызванному тем фактом, что Один, метнув свое копье, прервал дискуссию между ними; и строфа также объясняет результат войны: бастион вокруг Асгарда был сломлен, и ваны завладели силой Асов. Обсуждение или совет объясняются в строфе 24. Там прямо подчеркивается, что все боги, Асы и Ваны, *регин олл, годин алл*, торжественно собираются и восседают на своих *раукстолах*, чтобы посоветоваться относительно убийства *Гульвейг-Хейдр*. В строфе 23 уже

описано, кто такая Гульвейг, и, таким образом, приведена по крайней мере одна причина ненависти асов к ней и обращения, которому она подвергается в чертоге Одина. Очевидно, что она была в Асгарде под именем Гульвейг, поскольку Гульвейг была убита и сожжена в Валхале; но Мидгард, обитель человека, также был местом ее деятельности. Там она бродила под именем Хейдр, практикуя злое искусство черного колдовства (см. № 27) и поощряя порочные страсти человечества: *æ var hon angan illrar brudar* вар хон анган иллрар брудар (*var hon angan illrar brudar*). вар. Поэтому Гульвейг понесла наказание, которое с незапамятных времен было установлено среди арийцев за практику черного искусства: она была сожжена. И ее таинственно ужасная и волшебная природа раскрывается тем фактом, что пламя, хотя и зажжено божественными руками, не имеет над ней такой власти, какую оно имеет над другими агентами колдовства. Боги сжигают ее трижды; они протыкают тело ведьмы своими копьями и держат ее над пламенем костра. Все напрасно. Они не могут предотвратить ее возвращение и возрождение. Трижды обожженная и трижды рожденная, она все еще жива.

После того, как Велуспа рассказал о вале, которую в Асгарде звали *Гульвейг*, а на земле - *Хейдр*, в 24-й строфе поэмы говорится о споре, возникшем между богами из-за ее убийства. Боги, собравшиеся на судейских местах и вокруг них, делятся на две группы, одну из которых составляют асы. Тот факт, что обращение, полученное Гульвейг, может стать предметом спора, который заканчивается враждой между богами, является доказательством того, что убийство совершил только один из кланов богов; и поскольку это произошло не в чертогах Ньерда, Фрейра или Фрейи, а в Валхале, где правит Один в окружении своих сыновей, из этого следует, что убийство, должно быть, совершили Асы. Конечно, Ваны, которые были гостями в чертоге Одина, *могли* быть исполнителями убийства; но, с одной стороны, поэма вряд ли указала бы чертог Одина как место, где Гульвейг должна была быть наказана, если только она не хотела тем самым указать на асов как на исполнителей этого деяния, и, с другой стороны, мы не можем представить себе возможным убийство, описанное в "Волюспе", если бы Ваны были теми, кто его совершил, а Асы были защитниками Гульвейг; ибо тогда последние, которые были виновниками убийства. лорды в Валхале, конечно же, не позволили бы вanam тихо и мирно подвергнуть Гульвейг описанным там долгим пыткам, во время которых ее насаживают на копья и держат над пламенем, чтобы сжечь дотла.

То, что асы совершили убийство, также подтверждается рассказом Велуспы по спорному вопросу. Одна из точек зрения, преобладающих в ходе консультаций и обсуждения по этому вопросу, заключается в том, что *Asa* должны *приветствовать гьялду* в связи с совершенным убийством. В этой *афрад гьялде* мы встречаемся с фразой, которая повторяется в законах Исландии и в старых кодексах Норвегии и Швеции. Не может быть никаких сомнений в том, что эта фраза вошла в язык закона из популярного просторечия, и что ее юридическое значение было просто более определенным, чем ее использование в просторечии. Общепринятое значение этой фразы - *выплатить компенсацию*. Компенсация может быть любого рода. Это может быть арендная плата за использование чужого поля, или это могут быть налоги за пользование социальными правами, или это могут быть смерти и ранения за ведение войны. В данном случае это должно означать компенсацию, которая должна быть выплачена *Asas* за убийство *Гульвейг-Хейдр*. Поскольку такое требование не могло быть выдвинуто самими *Asa*, оно, должно быть, было выдвинуто *Vans* и их сторонниками в ходе обсуждения. В противовес этому требованию у нас есть предложение асов о том, что все боги должны *позолотить эйгу*. В отношении этой спорной фразы, по крайней мере, ясно то, что она должна содержать либо абсолютное, либо частичное противопоставление требованию *ванов*, и ее цель должна

заключаться в том, что Асы не должны - по крайней мере, не одни — выплачивать компенсацию за убийство, но что преступление должно рассматриваться как такое, в отношении которого все боги, Асы и ваны, были одинаково виновны, и как такое, за которое они все вместе должны взять на себя ответственность.

Дискуссия не приводит к дружественному урегулированию. Должно быть, было сказано что-то, что глубоко оскорбило Одина, потому что Аса—отец, известный своей мудростью и спокойствием, швыряет свое копье в гущу совещающихся - знак того, что состязание разума с разумом подошло к концу и что за ним последует состязание с оружием в руках.

Миф, касающийся этого обсуждения между Асами и ванами, был хорошо известен Саксо, и то, что он может сказать по этому поводу (*Hist.*, 126 и далее), превращая миф, как обычно, в историю, следует сравнить с рассказом Велуспы, поскольку оба эти источника дополняют друг друга.

Первое, что бросается нам в глаза в повествовании Саксона, - это то, что колдовство, черное искусство, играет, как и в "Велуспе", главную роль в цепи событий. Его рассказ взят из мифического обстоятельства, упомянутого языческим скальдом Кормаком (*сейд И ггр тиль Риндар*— Младшая Эдда, i. 236), согласно которому Один, вынужденный крайней нуждой, искал благосклонности Ринда и добился своей точки зрения с помощью колдовства, поскольку иначе он не мог ее добиться. Согласно Саксо, Один прикоснулся к Ринд куском коры, на котором он начертал волшебные песни, и в результате она сошла с ума (*Rinda ... quam Othinus cortice carminibus adnotato contingens lymphanti similem reddidit*). В непосредственной связи с этим рассказывается, что боги провели совет, на котором было заявлено, что Один запятнал свою божественную честь и должен быть низложен со своего королевского сана (*dii ... Othinum variis majestatis detrimentis divinitatis gloriam maculasse cernentes, collegio suo submovendum duxerunt*—*Hist.*, 129). Среди деяний, в которых обвиняли его противники на этом соборе, было, как явствует из Саксона, по крайней мере одно, за последствия которого он должен понести ответственность, но за которое не следует привлекать к ответственности всех богов (*...ne vel ipsi, alieno criminale implicati, insontes nocentis criminale punirentur*—*Hist.*, 129; *in omnium caput unius culpam recidere putares*, *Hist.*, 130). Результатом обсуждения богов, как в Саксонии, так и в Велуспе, является изгнание Одина и то, что другой клан богов, отличный от его, удерживает власть в течение некоторого времени. После этого он, с согласия правящих богов, возвращается на трон, который отныне занимает блестящим образом. Но одним из его первых действий после возвращения является изгнание черного искусства и его агентов с небес и с земли (*История.*, 44).

Таким образом, цепочка событий у Саксона одновременно начинается и заканчивается колдовством. Это фон, на котором как в Саксонии, так и в Велуспе происходят события, связанные со спором между асами и ванами. В обоих документах боги собираются на совет перед началом вражды. В обоих случаях вопрос касается деяния, совершенного Одним, за которое некоторые боги не желают брать на себя ответственность. Саксон указывает на это словами: *Никто не виноват, никто не виновен в преступлении, совершенном преступным путем*. Волюспа указывает на это, позволяя Ванам присутствовать, вопреки утверждению, что *годин скилду гильди эйга*, утверждению, что собственный клан Одина, и только он, должен *афрад гьялда*. И в то время как Велуспа заставляет Одина внезапно прервать обсуждение и

метнуть свое копьё среди совещающихся, Саксон дает нам объяснение своего внезапного гнева. Он и его клан убили и сожгли Гульвейг-Хейд за то, что она практиковала колдовство и другие злые искусства колдовства. И поскольку он отказывается выплатить компенсацию за убийство и требует, чтобы все боги взяли на себя последствия и разделили вину, ваны ответили на совете, что он тоже когда-то практиковал колдовство, когда посещал Ринд, и что, если Гульвейг была справедливо сожжена за это преступление, то он должен быть справедливо низложен со своего сана, запятнанного тем же преступлением, что и повелитель всех богов. Таким образом, рассказы Велуспы и Саксо дополняют и иллюстрируют друг друга.

Однако остается один темный момент. Почему Фургоны возражали против убийства Гульвейг-Хейд? Должен ли этот клан богов, воспетый в песнях как благожелательный, полезный и чистый, быть благосклонно расположен к злему и развращающему искусству колдовства? Это не могло быть значением мифа. Как будет показано ниже, коварные планы Гульвейг-Хейд были направлены, в частности, против тех самых богов Вана, которые на совете требуют компенсации за ее смерть. В этом отношении Саксон в совершенной верности своему мифическому источнику изобразил Одина, с одной стороны, и его противников среди богов - с другой, одинаково враждебными черному искусству. Один, который однажды и при особых обстоятельствах, которые я буду обсуждать в связи с мифом о Бальдере, был виновен в практике колдовства, тем не менее является объявленным врагом колдовства, и Саксон заставляет его приложить все усилия, чтобы запретить и преследовать его. Ваны также смотрят на это с ужасом, и именно этот ужас придает силу их словам, когда они нападают на Одина и низлагают его, потому что он сам практиковал то, за что наказал Гульвейг.

Объяснение этого факта, как будет показано ниже, заключается в том, что Фрей из-за страсти, жертвой которой он стал (вероятно, с помощью колдовства), был вынужден жениться на деве-великанше Герд, родственники которой таким образом стали друзьями Ванов. Фрей обязан потребовать сатисфакции за убийство, совершенное в отношении родственницы его жены. Кровное родство требует своего священного права, и, согласно тевтонским представлениям о праве, ваны должны поступать так, как они поступают, независимо от морального облика Гульвейг.

35.

ГУЛЬВЕЙГ-ХЕЙДР. ЕЕ ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ С АУРБОДОЙ, АНГРБОДОЙ, ГИРРОКИНОМ. МИФ О ХРАНИТЕЛЕ МЕЧА И ФЬЯЛАРЕ.

Долг божеств Вана становится еще более очевидным, если можно показать, что Гульвейг-Хейд - мать Герд; ибо Фрей, поддерживаемый богами Вана, затем требует удовлетворения за убийство своей собственной тещи. Мать Герда, проживающую в Хиндлулджоде, 30 лет, зовут Аурбода, и она жена гиганта Гимера:

Фрейр атти Герди,
Достопочтенный Гимис доттир,
йотна эттар
ок Аурбоду.

Фактически, можно продемонстрировать, что Аурбода идентична Гульвейг-Хайд. Доказательства приведены ниже в двух разделах. (а) доказательства того, что Гульвейг-Хайд

идентична Ангербоде, "древней в Железном лесу"; (б) доказательства того, что Гульвейг-Хайд-Ангербода идентична Аурбоде, матери Герд.

(а) Гульвейд-Хейд идентичен Ангербоде.

Хиндлулджод, 40, 41 год, говорит:

Старый ульф Локи
в Ангрбоду,
(энн Слейпни гат
в Свадилфаре);
эйт тотти скарс
вся фейкназст
, что вар бродур фра
Билейстз комит.

Loki af hiarta
lindi brendu,
fann hann haalfsuidinn
hugstein konu;
vard Loptr kvidugr
af konu illri;
thadan er aa folldu
flagd hvert komit.

Из рассказа мы видим, что злое существо женского пола (*илл кона*) было сожжено, но пламя не смогло уничтожить семя жизни в ее природе. Ее сердце не было прожжено насквозь и не превратилось в пепел. Оно сгорело лишь наполовину (*hálfsvíðinn hugsteinn*), и в таком состоянии его вместе с другими останками кремированной женщины выбросили, поскольку Локе находит и проглатывает сердце.

Наши предки смотрели на сердце как наместилище жизненного принципа, души живых существ. Ряд лингвистических фраз основан на идее, что добро и зло, доброта и суровость, мужество и трусость, радость и печаль связаны с характером сердца; иногда мы находим, что *хьярта* используется полностью в смысле души, как в выражении *hold ok hjarta*, душа и тело. До тех пор, пока сердце в мертвом теле не приходило в упадок, считалось, что принцип жизни, обитающий в нем, все еще был способен при особых обстоятельствах воздействовать на конечности и оказывать влияние на окружающую среду, особенно если мертвый человек при жизни был наделен волей одновременно злой и могущественной. В таких случаях считалось важным пронзить сердце мертвого заостренным копьем (ср. Саксон, *Hist.*, 43 и № 95).

Полубогоревшее сердце, соответственно, содержит душу злой женщины, и его влияние на Локе после того, как он его проглотил, наиболее примечательно. Однажды, когда он родил Слейпнера от гигантского коня Свадильфаре, Локи раскрыл свою андрогинную природу. Так он делает и сейчас. Проглоченное сердце заново развило в нем женское начало (*Локи Линди и бренду хьярта*). Оно оплодотворило его злыми намерениями, которые содержались в сердце. Локе стал обладателем злой женщины (*квидугр аф кону иллри*) и стал отцом детей, от которых

произошли тролли (*флэгд*), которые водятся в мире. Первым среди детей упоминается волк, которого зовут *Фенрир*, и который в Рагнареке станет причиной смерти Асы-отца. На это событие указывают слова Ньерда о Локе из Локасенны, ул. 33: *асс рагр эр хефир, рожденный от борита*. Женщину, обладающую наполовину сожженным сердцем, которая является матерью или, скорее, отцом волка, зовут Ангербода (*ол ульф Локи вид Ангрбоду*). Н. М. Петерсон и другие мифологи справедливо заметили, что она такая же, как "древняя", которая в исторические времена и до Рагнарека обитала в Железном Лесу и "там воспитывала родственников Фенрера" (*Völuspa*, 39), ее собственное потомство, которое в конце этого периода должно выйти из Железного Леса и сломать его. проникнуть в Мидгард и окрасить его цитадели кровью (*Вельуспа*, 30).

Тот факт, что Ангербода сейчас обитает в Железном Лесу, хотя в прошлом от нее не осталось ничего, кроме наполовину сгоревшего сердца, доказывает, что попытка уничтожить ее огнем не увенчалась успехом, и что после этой кремации она снова возродилась в телесной форме и стала матерью и кормилицей оборотней. Таким образом, миф об Ангербоде идентичен мифу о Гюльвейг-Хейд в двух характерных моментах:

Неудачное сожжение злой женщины.
Ее возрождение после кремации.

Эти пункты в равной степени применимы как к Гюльвейг-Хейд, так и к Ангербоде, "старой в Железном лесу".

Миф о Гюльвейг-Хейд-Ангербоде, каким его помнили в первый период после введения христианства, мы находим частично воспроизведенным в "Хельгаквиде Хундингсбейн", i. 37-40, где Синфьотль сравнивает своего противника Гудмунда со злым женским началом в языческой мифологии, валой, о которой идет речь, и где Гудмунд, в свою очередь, сравнивает Синфьотль с его злым мужским началом, Локе.

Синфьотль говорит:

Чт варт вольва
и варинсейо,
сколвис кона
барту скраук саман;

Чт варт, эн скета,
скасс валькирия,
отул, аматлиг
в Альфаударе;
мундо эйнхерий
аллир бериаз,
свевис кона,
ум сакар тинар.
Нио атту с
нери Сагу

ульфа ална
эк вар эйन्न фатирра.

Ответ Гудмунда начинается так:

Фадир вара́тту
фенрисульфа....

Говорят, что злая женщина, с которой один из двух героев сравнивает другую, - вала, которая практиковалась в своем искусстве частично на острове Варин, частично в Асгарде у Альфатера, и там она стала причиной войны, в которой приняли участие все воины Асгарда. Это относится к войне между асами и ванами. Это вторая вражда между силами Асгарда.

Следовательно, вала должна быть Гульвейг-Хейд из мифа, из-за которой, согласно Велуспе, разразилась война между асами и ванами. Теперь в процитированных выше строках о ней говорится, что она родила волков, и что эти волки были "фенрисульфар". Об Ангербоде мы уже знаем, что она мать настоящего Фенрира-волка, и что она в Железном Лесу производит на свет других волков, которых называют именем Фенрера (*Фенрис киндир*—Волюспа). Таким образом, идентичность Гульвейг-Хейд и Ангербоды еще более подтверждается тем фактом, что и ту, и другую называют матерью семейства Фенрисов.

Процитированный отрывок - не единственный, сохранивший память о Гульвейг-Хейд как матери оборотней. Вельсунгасага (ок. ii. 8) рассказывает, что великанша, *Hrímni's daughter*, , сначала жила в Асгарде в качестве служанки Фригг, затем на земле, и что она во время своего пребывания на земле стала женой короля, а вместе с ним матерью и бабушкой оборотней, которые наводняли леса и убивали людей. Фантастическая и ужасная сага об этих оборотнях-волках в христианские времена и у христианских авторов была связана со стихами о Хельге Хундингсбейне и Сигурде Фафнерсбейне. То обстоятельство, что великанша, о которой идет речь, сначала жила в Асгарде, а затем в Мидгарде, указывает на то, что она идентична Гульвейг-Хейд, и эта идентичность подтверждается утверждением, что она дочь великана *Хримнира*.

Миф, дошедший до наших дней, знает только одну дочь этого великана, и она такая же, как Гульвейг-Хейд. Хиндлулиод утверждает, что *Хейдр* является дочерью *Хримнира*, и не упоминает о своей сестре, но, с другой стороны, о брате *Хросстхиофре* (*Хейдр ок Хросстхиофр Хримнис киндар*—Хиндл., 30). В намеке на кремацию Гульвейг-Хейд огонь называется в Торсдрапе *Hrimnis drósar lyptisylgr*, "поднимающий напиток дочери Хримнера", напиток, который должен был выпить Хейд, поднятый на копья. Нигде не упоминается ни одна другая дочь Хримнера. И хотя в процитированной выше строфе говорится, что великанша, вызвавшая войну в Асгарде и ставшая матерью волков фенрира, была валой с острова Варин (*vaulva i Varinseyio*), сравнение с Хельгаквом. Hund., i. 26, с Volsungasaga, с. 2, показывает, что остров Варин и Варин-фьорд были расположены в той самой стране, где, как предполагалось, дочь Хримнера некоторое время была женой короля и родила оборотней.

Таким образом , мы обнаружили, что три характерных момента —

неудачная кремация злой великанши,
ее возрождение после кремации,

та же женщина, что и мать расы Фенреров —

являются общими для Гульвейг-Хайд и Ангербоды.

Их личность очевидна из различных других обстоятельств, но может рассматриваться как полностью подтвержденная приведенными доказательствами. Деятельность Гульвейг в древности как основательницы дьявольского магического искусства, как той, кто пробуждает злые страсти человека и сеет раздоры в самом Асгарде, дополняется деятельностью Ангербоды как матери и кормилицы того класса существ, в членах которого олицетворены колдовство, жажда крови и ненависть к богам. Действие принципа зла в великом эпосе мифа сформировало непрерывность, охватывающую все эпохи, и эта непрерывная нить зла переплетается с предательскими деяниями Гульвейг и Локе, женского и мужского представителей принципа зла. Оба появляются на заре человечества: Локе уже в начале времен обеспечил доступ к Альфатеру (Локасенна, 9), а Гульвейг обманывает сынов человеческих уже во времена сына Хеймдала Боргара. Локе выманивает Идун с безопасных земель Асгарда и предательски передает ее силам мороза; Гульвейг, как мы увидим, отдает Фрейю в руки великанов. Локе планирует вражду между богами и силами природы, которые до сих пор были дружелюбны и которые имеют своих личных представителей в лице сыновей Ивальде; Гульвейг становится причиной войны между асами и ванами. Вмешательство обоих прерывается в конце мифической эпохи, когда Локе закован в цепи, а Гульвейг в облике Ангербоды становится изгнанницей в Железном Лесу. До этого они на какое-то время были, так сказать, смешаны в единое существо, в котором женское начало, принимающее мужественность, и мужественное, изнеженное, приносят миру потомство врагов богов и творения. Оба, в конце концов, вносят свой вклад в разрушение мира. Прежде чем наступил этот кризис, Ангербода воспитала то воинство "сынов разрушения мира", которое Локе должен повести на битву, и волшебный меч, который она хранила в Железном Дереве, отдан Сурту, в чьей руке он должен быть смертью Фрея, повелителя урожая (см. № 89, 98, 101, 103).

Считалось, что женщина, которая в древности в разных обликах посещала Асгард и Мидгард, имела свой дом в Железном лесу[18] на Востоке в историческую эпоху вплоть до Рагнарека объясняется тем, что говорит Саксон, а именно, что Один после своего возвращения и примирения с ванами изгнал агентов черного искусства как с небес, так и с земли. Здесь также очевидна связь между Гульвейг-Хейдом и Ангербодой. Война между асами и ванами была вызвана сожжением Гульвейг первыми. После примирения с Асами это наказание больше не может быть применено к возрожденной ведьме. Асы должны позволить ей жить до скончания времен; но оба клана богов согласны с тем, что она не должна больше показывать свое лицо ни в Асгарде, ни в Мидгарде. Миф об изгнании знаменитой валы в Железный лес и о потомстве локи, которого она там взращивает, был превращен в историю Джорданесом в его книге *"Де Гот"*. *Origine*, гл. 24, где утверждается, что готский король вынудил подозрительных валов (*халиорунов*), найденных среди его народа, укрыться в пустынях на востоке за Мотийским болотом, где они смешались с лесными духами и, таким образом, стали прародителями гуннов. Таким образом, христианские готы черпали из своих мифических преданий объяснение происхождения восточных полчищ всадников, чьи уродливые лица и

варварские нравы казались им доказательством иного, нежели чисто человеческое происхождение. Вала Гульвейг-Хейд и ей подобные становятся в Иордане этими *халиорунами*; Локи и гиганты Железного Леса становятся этими лесными духами; бог Аса, ставший причиной изгнания, становится королем, сыном Гандарикуса Магнуса (великого правителя гандийцев, Одина), а замечательное потомство Локи и Ангербоды становится гуннами.

Следует подчеркнуть тот факт, что Иордан и Саксон таким же образом сохранили традицию о том, что Один и асы, заключив мир и примирившись с ванами, не применяют смертную казнь и сожжение к Гульвейд-Хейд-Ангербоде и ее родне, но, вместо этого, приговаривают их к изгнанию из владений богов и людей. То, что традиция, сохранившаяся у Саксона и Иордана, соответствовала мифу, подтверждается тем фактом, что мы там заново открываем Гульвейг-Хейд-Ангербоду с ее потомством в Железном Лесу, который, как считалось, находился на крайнем Востоке, вдали от мира людей, и что она оставалась там нетронутой до разрушения мира. Примирение между Asa и Vans, как это убедительно показывает, было основано на признании со стороны Asa того, что Vans имели право придирааться и требовать удовлетворения за убийство Гульвейг-Хейд. Таким образом, спор, вызвавший войну между Асами и Ванами, был, наконец, решен в пользу последних, в то время как они, со своей стороны, после удовлетворения, восстановили Одина в его достоинстве вселенского правителя и отца богов.

(б) Гульвейг-Хейд-Ангербода, идентичная Аурбоде.

В Железном Лесу живет Ангербода вместе с великаном, которого зовут *гигджар хирдир*, страж и наблюдатель великанши. Он присматривает за ее замечательными стадами, а также охраняет меч, привезенный в Железный Лес. Это призвание дало ему эпитет Эгтер (*Egtherr—Völuspá*), что означает хранитель меча. Саксон говорит о нем как об Эгтерусе, союзнике финнов, искусном в магии, и Вождь *bjarmians*, столь же искусном в магии (ср. *Hist.*, 248, 249, с № 52, 53). Бьярмийцы и финны в Саксонии стали наследниками нечестивых жителей Етунхейма. Вилкинасага знает его под именем Этгейр, он присматривает за драгоценными орудиями труда в лесу Исунга. Этгейр - искажение Эгтера, а лес Исунга - воспоминание об *Исарнвидре*, *Исарнхо*, Железном Дереве. В "Вилкинасаге" он брат Видольфа. Согласно Хиндлулиоду, все вейлы из мифа происходят от Видольфа. Поскольку Гульвейг-Хейд-Ангербода - вождь всех валасов и учитель искусств, практикуемых валасами, это утверждение в Хиндлулджод заставляет нас вспомнить о ней особенно; и поскольку дочь Хримнира несколько раз рождалась и сжигалась, у нее также могло быть несколько отцов. Таким образом, среди них есть Видольф, чей характер, по описанию Саксона, хорошо подходит для такой дочери. Он мастер колдовства, а также искусен в искусстве врачевания. Но врачебное искусство он применяет таким образом, что те, кто обращается к нему за помощью, получают от него такие средства, которые приносят вред, а не пользу. Только угрозами можно заставить его творить добро своим искусством (*История.*, 323, 324). Таким образом, утверждение в "Вилкинасаге" по сравнению с утверждением в "Хинд"лулджод, по-видимому, указывает на близкое родство между Ангербодой и ее гардой для меча. Судя по всему, она дочь его брата.

В описании Вельуспой приближения Рагнарека пастух Эгтера Ангербоды изображен сидящим на холме — как пастух Аурбоды в *Скирнисфере*— и играющим на арфе, довольный тем, что должно произойти. О том, что великан, враждебный богам и являющийся стражем чужих стад, не играет идиллию на струнах своей арфы, не нужно говорить. Его посещает существо в облике красного петуха. Петух, говорит Волюспа, это *Фьяларр* (стр. 44).

Вот что сообщают нам языческие летописи о Фьяларе:[19]

- (а) Он тот же самый великан, которого Младшая Эдда (i. 144 и далее) называет Утгард-Локе. Последний - огненный гигант, *Loge's*, повелитель огня (Младшая Эдда, 152), причина землетрясений (Младшая Эдда, 144) и искусен в создании оптических иллюзий. Отождествление Фьялара с Утгард-Локе подтверждается Харбардсльёдом, стр. 26, где Тор по пути во Фьялар сталкивается с теми же приключениями, с которыми, согласно Младшей Эдде, он столкнулся по пути в Утгард-Локе.
- (б) Он такой же великан, как и тот, кого зовут Суттунг. Великана, у которого Один крадет скальдйскую медовуху и чью преданную дочь Гунлад он причиняет горькую печаль, в Хавамале называют иногда Фьялар, а иногда Суттунг (ср. строфы. 13, 14, 104, 105).
- (с) Фьялар - сын вождя огненных великанов, *Суртра*, и обитает в подземных долинах последнего. Полный отчет об этом в № 89. Здесь будет достаточно указать, что когда Один вылетает из жилища Фьялара со скальдическим медом, именно "из глубоких долин Сурта" он "летит с драгоценным напитком" (*хинн эр Суртс или секкдолум фармагнудр флюганди бар*, строфа Эйвинда, цитируемая в Младшей Эдде, стр. 242), и что этот напиток, пока он оставался у Фьялара, был "напитком расы Сурта". (*Сильгр Сурц эттар*, Fornms., iii. 3).
- (d) Фьялар вместе с Фростом принимает участие в нападении родственников Тьяссе и Скилфингов с Кургана Сварина на "страну глинистых равнин, на Джаравалл" (Волюспа, 14, 15; см. № 28, 32). Таким образом, он вступает в союз с силами мороза, которые являются врагами богов и которые стремятся завоевать тевтонские владения. Приближение зимы фимбул также сопровождалось землетрясением (см. № 28, 81).

Поэтому, когда Вельюспа заставляет Фьялара во время его визита к хранителю меча в Железном Лесу появиться в облике красного петуха, то это согласуется с природой Фьялара как огненного великана и как сына Сурта.

Сидел там хауги
за столом хаурпо
гигьяр хиртир
глэдр Эгтер.
Гол ум ханом
и галгвити
фагрраудр хани
са эр Фьялар хейтир (Победа, 41).

Красный петух с незапамятных времен был символом огня как разрушительной силы.

То, что Один делает против Фьялара — когда он крадет у него мед, который в мифе является самым ценным из всех напитков, и когда он обманул свою дочь, — рассчитано на то, чтобы пробудить в Фьяларе жажду мести и рано или поздно принести удовлетворение, лежит в самом духе тевтонской поэзии и этики, тем более что поступок Одина, хотя и совершенный из благих побуждений, был морально предосудительным. В чем заключалось поручение Фьялара

стражникам Ангербоды, видно из того факта, что вскоре после последней войны между богами и их врагами отец Фьялара, вождь огненных великанов Сурт, вооружен лучшим из мифических видов оружия - мечом, который принадлежал *валтими*, одному из богов Асгарда (*Völusp.*, 50) и который озаряет мир сиянием солнца. Знаменитый меч из мифа, тот, который Тьясс закончил с целью, враждебной богам (см. № 87 и в других местах), меч, спрятанный Мимиром (см. № 87, 98, 101), меч, найденный Свипдагом (см. № 89, 101, 103), меч, добытый через него Фреем, меч, подаренный Фреем Гимеру и Аурбоду в обмен на Герд, — этот меч снова встречается в конфликте Рагнарек, которым владеет Сурт, и становится причиной смерти Фрея (Волюспа), он будучи защищен сыном Сурта, Фьяларом, в Железном Лесу от меченосцев Ангербоды.

Гулли кейпта
лезту Гюмис дотур
от сельдира до сва сверта;
Энн эр Муспеллс синир
рида мирцвит с ифиром
вейцтой ту тха, весаллом, хве ту вегр (Лока., 42).

Этот отрывок не только говорит нам, что Фрей отдал свой меч в обмен на Герд родителям великанши, Гимеру и Аурбоду, но и дает нам понять, что эта сделка приведет к его смерти в Рагнареке. Этот выкуп невесты полностью описан в стихотворении Скирнисмаля, из которого мы узнаем, что боги крайне неохотно расстаются с безопасностью, которую несравненный меч обеспечил Асгарду. Они сдают, чтобы спасти жизнь бога урожая, который чахнет от тоски и беспокойства, но только после того, как гиганты отказались принять другие сокровища Асгарда, среди них драгоценное кольцо Драупнер, которое отец-Аса однажды возложил на лишенную пульса грудь своего любимого сына Бальдра. При приближении Рагнарека сын Сурта, Фьялар, отправляется в Железный Лес, чтобы принести своему отцу меч, от которого должен пасть Фрей, его бывший обладатель. Затем меч охраняется пастухом Ангербоды и, следовательно, принадлежит ей. Другими словами, меч, который Аурбода заманила Фрея отдать ей, теперь находится во владении Ангербоды. Это обстоятельство само по себе является очень веским основанием для их отождествления. Если бы не было никаких других доказательств их идентичности, кроме этого, разумное применение методологии все равно заставило бы нас принять эту идентичность, а не объяснять дело изобретением нового, нигде не подтвержденного мифа и, таким образом, передачей меча от Аурбоды другой великанше.

Когда мы теперь добавим важный факт в диспозицию этого дела, что зять Аурбоды, Фрей, требует от асов от имени ближайшего родственника компенсации за убийство и сожжение Гульвейг-Хейд-Ангербоды, тогда мне кажется, что не может быть никаких сомнений в отношении личности Аурбоды и Ангербоды, тем более, что все, что наши мифические фрагменты могут рассказать нам о жене Гимера, подтверждает теорию о том, что это одно и то же лицо. Аурбода, как и Гульвейг-Хейд-Ангербода, практиковала искусство волшебства: она одна из вейл мира злых великанов. Об этом нам рассказывает в строфе скальд *Рефр*, который называет ее "первозданной холодной валой Гимера" (*урсвол Гумис вельва*— Младшая Эдда, i. 326, 496). Ее можно было бы назвать "первобытным холодом" (*ursvöl*) из-за того факта, что огонь не смог пронзить ее сердце и превратить его в пепел, несмотря на тройное сожжение. При любых обстоятельствах процитированный отрывок сообщает нам, что она вала.

Но сохранились ли в наших мифических фрагментах какие-либо намеки на то, что Аурбода, подобно Гульвейг-Хейд-Ангербоде, когда-либо обитала среди богов в Асгарде? Асгард - это место, куда гигантам отказано в посещении. Исключений из этого запрета, должно быть, было очень мало, и мифы, должно быть, давали им веские основания. Мы знаем относительно появления Локи в Асгарде, что оно основано на обещании, данном ему отцом-Асой утром времени; и обещание было скреплено кровью (Локасенна, 9). Если теперь эта Аурбода, которая, как и Ангербода, является вала из расы великанов, и, как и Ангербода, является владелицей меча Фрея, и, как и Ангербода, является родственницей Ванов — если теперь та же самая Аурбода, в дальнейшем схожая с Ангербодой, была одной из, безусловно, очень немногих представителей класса великанов, которым было разрешено войти во врата Асгарда, то следует признать, что этот факт абсолютно подтверждает их идентичность.

Аурбода действительно жила в Асгарде. В этом нас убеждает стихотворение "Фьельсвинсмаль". Там рассказывается, что когда Свипдаг пришел к воротам Асгарда, чтобы найти Менглад-Фрейю, которой было суждено стать его женой (см. № № 96, 97), он увидел Менглада, сидящего на холме в окружении богинь, сами имена которых *Эйр*, *Бьерт*, *Блид* и *Фрид* говорят нам о том, что они богини более низкого или более высокого ранга. *Эйр* - асинья искусства врачевания (Младшая эдда, i. 114). *Бьерт*, *Блид* и *Фрид* - воплощения великолепия, доброжелательности и красоты. Они могущественные существа и могут оказать помощь в беде всем, кто им поклоняется (Fjolsv., 40). Но посреди этого круга дисов, окружающих Менглада, Свипдаг также видит Аурбоду (Fjolsv., 38).

Над ними Свипдаг видит дерево Мимера — мировое древо (см. № 97), раскидывающее свои всеобъемлющие ветви, на которых растут плоды, которые успокаивают *келисджукар конур* и облегчают детям человеческим вступление в земную жизнь (Fjolsv., 22). Менглад-Фрейя, как мы знаем, богиня любви и плодородия, и именно Фригг и ее призвание распоряжаться этими плодами по назначению.

Вельсунгасаге сохранились записи об этих плодах и о дочери-великанше, которая была допущена в Асгард в качестве служанки богинь. Король и королева долгое время были женаты, так и не обзаведясь детьми. Они молили богов о наследнике. Фригг услышала их молитвы и послала их в облике вороны, дочери великана Хримнера, великанши, которая была принята в Асгарде как "исполнительница желаний" Одина. Дочь Хримнера взяла с собой яблоко, и когда королева съела его, прошло совсем немного времени, прежде чем она поняла, что ее желание сбудется (Волсунгасага, стр. 1, 2). Дочь Хримнера, как мы знаем, Гульвейг-Хайд.

Таким образом, на вопрос, жил ли когда-либо Аурбода в Асгарде, дается утвердительный ответ. Мы обнаружили ее, хотя она и дочь великана, в кругу вокруг Менглад-Фрейи, где она занимала подчиненное положение служанки. В то же время мы обнаружили, что Гульвейг-Хейд в течение некоторого времени занималась в Асгарде занятием точно такого же рода, как и то, что относится к служению богине плодородия. Таким образом, сходство между Аурбодой и Гульвейг-Хейд не ограничивается тем фактом, что они, хотя и были великаншами, жили в Асгарде, но работали там точно так же.

Демонстрацию того, что Гульвейг-Хейд-Ангербода идентична Аурбоде, теперь можно считать завершенной. Об одной, как и о другой, рассказывается, что она была вала из расы великанов, что она, тем не менее, некоторое время жила в Асгарде и была там нанята Фригг или Фрейей на службу плодородию, и что она владела мечом, который ранее принадлежал Фрею и от которого

Фрей должен пасть. Аурбода - теща Фрея, следовательно, его близкий родственник; и, должно быть, именно от имени близкого родственника Фрей и Ньерд потребовали удовлетворения от Асов, когда последний убил Гульвейг-Хейд. При таких обстоятельствах совершенно невозможно с методологической точки зрения рассматривать их иначе, чем идентичными. Мы должны учитывать, что почти все мифические персонажи полиномичны и что тевтонская мифология, особенно из-за своей поэтики, отягощена высокоразвитой полиномией.

Но относительно личности Гульвейг-Хайд и Аурбоды есть и другие доказательства, которые для полноты картины мы не будем опускать.

Что касается самих имен Гульвейг и Аурбода, то одно может служить перефразированием другого. Первая часть названия *Аурбода*, *аур* многих значений, может быть отнесена к *эйрир*, ср. *aurar*, что означает драгоценный металл и, как полагают, заимствовано из латинского *aurum* (золото). Таким образом, *Чайка* и *Аур* соответствуют друг другу. Точно так же *вайг* в Гульвейг может соответствовать *боде* в *Аурбоде*. *Вайг* означает бродящую жидкость. *Бода* имеет два значения. Это может быть женская форма *bodi*, означающая бродящую воду, пену, вспенивание. В скандинавской литературе нет других имен, составленных из *бода*, кроме *Аурбода* и *Ангрбода*.

Инглингасага[20] (глава 4) повествует о предании, согласно которому *Фрейя кенди первой совершила мед Асум сейд*, что Фрейя была первой, кто практиковал колдовство в Асгарде. Нет никаких сомнений в том, что это утверждение верно. Ибо мы видели, что Гульвейг-Хейд, волшебнице и распространительнице колдовства в древности, удалось получить допуск в Асгард, и что Аурбода

упоминается как особо принадлежащий к кругу служащих дисе, которые посещали Фрейю. Поскольку эта великанша была так ревностна в распространении своего злого искусства среди жителей Мидгарда, было бы странно, если бы миф не заставил ее, после того как она завоевала доверие Фрейи, попытаться предать ее, заставив заниматься тем же искусством. Несомненно, Велуспа и Саксон ссылаются на Гульвейг-Хайд-Аурбоду, когда говорят, что Фрейя через какого-то вероломного человека из числа ее приближенных была предана в руки великанов.

В своем историческом рассказе о том, как Фрейя (*Сирита*) была похищена из Асгарда и попала к великанам, но впоследствии была спасена от их власти, Саксон (*История.*, 331; ср. № 100) рассказывает, что женщина, которая была тайно связана с великаном, преуспела в ее благосклонности и некоторое время выполняла обязанности служанки в ее доме; но это она сделала для того, чтобы хитростью выманить ее из ее безопасного дома в место, где лежал великан. подкараулил и увез ее в глубь своей горной страны. (*Gigas fæminam subornat, quæ cum obtenta virginis familiaritate, ejus aliquamdiu pedissequam egisset, hanc tandem a paternis procul penatibus, quæsita callidius digressione, reduxit; quam ipse mox irruens in arctiora montanæ crepidinis septa devexit.*) Таким образом, Саксон сообщает нам, что среди приближенных Фрейи была женщина, которая предала ее, и что эта женщина была связана с миром великанов, враждебным богам, в то время как она занимала место доверенной служанки у богини. Аурбода - единственная женщина, связанная с великанами, в отношении которой наши мифические записи сообщают нам, что она занимала такое положение при Фрейе; и поскольку характер Аурбоды и ее роль, сыгранные в эпосе мифа, соответствуют такому акту измены, нет оснований

предполагать саму возможность того, что предателем Фрейи мог быть кто-то другой, кто не упоминается и не известен.

С этим важно сравнить Вельуспу, 26, 27, где не только упоминается тот факт, что Фрейя попала во власть гигантов через предательство, но и сообщается нам, как была наказана измена:

Это генго регин олл
раукстола,
бог гинхейлога,
который добрался до
хверири хефди лопта альта
леви бландита,
эта иотунс
От мэй гефны
торр эйн тар ва
трунгин моди,
ханн сиалдан ситр
эр ханн слайт ум фрегн.

Эти строки о Вельуспе находятся в Региональном кодексе в непосредственной связи с процитированными выше строками, в которых говорится о Гульвейг-Хейд и о войне, развязанной ею между асами и ванами. Они сообщают нам, что боги собрались на торжественный совет, чтобы выяснить, "кто наполнил весь воздух злом" или "кто отдал Фрейю расе великанов"; и что человек, признанный виновным, был немедленно убит Тором, который разгневался сильнее всего.

Теперь, если этот человек - Гульвейг-Аурбода, то из этого следует, что она получила смертельный удар от молота Тора, прежде чем асы предприняли общую безуспешную попытку превратить ее тело в пепел. Мы также находим в другом месте наших мифических записей, что чрезвычайно опасную женщину постигла именно такая судьба. Там ее зовут *Гиррокин*. В строфе Торбьерна Дисарскальда, сохранившейся в Младшей Эдде, говорится, что *Гиррокин* была одной из великанш, убитых Тором. Но само название *Хиррокин*, которое, должно быть, является эпитетом великанши, известной под каким-то другим, более распространенным именем, указывает на то, что были предприняты некоторые усилия, достойные упоминания в мифе, чтобы сжечь ее, но в результате этих усилий она была закопчена (*рект*), а не сожжена; поскольку эпитет *Хиррокин* означает "копченая огнем". Для тех, кто знаком с содержанием мифа, этот эпитет считался достаточно ясным, чтобы указать, о ком идет речь. Следовательно, если это не следует рассматривать как неудачный и вводящий в заблуждение эпитет, то он должен относиться к трижды напрасно сожженной Гульвейг. Все, что мы узнаем о *Хиррокин*, подтверждает ее идентичность с Аурбодой. В символично-аллегорическом произведении искусства, которое к концу десятого века украшало зал в Хьярдархольтеи о котором я дам более полный отчет в другом месте, шторм, который со стороны суши унес корабль Бальдра в море, представлен великаншей Гиррокин. В том же качестве великанши-шторма, уносящей моряков в океан, появляется жена Гимера, Аурбода, в стихотворении *Рефра*;

Færir björn, thar er bára
brestr, undinna festa,

Выбор за кьоптой
урсвелом Гимисом вельвы.

"Древне-холодная вала Гимира часто несет корабль среди разбивающихся волн в пасть Эгира". Гимер, муж Аурбоды, олицетворяет в физической интерпретации мифа восточный ветер, дующий из Железного Дерева. С другой стороны Эйстрасалта (Балтийского моря) Гимер поет свою песню (Инглингасага, 36); и тот же шторм принадлежит Аурбоду, ибо Эгир, в пасть которого она загоняет корабли, - это великий открытый западный океан. То, что Аурбода олицетворяет бурю с востока, находит свое естественное объяснение в ее отождествлении с Ангербодой "старой", которая живет в Железном Лесу на крайнем востоке, "*Austr byr hin alldna i iarnvithi*" (Völusp.).

Результатом исследования является то, что *Гульвейг-Хейдр*, *Аурбода* и *Ангрбода* - разные имена для разных ипостасей трижды рожденного и трижды сожженного, и что *Хиррокин*, "копченный огнем", является эпитетом, общим для всех этих ипостасей.

36.

МИРОВАЯ ВОЙНА (*продолжается*). НАРУШЕНИЕ МИРА Между ASAS И VANS. ФРИГГ, СКЕЙД И УЛЛЬ В КОНФЛИКТЕ. ОСАДА АСГАРДА. ПЛАМЯ ВАФЕР. ЗАЩИТА И ОКРЕСТНОСТИ АСГАРДА. ПОБЕДА ФУРГОНОВ.

Когда асы отказались выплатить компенсацию за убийство Гульвейг, и когда Один, метнув свое копье, указал, что мирный договор между ним и ванами разорван, последние покидают зал собраний и Асгард. Это очевидно из того факта, что впоследствии они возвращаются в Асгард и атакуют цитадель клана Аса. Боги теперь разделены на два враждебных лагеря: с одной стороны, Один и его союзники, среди которых Хеймдал (см. № 38, 39, 40) и Скади; с другой - Ньерд, Фригг (Саксон, *Hist.*, 42-44), Фрей, Улль (Саксон, *Hist.*, 130, 131), Фрейя и ее муж Свипдаг, помимо всего этого клана божеств, которые не были приняты в Асгарде, но принадлежат к расе Ванов и живи в Ванахейме.

Что касается Скади, то разрыв между богами, похоже, дал ей возможность развестись с Ньердом, с которым она жила не в хороших отношениях. Согласно утверждениям, содержащимся в мифах, дочь Тьясса и он сам были слишком разными по характеру, чтобы жить в мире вместе. Саксон (*История*, 53 и далее) и Младшая Эдда (стр. 94) сохранили запись песни, в которой описываются их разные вкусы в отношении дома и окружения. Скади любила Тримхейм, скалистую родину своего отца Тьясса, по чьим заснеженным равнинам она любила бегать на лыжах и рубить диких зверей своими стрелами; но когда Ньерд провел девять дней и девять ночей среди гор, ему надоели скалы и вой волков, и он затосковал по пению лебедей на берегу моря. Но когда Скади пошла с ним туда, она не смогла долго выносить, что каждое утро ее будит крик морских птиц. В "Гримнисмале, 11" говорится, что Скади "сейчас" занимает "древний дом" своего отца в Тримхейме, но Ньерд там не назван. В строфе Торда Сьярексона (Младшая Эдда, 262) мы читаем, что Скади так и не стала преданной богу Ване (*nama snotr una godbrúdr Vani*), а Эйвинд Скальда-спиллер рассказывает в *Haleygjatal*, что было время, когда

Один обитал в *Манхейме* вместе со Скади и родил от нее множество сыновей. Под *Манхеймаром* подразумевается та часть мира, которая населена человеком; то есть Мидгард и нижний мир, где также обитает раса *менскир менн* (см. № № 52, 53, 59, 63), а топографическим аналогом этого слова является *Асгард*. Таким образом, должно быть, после своего изгнания из Асгарда, когда он был разлучен с Фригг и нашел убежище где-то в *Манхеймаре*, Один взял Скади в жены. Ее эпитет в *Гримнисмале*, *скир брудр года*, также, по-видимому, указывает на то, что у нее были супружеские отношения более чем с одним из богов.

Пока Один отсутствовал и был свергнут с поста правителя мира, Улль занимал столь важное положение среди правящих ванов, что, согласно традиции, сохранившейся у саксов, они возложили на него задачу и почести, которые до того времени принадлежали Одину (*um ... Ollerum quendam non solum in regni, sed etiam in divinitatis infulas subrogavere—Hist.*, 130). Это объясняется тем фактом, что Ньерд и Фрей, хотя и *валтивары* и храбрые воины, когда их призывают, по самой своей природе являются богами мира и покровителями богатства и сельского хозяйства, в то время как Улл по своей природе воин. Он искусный лучник, превосходит на дуэли и *гефир германнов атгерви* (Младшая Эдда, i. 102). Также после примирения между Асами и ванами пасынок Тора Улль занял высокое положение в Асгарде, что, по-видимому, подтверждается словами Одина в "Гримнисмале, 41" (*Уллар хилли ок алла гóда*).

Из мифических рассказов о ситуации и окружении Асгарда мы можем заключить, что осада ванов была нелегкой задачей. Дом асов окружен атмосферным океаном, сильные течения которого затрудняют доплыв до него мифическим лошадям (см. № № 65, 93). Следовательно, мост Бифрост не является излишним, но это та связь между нижними мирами и Асгардом, которой боги пользуются ежедневно, и которая должна быть захвачена врагом, прежде чем великий кордон, окружающий сияющие чертоги богов, может быть атакован. Стена построена из "ветвей Лербримера" (*Fjolsv.*, 1) и построена ее архитектором таким образом, что является надежной защитой от горных великанов и ледяных великанов (Младшая Эдда, 134). В стене есть ворота, чудесно выполненные братьями-художниками, сыновьями "Солблинде" (*Валгринд—Grimnism.*, 22; *тримджелл—Фьельсвимсм.*, 10). Мало кто понимает, что такое замок на этих воротах, и если кто-нибудь уберет его с положенного места в проеме стены, где он преграждает путь тем, кто не имеет права входить, тогда сами ворота станут цепью для того, кто попытался это сделать (*Forn er su grind, enn that fáir vito, hor hve er i lás um lokin—Grimn.*, 22. *Фьетур фастр вердр вид фаранда хверн эр хана хефр фрайди—Фьельс В.*, 10).

За пределами очень высокого кордона Асгарда и вокруг него протекает быстрая река (см. Ниже), ров цитадели. Над водоворотами ручья плывет темный, сияющий, воспламеняющийся туман. Если его поджечь, он взрывается пламенем, трепещущие языки которого поражают своих жертв с безошибочной уверенностью. Это *ваферлоге*, "бушующее пламя", "быстрый огонь", воспетый в древних песнях — *вафрлоги*, *вафрейди*, *скьот-бринни*. Именно этот огонь боги разожгли вокруг Асгарда, когда увидели приближающегося Тьясса в обличье орла. В нем их непримиримый враг сжег свои крылья и упал на землю. В стихотворении Тьодольфа "Хаустлаунг" говорится, что, когда Тьяссе приблизился к цитадели богов, "боги зажгли быстрый огонь и заострили свои дротики" — *Хофу скьот; эн скофу скепт; гиннрегин бринна*. "Быстрый огонь", *скьот-бринни*, - это *ваферлоге*.^[21]

Материал, из которого состоит воспламеняющийся туман, называется "черный блеск ужаса". Это *или одауком*; то есть, *офдауком огнара лиомы* (Fafn., 40) (ср. *миркван вафрлога*—Скирн., 8, 9; Fjolsv., 31). О нем говорят, что оно "мудрое", что подразумевает, что оно сознательно нацелено на того, для уничтожения кого оно зажжено.

Как можно создать воду, которая испаряет темный, легко воспламеняющийся туман, мы находим объяснение в Thorsdrapa. Гроза - это "буря ваферфайра", а Тор - "правитель колесницы ваферфайр-шторма" (*вафрейда хреггс хуфстьери*). Таким образом, грозовая туча содержит воду, которая испаряет темный материал для молнии. Темный металлический цвет, характерный для грозовой тучи, считался исходящим от того самого материала, который является "черным ужасающим блеском", из которого образуется молния. Когда Тор расщепляет облако, он отделяет две составные части, воду и вафермист; первая падает дождем, вторая воспламеняется и уносится прочь быстрым, грызущимся, зигзагообразным пламенем — ваферфайрами. То, что они "мудры", было распространенным арийским верованием. Они не действуют вслепую, но знают свою цель и никогда ее не упускают.

Таким образом, река, пенящаяся вокруг Асгарда, берет свое начало в грозовых облаках; не таких, какими мы их находим после того, как они были расколоты Тором, а таких, какими они были изначально, наполненных небесной водой, которая испаряет вафермист. Все воды — подземные, земные и небесные — берут свое начало в великом подземном фонтане Хвергельмер. Оттуда они приходят и туда же возвращаются (Грим., 26; см. № 59, 63, 33). Воды Хвергельмера всасываются северным корнем мирового дерева; они поднимаются по его стволу, распространяются по ветвям и листьям и испаряются из его кроны в резервуар для воды, расположенный на вершине Асгарда, *Эйктирнир*, в Гримнисмале, ул. 26, символизируемый "оленом"^[22] который стоит на крыше чертога Одина и из чьих рогов воды стекают в Хвергельмер. *Эйктирнир* - это большой небесный резервуар для воды, который собирает и выпускает грозовую тучу. В этом резервуаре берет начало река Асгард, и, следовательно, она состоит не только из пенящейся воды, но и из воспламеняющихся веществ

вафермисты. В качестве разрядника грозовой тучи танк называется *Эйктирнир*, дубовое жало. Дубы, пораженные молнией, не являются чем-то необычным. Согласно распространенному мнению, основанному на наблюдениях, дуб - это то дерево, в которое чаще всего попадает молния.

Но Асгард - не единственная цитадель, окруженная вафермистами. Они также были найдены в доме, где обитали великан-гроза Гимер и великанша-гроза Аурбода, волшебница, знающая все секреты Асгарда, в то время, когда Фрей послал Скирнера просить руки их дочери Герд. Эпосы, которые в их нынешнем виде восходят к христианским временам, заставляют гореть факелы вокруг замков, где дремлют богини, уколотые сонными шипами. Это верование более поздней эпохи.

Согласно мифу, перебраться через пламя вафер невозможно для тех, у кого нет определенного мифического коня для верховой езды — вероятно, Слейпнера, восьминогого скакуна отца-Аса, который является лучшим из всех коней (Grimn., 44). Качество этого скакуна, которое позволяет ему переносить своего всадника невредимым через пламя *vaferflame*, делает его незаменимым при преодолении этого препятствия. Когда Скирнер должен отправиться в путешествие Фрея по

ухаживанию за Герд, он просит для этой цели *мар танн эр мик ум миркван бери висан вафрлога*, и ему разрешают ехать на нем во время путешествия (Скирн., 8, 9). Соответственно, этот конь, должно быть, находился во владении ванов, когда они завоевали Асгард, и это предположение подтверждается тем, что будет изложено ниже. (В великом эпосе конь Сигурда Грейн создан для того, чтобы унаследовать качества этого божественного коня.)

На внешней стороне реки Асгард, прямо напротив ворот Асгарда, находятся выступающие валы (*форгардир*) для защиты подъемного моста, который через отверстие в стене можно опустить через реку (см. Ниже). Когда Свипдаг направился к обители Менглада в Асгарде, он сначала пришел в этот *форгардир* (Fjöls., i. 3). Там его приветствует стража цитадели, и оттуда он может мельком увидеть через ворота все великолепие, которое скрыто за высокими стенами цитадели.

За рекой Асгард есть поля с рощами и перелесками (Младшая Эдда, 136, 210).

Фрагменты мифов, сохранившиеся в исландских записях, дают нам очень мало информации о событиях войн, которые велись вокруг Асгарда, хотя они, должно быть, были излюбленными темами языческого скальдического искусства, которое здесь имело возможность характерным образом описать всех участвующих в них богов и изобразить не только их различные характеры, но также их разнообразное оружие, снаряжение и лошадей. Что касается оружия нападения, мы должны помнить, что Тор в начале конфликта лишен помощи своего великолепного молота: он был сломан победным мечом Свипдага (см. № 101, 103) — момент, который мифу было необходимо принять, иначе ваны вряд ли могли быть представлены как завоеватели. Нет в распоряжении Фургонов и вышеупомянутого меча: он уже находится во власти Гимера и Аурбоды. Неотразимое оружие, которое чисто механическим способом решило бы исход войны, было уничтожено заранее, чтобы самилюди, с их разнообразными воинственными качествами, могли выйти на передний план и решить судьбу конфликта героизмом или благоразумием, предвидящей мудростью или слепой отвагой. В этой войне ваны особенно отличились благодаря мудрой и хорошо просчитанной стратегии. Об этом мы узнаем из "Велуспы", где она заставляет последних победителей покорять Асгард с помощью *вигслы*, то есть предвидения, применяемого в воинственных целях (стр. 26). Асы, как и следовало ожидать от храбрых сыновей Одина, особенно отличились своей силой и отвагой. Запись об этом содержится в словах Торбьерна Дисарскальда (Младшая Эдда, 256).

Тор хефир Иггс мед арум
Асгард из трека вардана.

"Тор и люди из клана Одина защищали Асгард с неукротимой отвагой".

Но по численности они, должно быть, намного уступали своим врагам. Просто то обстоятельство, что Одину и его людям пришлось ограничиться защитой Асгарда, показывает, что почти все другие божества различных рангов вступили в союз с его врагами. Правитель нижнего мира (Мимер) и Хонер — единственные, о ком можно сказать, что они остались верны Одину; и если мы можем доверять традиции Хеймскрингла, которая передается как история и сильно искажена, то Мимер лишился жизни в попытке посредничества между соперничающими богами, в то время как он и Хонер находились в заложниках у ванов

(инглинги., гл. 4). Наконец Асгард был завоеван. Вельуспа, стр. 25, рассказывает о последней катастрофе:

бротин вар бордвегр
боргар аса
кнатто ванир вигспа
волло спорна.

Разрушен был бастион
асабурга;
Благодаря воинственной осмотрительности
фургоны смогли
пройти по его полям.

Слова Велуспы, по-видимому, указывают на то, что ваны взяли Асгард с помощью стратегии; и это подтверждается источником, который будет процитирован ниже. Но для осуществления плана, который в основном включал в себя поиск средств для пересечения пламени, разожженного вокруг цитадели, и для открытия ворот Асгарда, требовалась не только хитрость, но и мужество. Миф отдал честь этого предприятия Ньерду, главе клана ванов и командующему их войсками. Это ясно из процитированного выше отрывка: *Njordr klauf Herjans hurdir* - "Ньерд распахнул двери Одина", который следует сравнить с поэтическим пересказом слова battle— ахе: *Gauts megin-hurdar galli* — "разрушитель великих врат Одина", — парафраза, указывающая на то, что Ньерд распахнул ворота Асгарда боевым топором. Вывод, который следует сделать из этих высказываний, подтверждается рассказом, с которого начинается шестая книга Саксона, и который, несомненно, является фрагментом мифа о завоевании Асгарда ванами, искаженного и пересказанного как история.

Саксон переносит событие во времена правления короля Фридлева II. Здесь следует отметить, что каждое важное утверждение, сделанное Саксоном об этом Фридлевусе, при ближайшем рассмотрении оказывается взятым из мифа о Ньерде.

В то время, по словам Саксона, было двенадцать братьев, отличавшихся мужеством, силой и прекрасной физической внешностью. Они "широко прославились гигантскими триумфами". Их трофеям и богатствам многие народы платили дань уважения. Но источник, из которого Саксон получил информацию о конфликте Фридлевуса с ними, упомянул не более семи из этих двенадцати, и из этих семи Саксон называет имена. Их называют Бьорн, Асбьорн, Гунбьорн и т. Д. Во всех именах встречается эпитет бога Аса Бьорна.

У братьев были союзники, говорит далее Саксон, но в тот момент, когда начинается рассказ, они были покинуты ими, и по этой причине они были вынуждены запереться на острове, окруженном самым бурным потоком, который падал с выступа очень высокой скалы, и вся поверхность которого блестела от бушующей пены. Остров был укреплен очень высокой стеной (*præaltum vallum*), в которой были построены замечательные ворота. Он был построен таким образом, что петли располагались у самой земли между сторонами проема в стене, так что поворачивающиеся на нем ворота можно было опускать с помощью движения, регулируемого цепями, образуя мост через ручей.

Таким образом, ворота одновременно являются подъемным мостом того типа, с которым германцы познакомились во время войны с римлянами еще до Тацита (ср. *Летопись*., iv. 51, с iv. 47). Внутри укрепления находилась в высшей степени странная лошадь, а также удивительно сильная собака, которая раньше сторожила стада гигантских офов. Конь славился своими

размерами и скоростью, и это был единственный скакун, на котором всадник мог пересечь бушующий поток вокруг островной крепости.

Король Фридлевус сейчас окружает эту цитадель своими войсками. Они расположены на некотором расстоянии от цитадели, и вначале осада не дает ничего, кроме того, что осажденным мешают совершать вылазки на окружающую территорию. Цитадель не может быть взята до тех пор, пока вышеупомянутый конь не попадет во власть Фридлевуса. Бьорн, владелец лошади, совершает вылазки из цитадели, и при этом он не всегда проявлял достаточную осторожность, потому что однажды, когда он был на внешней стороне ручья и отошел на некоторое расстояние от своей лошади, он попал в засаду, устроенную Фридлевусом. Он спас себя, бросившись сломя голову по мосту, который был натянут у него за спиной, но драгоценный конь стал добычей Фридлевуса. Это, конечно, было серьезной потерей для осажденных и, должно быть, значительно уменьшило их чувство безопасности. Тем временем Фридлевус сумел уладить дело таким образом, что авария скорее ублажала их, убедив в повышенной безопасности. Следующей ночью братья нашли свою лошадь, живую и невредимую, на острове. Следовательно, она, должно быть, переплыла обратно через ручей. И когда впоследствии было обнаружено, что мертвое тело человека, одетого в сверкающие одежды Фридлевуса, плавало в водоворотах ручья, они сочли само собой разумеющимся, что сам Фридлевус погиб в ручье.

Но реальные факты были таковы: Фридлевус в сопровождении единственного спутника ночью выехал из своего лагеря к реке. Там пришлось пожертвовать жизнью его товарища, чтобы осуществить план короля. Фридлевус обменялся одеждой с мертвецом, который в великолепных одеждах короля был брошен в ручей. Тогда Фридлевус пришпорил захваченного им коня и поскакал через водовороты ручья. Благополучно миновав это препятствие, он отпустил лошадь, взобрался по лестнице на стену, прокрался в зал, где обычно собирались братья, спрятался под выступом над дверью в зал, подслушал их разговор, увидел, как они отправились на разведку острова, и увидел, как они вернулись, уверенные, что никакой опасности поблизости нет. Затем он подошел к воротам и позволил им упасть поперек ручья. Ночью его войска продвинулись к цитадели, и когда они увидели, что подъемный мост опущен и путь открыт, они ворвались в крепость и захватили ее.

Тот факт, что здесь мы имеем дело с трансформацией мифа, повествующего о том, как Ньерд во главе ванов завоевал Асгард, очевиден из следующих обстоятельств:

(a) Победитель - Фридлевус. Большая часть того, что Саксон рассказывает об этом Фридлевусе, как уже говорилось, взята из мифа о Ньерде и рассказана как история.

(b) Согласно Саксону, братьев изначально было двенадцать, что является устоявшимся числом членов клана Одина: его сыновей и усыновленных богов-Асов. Но когда происходит осада, о которой идет речь, Саксон находит в своем источнике только семь из двенадцати упомянутых заключенных в цитадели, осажденной Фридлевусом. Причину уменьшения их числа следует искать в том факте, что принятые боги — Ньерд, Фрей и Улль — покинули Асгард и фактически идентичны лидерам осаждающих. Если мы также вычтем Бальдра и Хедра, которые на момент события были мертвы и перенеслись в нижний мир, то мы оставим заданное число семь. Имя Бьорн, которое они все носят, является эпитетом Аса (Младшая Эдда, i, 553). У братьев раньше были союзники, но они отказались от них (*дефицит в обществе*), и именно по этой причине они должны запереться в своей цитадели. У асов были ваны и другие божественные силы в

качестве союзников, но они покидают их, и Асы должны защищаться на своей собственной укрепленной территории.

(c) До этого братья прославились экстраординарными подвигами и пользовались не менее экстраординарной властью. Они блистали благодаря своему *гигантскому триумфу*— двусмысленное выражение, которое отсылает к мифическим сагам о победах асов над великанами Йотунхейма (*gigantes*), и народы подчинялись им как победителям и обогащали их сокровищами (*trophæis gentium celebres, spoliis locupletes*).

(d) Остров, на котором они заключены, укреплен, подобно цитадели Аса, чрезвычайно высокой стеной (*præaltum vallum*) и окружен ручьем, который перейти невозможно, если у кого-то нет лошади, которая есть у братьев. Асгард окружен полосой рек, покрытых огненным потоком, который невозможно пересечь, если у человека нет того единственного коня, который *ум миркван бери висан вафрлога*, и он принадлежит Асам.

(e) Поток, который с ревом течет вокруг крепости братьев, приходит *саммитным потоком какуминибуса*. Поток Асгарда исходит от собирателя грозовой тучи, *Эйктинира*, который стоит на вершине мира богов. Разгоревшееся пламя, которое не подходило для исторического повествования, Саксон объясняет как *spumeus candor*, пенящуюся белизну, сияющую пену, которая равномерными, вихревыми волнами повсюду кружится на поверхности ручья (*умоговый отчет undis uniformiter turbidatis spumeus ubique candor exuberat*).

(f) Единственная лошадь, которая смогла пробежать сквозь сверкающую и клубящуюся пену, явно является одной из мифических лошадей. Он назван вместе с другим вундеркиндом из мифологического царства животных, а именно ужасной собакой великана Оффотеса. Является ли это воспоминанием о *Фенрире*, который некоторое время хранился в Асгарде, или о собаке-волке Одина *Фреки*, или о каком-то другом подобном животном из саг, мы сейчас решать не будем.

(g) Точно так же, как у Асгарда есть искусно сделанные ворота, так же есть и у цитадели братьев. Описание ворот Саксоном подразумевает, что любой человек, который не знает их характера как подъемного моста, но прикладывает сильные руки к механизму, удерживающему их в вертикальном положении, падает и оказывается раздавленным ими. Это объясняет слова Фьельсвиннсмала о воротах в цитадель, внутри которой обитает Фрейя-Менглад: *Фьетуррр фастр вердр вид фаранда хверн, эр хана хефр фрахлиди*.

(h) В мифе именно Ньерд устраняет препятствие, "великие врата Одина", поставленные на его пути. По словам Саксона, тот же подвиг совершает и сам Фридлевус.

(i) В повествовании Саксона возникает невероятность, которая объясняется тем фактом, что он превратил миф в историю. Когда Фридлевус оказывается в безопасности на другой стороне ручья, он приставляет лестницу к стене и взбирается по ней. Откуда он взял эту лестницу, которая, должно быть, была колоссальной, поскольку стена, через которую он перебрался таким образом, называется *præaltum*? Мог ли он взять его с собой на спине лошади? Или осажденные сами поставили его у стены в качестве дружеской помощи врагу, у которого уже было единственное средство для переправы через ручей? Оба предположения одинаково невероятны. Саксону пришлось прибегнуть к помощи лестницы, поскольку он не мог, не повредив "историческому" характеру своего рассказа, повторить вероятное описание события в мифе. Лошадь, которая может проскакать галопом сквозь бушующее пламя, может также

перепрыгнуть через самую высокую стену. Способности Слейпнера в этом направлении демонстрируются в рассказе о том, как он с Хермодом в седле перепрыгивает через стену в высокий зал Бальдра в нижнем мире (Младшая Эдда, 178). Непроходимость стены Асгарда ограничена горными великанами и ледяными великанами; для бога, ехавшего на коне Одина, стена не была препятствием. Несомненно, в мифе также говорится, что асы, после того как Ньерд перепрыгнул через стену и отыскал вышеупомянутое место укрытия, снова нашли за стеной своего драгоценного коня, который недавно стал добычей врага. А где еще они могли его найти, если мы считаем, что ручей с бьющимся пламенем бьется у самого подножия стены?

Наконец, следует добавить, что наши мифы не рассказывают ни о какой другой осаде, кроме той, которой подвергся Асгард со стороны ванов. Если упоминались другие осады, они не могли иметь такого же значения, как эта, и, следовательно, они не могли так легко оставить следы в мифических традициях, адаптированных к истории или героической поэзии; также историзированный отчет о мифической осаде, которая не касалась Асгарда, не мог сохранить указанные здесь моменты, которые согласуются с историей осады Асгарда.

Когда цитадель богов захвачена, боги, как мы видели, снова оказываются во владении скакуном, который, судя по его качествам, должен быть Слейпнером. Таким образом, у Одина есть средство убежать от врага после того, как всякое сопротивление оказалось невозможным. У Тора есть его грохочущая колесница, в которой, согласно Младшей Эдде, есть место для нескольких человек, кроме владельца, а у других асов великолепные лошади (гимнизм., Младшая Эдда), хотя они и не равны коням их отца. Асы отказываются от своего трона власти, и ваны теперь берут на себя правление миром.

37.

МИРОВАЯ ВОЙНА (*продолжение*). ЗНАЧЕНИЕ КОНФЛИКТА С РЕЛИГИОЗНО-РИТУАЛЬНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ.

Что касается значения смены администрации в мире богов, Саксон сохранил традицию, которая представляет немалый интерес. То обстоятельство, что Одину и его сыновьям пришлось отказаться от правления миром, не означало, что человечество должно отказаться от своей веры в старых богов и принять новую религию. До сих пор асам и вanam поклонялись совместно. Теперь, когда Один был свергнут, его имя, почитаемое народами, не должно было быть стерто с лица земли. Имя было дано Уллу, и, как если бы он действительно был Одним, он должен был принимать жертвы и молитвы, которые до сих пор были адресованы изгнанному (*Hist.*, 130). Древняя вера должна была сохраняться, и этот сдвиг не касался ничего, кроме человека; смены религии не было. Но в связи с этой информацией мы также узнаем из другого высказывания Саксона, что миф о войне между асами и ванами был связан с традициями, касающимися конфликта между различными взглядами верующих в тевтонскую религию относительно подношений и молитв. Первая точка зрения была более ритуальной и требовала уделять больше внимания жертвоприношениям. Эта точка зрения, похоже, взяла верх после изгнания Одина. Утверждалось, что жертвоприношения и гимны, обращенные одновременно к нескольким или всем богам, не обладают эффективностью умиротворения разгневанных божеств, но что каждому из богов должно быть совершено отдельное жертвоприношение (Саксон, *История.*, 43). Результатом этого было, конечно, увеличение числа жертвоприношений и более высокоразвитый ритуал, который по самой своей природе мог создать у германцев ту же иерархию, которая возникла в результате избытка жертвоприношений у их арийско-азиатских

сородичей. Правильность утверждения Саксона полностью подтверждается строфой 145 в "Хавамале", которая отстаивает противоположную и несравненно более умеренную точку зрения в отношении жертвоприношений. Эта точка зрения, согласно строфе, исходила из уст самого Одина. Он призван провозгласить это людям "после возвращения к своей древней власти".

Betra er obethit
en se ofblothit
ey ser til gildis giof;
betra er osennt
enn se ofsóit.
Sva thundr um reist
fyr thiotha rauc,
thar hann up um reis
er hann aprtr of kom.

Выражение "*тар ханн ап ум рейс, эр ханн аптер кома*" относится к тому факту, что Один на некоторое время был отстранен от управления миром, но вернулся, и что затем он провозгласил людям точку зрения относительно реальной ценности молитв и жертвоприношений, изложенную в этой строфе. Отсюда следует, что до того, как Один вернулся на свой трон, согласно мифу, была распространена другая, более строгая доктрина в отношении жертвоприношений. Это именно то, что говорит нам Саксон. Трудно удержаться от вопроса, не скрывается ли в этих утверждениях историческая реминисценция. Не может ли это быть свидетельством противоречивых взглядов внутри тевтонской религии — взглядов, представленных в мифе богами Вана, с одной стороны, и асами, с другой? Взгляды Вана, как я понимаю, представляли тенденции, которые, если бы они победили, привели бы к иерархии, в то время как доктрина Аса представляла тенденции верующих в освященный веками арийский обычай тех, кто поддерживал жреческую власть отца семейства и кто защищал эффективность простых гимнов и жертвоприношений, которые с незапамятных времен были адресованы нескольким или всем богам вместе взятым. То, что этот вопрос действительно существовал у тевтонских народов, по крайней мере, как предмет для размышлений, само собой напрашивается в мифе, упомянутом выше. Этот миф обсуждает этот вопрос и решает его точно так же, как история решила его у тевтонских рас, среди которых жречество и ритуализм занимали гораздо менее важное положение, чем среди их западных родственников, кельтов, и их восточных родственников, иранцев и индусов. То, что молитвы из-за их продолжительности или жертвоприношения из-за их обилия должны свидетельствовать о большем благочестии и страхе перед Богом и должны быть способны обеспечить более внимательное слушание, - это доктрина, которую сам Один отвергает в процитированной выше строфе. Он понимает человеческую природу и знает, что когда человек приносит обильные жертвы, у него есть эгоистичная цель, заключающаяся в том, чтобы убедить богов дать более обильную награду — цель, продиктованная эгоизмом, а не благочестием.

МИРОВАЯ ВОЙНА (*продолжение*). ВОЙНА В МИДГАРДЕ Между СЫНОВЬЯМИ ХАФДАНА.
СЫНОВЬЯ ГРОА ПРОТИВ СЫНОВЕЙ АЛВЕЙГА. ПОЯВЛЕНИЕ ЛОКА НА СЦЕНЕ. ЮНОШЕСКИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ХАДДИНГА.

Конфликт между богами имеет аналог в войне между всеми тевтонскими расами и связан с ней, и последняя снова является продолжением вражды между Хальфданом и Свипдагом.

Тевтонская раса выходит на фронт, сражаясь под командованием трех представителей расы - (1) Ингве—Свипдага, сына Орванделя и Гроа; (2) Гудхорма, сына Хальфдана и Гроа, следовательно, сводного брата Свипдага; (3) Хаддинга, сына Хальфдана и Альвейг (на саксонском языке Сигне, дочь Сумбела), следовательно, сводного брата Гудхорма.

Правящие партии выступают в пользу Свипдага, который является мужем Фрейи и шурином Фрея. Изгнанные асы поддерживают Хаддинга из своего убежища. Конфликт между богами и война между преемником Хафдана и наследницей переплетены воедино. Это похоже на Троянскую войну, где боги, разделившись на партии, помогают троянцам или Данаям. Один, Тор и Хеймдаль вмешиваются, как мы увидим, чтобы защитить Хаддинга. Это их долг как родственников; ибо Хеймдаль, приняв человеческую природу, был юношей со снопом зерна, который пришел в первобытную страну и стал отцом Боргара, родившего сына Хальфдана. Тор был соратником отца Хафдана; следовательно, у него тоже были родственные обязанности по отношению к Хаддингу и Гудхорму, сыновьям Хафдана. С другой стороны, боги, благоволящие Свипдагу, в глазах Хаддинга являются врагами, и Хаддинг долго отказывается умиловить Фрея требуемой жертвой (Саксон, *История.*, 49, 50).

Эта война, одновременно ведущаяся между кланами богов, с одной стороны, и между тевтонскими племенами - с другой, является тем, что провидица в Велуспе называет "первой великой войной в мире". Она не только рассказывает о его вспышке и событиях среди богов, но также указывает, что это происходило на земле. Затем—

достопочтенная валькирия
витт ум комнар
горвар в риде
до Годтиджодара

видела она валькирий, которые
далеко путешествовали
снаряженные, чтобы отправиться
в Готтхьод.

Готтхьод - это тевтонский народ и тевтонская страна.

Когда Свипдаг убил Хальфдана и когда асы были изгнаны, сыновьям тевтонского патриарха грозила опасность попасть под власть Свипдага. Тор заинтересовался их благом и привел Гудхорма и Хаддинга в Етунхейм, где спрятал их вместе с великанами Хафле и Вагнхофде — Гудхорм в скалистом саду Хафле, а Хаддинг - в саду Вагнхофде. У Саксона, который рассказывает эту историю, бог-Аса Тор появляется частично как *Тор деус* и *Торо пагил*, защитник Хафдана, которого сам Саксон идентифицирует как бога Тора (*Hist.*, 324), и частично как *Брак* и *Браче*, имя Саксона образовано от эпитета Тора, *Аса-Брагр*. Именно под именем Брач Тор предстает как защитник сыновей Хафдана. Великаны Хафле и Вагнхофде обитают, по словам Саксона, вероятно, в "Светии", поскольку Йотунхейм, самая северная Швеция и самый дальний восток назывались *Свитиод хинн калда*.^[23]

Свиптаг развязал войну против Хальфдана, поскольку его долгом было отомстить за позор своей матери Гроа, а также за позор отца своей матери и, как будет показано позже, за смерть своего отца Орванделя (см. № № 108, 109). Месть за кровопролитие была священна в тевтонском мире, и этот долг он исполнил, когда своим неотразимым мечом сразил своего отчима. Но тем самым обязанность отомстить за кровопролитие была передана сыновьям Хальфдана — не Гудхорму, который сам является сыном Гроа, а Хаддингу, сыну Алвейга, и его прямой долг - добиться смерти Свиптага, поскольку Свиптаг убил Хальфдана. Красная нить мести за кровопролитие, связанная с ограблением Хальфданом Гроа, богини роста, проходит через всю великую сагу о героях тевтонской мифологии.

Свиптаг пытается перерезать нить. Он предлагает Гудхорму и Хаддингу мир и дружбу и обещает им царствование среди подвластных ему племен. Сын Гроа, Гудхорм, принимает предложение, и Свиптаг делает его правителем датчан; но Хаддинг посылает ответ, что предпочитает отомстить за смерть своего отца, а не принимать милости от врага (Саксон, *История.*, 35, 36).

Предложение Свиптага о мире и примирении находится в гармонии, если не с его собственной натурой, то, по крайней мере, с натурой его родственников, правящих ванов. Если бы предложение Хаддингу было

если бы нас приняли, мы могли бы искать мира во всем мире. Теперь будущему угрожают разрушения войны, и кровавая нить мести будет тянуться и дальше, если Свиптаг не предотвратит это, победив Хаддинга. Миф, возможно, содержал много информации об усилиях одного лагеря захватить его в плен и об ухищрениях другого, чтобы сорвать эти усилия. Саксон сохранил частичную запись об этом. Среди тех, кто замышляет заговор против Хаддинга, также Локе (*Локерус—Саксо, История.*, 40, 41),^[24] изгнанный союзник Аурбоды. Его цель, несомненно, - снискать расположение правящих ванов. Хаддинг больше не в безопасности в горном доме Вагнхофде. Парень попадает в ловушки Лока. От одного из них его спасает сам Аса-отец. По этому случаю, говорит Саксон, в Хаддинг прибыл всадник. Он напоминал очень пожилого человека, у которого был потерян один глаз (*grandævus quidam altero orbus oculo*). Он посадил Хаддинга на лошадь впереди себя, завернул его в свою накидку и уехал. Мальчику стало любопытно, и он захотел посмотреть, куда они направляются. Через дыру в мантии он получил возможность посмотреть вниз и, к своему удивлению и испугу, обнаружил, что суша и море были далеко под копытами коня. Всадник, должно быть, заметил его испуг, потому что запретил ему больше выглядывать наружу.

Всадник, одноглазый старик, - это Один, а конь - Слейпнер, спасенный из захваченного Асгарда.

место, куда Один переносит мальчика, - это убежище, обеспеченное асами во время их изгнания в *Манхейме*. В совершенной гармонии с мифами Саксон относит изгнание Одина ко времени, предшествующему юношеским приключениям Хаддинга, и делает возвращение Одина к власти одновременным с великой победой Хаддинга над его врагами (*История.*, 42-44). Саксон также обнаружил в своих источниках, что убитые мечом люди, которых Один выбирает во время "первой великой войны в мире", не могут прийти в Валхал. Причина этого в

том, что Один в то время не был там правителем. У них есть жилища и равнины для их воинственных забав, предназначенные в нижнем мире (*Hist.*, 51).

Регионы, которые, по словам Саксо, являются местами юношеских приключений Хаддинга, лежат по другую сторону Балтийского моря вплоть до Черного. Он ассоциируется с "кюрециями" и "геллеспонтийцами", несомненно, по той причине, что миф относит эти приключения к дальнему Востоку.

Одноглазый старик наделен чудесными способностями. Когда он приземлился с мальчиком у его дома, он пропел над ним пророческие заклинания, чтобы защитить его (*Hist.*, 40), и дал ему напиток "самого великолепного сорта", который придал Хаддингу огромную физическую силу и, в частности, позволил ему освободиться от уз и цепей. (Сравните *Navamál*, стр. 149, об освобождающих заклинаниях Одина, с помощью которых "оковы спадают с ног и цепи с рук".) Сравнение с другими отрывками, которые я рассмотрю позже, показывает, что зелье, хозяином которого является старик, содержит нечто, называемое "пламя Лейфнера", и что тот, кому было позволено выпить его и над кем одновременно пели освобождающие заклинания, способен своим теплым дыханием освободиться от всех пут, которые были наложены на его зачарованные конечности (см. № 43, 96, 103).

Старик предсказывает, что Хаддингу скоро представится возможность испытать силу, которой наделили его напиток и волшебные песни. И пророчество сбывается. Хаддинг попадает во власть Лока. Он заковывает его в цепи и угрожает отдать в пищу дикому зверю — у Саксона льву, в мифе предположительно одному из вундеркиндов-волков или змей, которые являются потомками Лока. Но когда волшебная песня Одина усыпляет его стражу, хотя Один далеко, Хаддинг разрывает свои путы, убивает зверя и съедает, повинаясь указаниям Одина, его сердце. ("Сага о Сигурде Фафнерсбейне" скопировала эту функцию. Сигурд съедает сердце дракона Фафнера и тем самым обретает мудрость.)

Таким образом, Хаддинг стал могущественным героем, и его задача - развязать войну со Свипдагом, отомстить ему за смерть своего отца и вернуть долю в правлении тевтонами, которой владел Хальфдан, теперь стоит перед ним как цель, которой он должен достичь.

Хаддинг покидает дом Вагнхофде. Дочь последнего, Хардгрет, влюбившаяся в юношу, сопровождает его. Когда мы в следующий раз находим Хаддинга, он стоит во главе целой армии. То, что это были племена Восточного Тевтона, подтверждается документами, которые я приведу ниже; но это также следует из повествования Саксона, хотя он ограничил войну более узкими рамками, чем те, которые были даны ей в мифе, поскольку он, строя датскую историю на основе мифических преданий, сосредоточил свой взор главным образом на Дании. Над скандинавскими племенами и датчанами правит, согласно собственному заявлению Саксона, Свипдаг, а в качестве короля-данника в Дании - его сводный брат Гудхорм. Саксон также знает, что саксы, тевтонские племена германской низменности, однажды были союзниками Свипдага (*История.*, 34). Из этих частей Тевтонского королевства пришли не друзья Хаддинга, а его враги; и если мы добавим, что первое сражение, о котором Саксон упоминает в этой войне, произошло среди кюреций к востоку от Балтийского моря, то станет ясно, что Саксон тоже, как и другие летописи, к которым я обращаюсь позже, считал, что силы под знаменами Хаддинга были собраны на Востоке. Из этого очевидно, что война ведется между племенами Северного Тевтондома, возглавляемыми Свипдагом и поддерживаемыми ванами с одной стороны, и племенами Восточного Тевтондома, возглавляемыми Хаддингом и поддерживаемыми асами, с

другой. Но племена западного Тевтонского континента также принимали участие в первой великой войне человечества. Гудхорм, которого Саксон сделал королем-данником в самых южных владениях Ингве-Свипдага, Дании, в мифических традициях обладал гораздо большей империей и правил племенами Западного и Южного Тевтондома, как будет показано ниже.

39.

МИРОВАЯ ВОЙНА (продолжение). ПОЗИЦИЯ БОЖЕСТВЕННЫХ КЛАНОВ ПО ОТНОШЕНИЮ К ВОИНАМ.

Тот факт, что у разных божественных кланов были свои фавориты в разных лагерях, придает войне особый характер. Армии видят перед битвой сверхъестественные формы, сражающиеся друг с другом при свете звезд, и узнают в них своих божественных друзей и противников (*История.*, 48). Стихии вызываются как с одной, так и с другой стороны на благо или во вред соперничающим братским племенам. Когда туман и проливной дождь внезапно затемняют небо и обрушиваются на войска Хаддинга с той стороны, где расположились филкинги Севера, тогда одноглазый старик приходит им на помощь и вызывает темные массы облаков с другой стороны, которые оттесняют дождевые тучи и туман (*История.*, 53). В этих облачных массах мы должны распознать присутствие громоподобного Тора, сына одноглазого старика.

Гиганты тоже принимают участие в конфликте. Вагнхофде и Хардгреп, последний в мужском наряде, выступают на стороне приемного сына и возлюбленного Хаддинга (*История.*, 45, 38). Из исландских записей мы узнаем, что Хафле и великанши Феня и Менья сражаются под знаменами Гудхорма. В песне-гроте (14, 15) эти служанки поют:

En vit sithan
a Svidiothu
framvisar tvær
и народный стигум;
бейддум биорну,
en brutum skioldu
генгум игегнум
грасеркиат букв.
Стейпом стилли,
студум аннан,
вейттум готум
Крышка Гуторми.

То, что великан Хафле сражался на стороне Гудхорма, вероятно из того факта, что он является его приемным отцом, и это подтверждается тем фактом, что Тор, перефразированный (Гретт., 30), называется *фангвинр Хафла*, "тот, кто боролся с Хафле". Поскольку Тор и Хафле раньше были друзьями — иначе первый не доверил бы Гудхорма заботам второго — их последующее появление в качестве врагов вряд ли можно объяснить иначе, чем войной между протеей Тора Хаддингом и приемным сыном Хафле Гудхормом. И поскольку приемный отец Хаддинга, великан Вагнхофде, преданно поддерживает молодого вождя, чье детство он защищал, то миф едва ли мог избежать того, чтобы не дать аналогичную роль великану Хафле, и таким образом заставить

приемных отцов, как и приемных сыновей, бороться друг с другом. Героические поэмы любят параллели такого рода.

Когда Свипдаг узнает, что Хаддинг внезапно появился на Востоке и собрал вокруг себя свои племена для войны с Гудхормом, он спускается с Асгарда и обнаруживает себя в первобытной тевтонской стране на Скандинавском полуострове и просит ее племена присоединиться к датчанам и поднять знамя войны против сына Хальфдана и Альвейг, который во главе восточных тевтонов выступает против их сводного брата Гудхорма. Друзья обеих партий среди богов, люди и великаны, спешат присоединиться к делу, которое они считали своим собственным, и Вагнхофде в числе прочих покидает свой скалистый дом, чтобы сражаться на стороне своих приемных сына и дочери.

Эта мифическая ситуация описана в до сих пор необъяснимой строфе древнеанглийской песни, посвященной названиям букв в руническом алфавите. В отношении руны, которая соответствует *l*, добавлены следующие строки:

В самом важном месте в середине Дня
даже во второй раз после того, как он встал
из-за того, что вег геват. Вэн эфтер побежал;
услышав это, как тон хале немдон.

"Ингве (Инге) впервые был замечен среди
жителей Восточной Дании.
Затем он отправился на восток, за море.
Вагн поспешил следом:
Так в Слухах называли этого героя".

Слышащие - это Хаддинги, то есть сам Хаддинг, родственники и друзья, принявшие его сторону, и тевтонские племена, признавшие его своим вождем. Норвежское *Haddingr* для англосаксонского *Слуха* то же, что норвежское *haddr* для англосаксонского *слуха*. Вигфуссон, а до него Дж. Гримм, уже определили эти формы.

Инг - это Ингве-Свипдаг, которого, когда он покинул Асгард, "впервые увидели среди жителей Восточной Дании". Он призывает шведов и датчан к оружию против племен Хаддинга. Англосаксонская строфа подтверждает тот факт, что они живут на Востоке, отделенные морем от скандинавских племен. Инг со своими воинами "направляется на восток за море", чтобы напасть на них. Таким образом, армии шведов и датчан отправляются морем к месту боевых действий. То, что авторитетные источники Тацита слышали от континентальных германцев о могучем флоте шведов, может быть основано на героических песнях о первой великой войне не меньше, чем на самом деле. Как армия, которой предстояло пересечь Балтику, должна рассматриваться как чрезвычайно многочисленная, так и миф изображает корабли шведов столь же многочисленными и, отчасти, необъятных размеров. Путаная запись из песен об экспедиции Свипдага и его друзей против восточных германцев, найденная в исландской традиции, встречается в Fornald, стр. 406-407, где упоминается корабль под названием Gnod, способный перевозить 3000 человек, как принадлежащий королю Асмунду. Один не хотел, чтобы этот чудовищный корабль достиг места назначения, но, как говорят, потопил его в море Лессе со всеми его людьми и содержимым. Асмунд, известный в героических сагах языческих времен, является сыном Свипдага и королем среди свионов (Саксон, *История*, 44). По словам Саксона, он продемонстрировал блестящие доказательства своей храбрости в войне против Хаддинга и пал от оружия Вагнхофде и Хаддинга. Таким образом, то, что Один в исландской традиции фигурирует как его враг, соответствует мифу. Тот же Асмунд, возможно, как

предположила Жизель Бриньюльфссон, имеется в виду в "Гримнерсмале" (49), где мы узнаем, что Один, скрывающийся под именем Джалк, однажды посетил Асмунда.

Герой Вагн, которого "Хаддинги так называли", является приемным отцом Хаддинга, Вагнхофде. Поскольку слово *хефди* составляет вторую часть мифического имени, составная форма является синонимом того имени, которое образует первую часть композиции. Таким образом, *Свартхефди* идентичен *Svartr*, *Surtr*. В Хиндлулджоде, 33, все мифические колдуны (*сейдберендр*), как говорят, произошли от *Свартхефди*. В этой связи мы должны прежде всего подумать о Фьяларе, который является величайшим колдуном в мифологии. История о визите к нему Тора, Тьяльфа и Лока - это цепь иллюзий зрения и слуха, вызванных Фьяларом, так что бог Аса и его спутники всегда принимают вещи за что-то другое, чем они есть на самом деле. Фьялар - сын *Суртра* (см. № 89). Таким образом, величайший маг происходит от *Суртра*, *Свартра*, и, поскольку Хиндлульдждод утверждает, что все маги мифологии произошли от какого-нибудь *Свартхефди*, *Свартхефди* и *Свартхефди* должны быть идентичны. Так же обстоит дело с Вагном и *Вагнхефди*; это разные имена для одного и того же человека.

Когда англосаксонская руническая строфа говорит, что Ванг "поспешил последовать" за Ингом через море, то это следует сравнить с заявлением Саксона (*История.*, 45), где говорится, что Хаддинг в битве подвергся величайшей опасности потерять свою жизнь, но был спасен внезапной и чудесной посадкой Вагнхофде, который прибыл на поле боя и встал рядом с ним. Скандинавские филкинги двинулись против Хаддинга; и сын Свипдага Асмунд, сражавшийся во главе своих людей, пробился вперед против самого Хаддинга, закинув щит за спину и держась обеими руками за рукоять меча, который рубил всех на своем пути. Затем Хаддинг призвал богов, которые были друзьями его самого и его расы (*Hadingo familiarium sibi numinum praesidia postulante subito Vagnophus partibus ejus propugnaturus advehitur*), и затем кто-то из этих богов привел Вагнхофде (*advehitur*) на поле битвы и внезапно встал рядом с Хаддингом, размахивая кривым мечом[25] против Асмунда, в то время как Хаддинг метает в него свое копьё. Это утверждение Саксона соответствует и объясняет ссылку древнеанглийской строфы на быстрое путешествие, которое Вагн предпринял, чтобы помочь *Хурдингасу* противостоять *Ингу*, и это также иллюстрируется отрывком из *Grimnismal*, 49, в котором в связи с появлением Одина у Асмунда говорится, что однажды он по имени Кьялар "нарисовал Кьялку" (*mic heto Jalc at Asmundar, enn tha Kialar, er ec Kialka dro*). Слово и название *Кьялки*, а также *Следы* используются как перефразирование слова и имени *Вагн*. [26] Таким образом, Один однажды "запряг Вагна" (повозку). Смысл этого ясен из того, что сказано выше. Хаддинг взывает к Одину, который является другом ему и его дела, и Один, который в прошлом пронес Хаддинга на спине Слейпнера по воздуху, теперь таким же или похожим образом доставляет Вагнхофде на поле битвы и сажает его рядом со своим приемным сыном. Этот эпизод интересен еще и тем, что мы можем сделать из него вывод

что скальды, прославлявшие первую великую войну в своих песнях, заставляли богов влиять на судьбу битвы не прямо, а косвенно. Один мог бы сам спасти своего любимца, и он мог бы убить сына Свипдага Асмунда своим копьем; но он этого не делает; вместо этого он приводит Вагнхофде, чтобы защитить его. Это хорошо просчитано с эпической точки зрения, в то время как *dii ex machina*, когда они лично появляются на поле битвы со своей сверхчеловеческой силой, уменьшают эффект от деяний смертных героев и лишают каждое бедствие, в котором

они принимали участие, его более серьезного значения. Гомер никогда не нарушал этого правила, не задев чести ни своих богов, ни своих героев.

40.

МИРОВАЯ ВОЙНА (продолжение). ПОРАЖЕНИЕ ХАДДИНГА. ЛОКИ В СОВЕТЕ И На ПОЛЕ БИТВЫ. ХЕЙМДАЛЬ - ЗАЩИТНИК СВОЕГО ПОТОМКА ХАДДИНГА.

Первый великий конфликт, в котором воины Северного и Западного Тевтондома сражаются с восточными тевтонами, заканчивается полной победой сыновей Гроа. Филкинги Хаддинга настолько основательно избиты и побеждены, что после окончания конфликта он представляет собой не что иное, как беззащитного беглеца, блуждающего в глухих лесах без другого спутника, кроме дочери Вагнхофде, которая выжила в битве и сопровождает своего возлюбленного в его странствиях по дикой местности. Саксо приписывает победу, одержанную над Хаддингом, Локе. Из этого само собой следует, что в войне, глубочайший корень которой следует искать в интригах Локе и Аурбоды, и в которой принимают участие кланы богов с обеих сторон, скальды не должны исключать влияния Локе на ход событий. Мы уже видели, что он стремился погубить Хаддинга, когда тот был еще мальчиком. Впоследствии он появляется в различных обликах злого советника, злого интригана и искусного распорядителя филкингов на поле битвы. Его цель - сорвать все попытки добиться примирения и с помощью убеждения и лжи увеличить шансы на вражду между потомками Хальфдана, чтобы они могли взаимно уничтожить друг друга (см. Ниже). Его деятельность среди героев является аналогом его деятельности среди богов. Веселый, хитрый, циничный, достойный порицания и глубоко злой Мефисто из тевтонской мифологии неизбежно приведет к гибели тевтонского народа, подобно гибели богов тевтонов.

В более поздних исландских традициях он раскрывается как злой советник принцев в образах Слепого илле, Слепого бельвизе (у Саксо Больвизуса); *Бикки*; в немецкой и староанглийской традициях как Сибиц, Сифека, Сифка. *Бикки* - форма имени, заимствованная из Германии. Первоначальный скандинавский эпитет Локе - *Бекки*, что означает "враг", "соперница". Более тщательное изучение показывает, что везде, где появляется этот советник, его предприятия изначально были связаны с людьми, принадлежащими к расе Боргара. Он втерся в доверие к обеим противоборствующим сторонам — как Слепой илле к королю Хаддингу, о котором в саге о Хромунде Грейпсоне сохранились искаженные записи, — как Бикке, Сибеке к королю Гудхорму (чья идентичность с Йормунреком будет установлена ниже). Как Слепой бельвизе, он подстерегает и стремится захватить молодого "Хельге Хундингсбейна", то есть Хальфдана, отца Хаддинга (Helge Hund., ii.). Под своим собственным именем Локе он подстерегает и стремится захватить молодого Хаддинга, сына Хальфдана. Как хитрый полководец и трусливый воин он фигурирует в немецких сагах, и есть все основания предполагать, что именно его деятельность в первой великой войне в качестве планировщика боевой линии Гудхорма в скандинавских языческих записях закрепила за Локе эпитеты *санья хририр* и *санья свиптир*, предводитель воинов вперед и предводитель воинов назад - эпитеты, которые в противном случае были бы необоснованными и непонятными, но они встречаются как в поэме Йодольфа, так и в стихотворении Хаустлаунг и в "Торсдрапе" Эйлифа Гудрунсона. Примечателен также тот факт, что в то время как Локе в первой великой битве, которая заканчивается поражением Хаддинга, определяет расстановку победоносной армии — ибо только на этом основании Саксон может приписать ему победу, — именно в другой великой битве, в которой побеждает Хаддинг, сам

Один определяет, как должны быть расположены силы его протее, а именно, в форме клина, которая с того времени и на протяжении многих последующих столетий была священным и строго соблюдаемым правилом для боевого построения тевтонских войск. Таким образом, в древней тевтонской саге упоминаются и сравниваются друг с другом два разных вида боевых порядков - один изобретен Локи, а другой — Одином.

Во время своих скитаний по лесам Востока Хаддинг пережил удивительные приключения и прошел через великие испытания. Саксон рассказывает об одном из таких приключений. Однажды поздно вечером они с Хардгреп, дочерью Вагнхофде, пришли в дом, где сняли комнату на ночь. Муж был мертв, но еще не похоронен. Чтобы узнать судьбу Хаддинга, Хардгреп выгравировал речевые руны (см. № 70) на куске дерева и попросил Хаддинга положить их под язык мертвеца. Последний таким образом вернул бы себе силу речи и пророчества. Так это и произошло. Но то, что мертвая пела внушающим благоговейный трепет голосом, было проклятием Хардгреп, вынудившим его вернуться из нижнего мира к жизни на земле, и предсказанием, что мстительный демон Нифльхейма накажет ее за то, что она сделала. Следующей ночью, когда Хаддинг и Хардгреп искали убежища в шалаше из собранных ими веток, под потолком шалаша появилась гигантская рука, ощупывающая его. Испуганный Хаддинг разбудил Хардгреп. Затем она поднялась со всей своей гигантской силой, схватила таинственную руку и приказала Хаддингу отсечь ее его мечом. Он попытался это сделать, но из ран, которые он нанес на руке призрака, вытекло вещества или яда больше, чем крови, и рука схватила Хардгреп своими железными когтями и разорвала ее на куски (Саксон, *История.*, 36 и далее).

Когда Хаддинг таким образом потерял своего товарища, он считал себя покинутым всеми; но одноглазый старик не забыл своего любимца. Он послал ему верного помощника по имени *Лизерус* (Саксон, *История.*, 40). Кем был *Лизерус* в нашей мифологии?

Во-первых, что касается самого названия: по самой природе дела это должно быть латинизацией какого-то из мифологических имен или эпитетов, которые Саксон нашел в скандинавских записях. Но поскольку в древнескандинавском языке нет такого корня, как *lis* или *lís*, и поскольку саксон меняет местами гласные *i* и *u*,^[27] мы должны рассматривать *Liserus* как латинизацию *Lýsir*, "сияющий", "тот, кто дает свет", "яркий тот". Когда Один послал Хаддингу описанного таким образом помощника, это, должно быть, был человек, принадлежащий к кругу Одина и подчиняющийся ему. Таким человеком, описываемым подобным эпитетом, является *хинн хвити асс, хвитастр асса* (Хеймдал). По рассказу Саксона, этот сияющий посланник должен особенно противостоять Локе (*Hist.*, 40). И в мифе именно зоркий и верный Хеймдаль всегда предстает противоположностью хитрому и вероломному Локе. Локе приходится сражаться с Хеймдалем, когда первый пытается завладеть Брисингаменом, а в Рагнареке два противника убивают друг друга. Таким образом, сияющему защитнику Хаддинга отведена та же роль в героической саге, что и самому белому из асов в мифологии. Если мы теперь добавим, что Хеймдаль - прародитель Хаддинга и из-за кровного родства обязан ему особой защитой в войне, в которой все боги приняли участие либо за, либо против сына Хафдана и Альвейг, то мы вынуждены по всем соображениям считать *Лизеруса* и Хеймдала идентичными (см. Далее, № 82).

МИРОВАЯ ВОЙНА (*продолжение*). ПУТЕШЕСТВИЕ ХАДДИНГА На ВОСТОК. ПРИМИРЕНИЕ Между АСАМИ И ВАНАМИ. "ВОЙНА С ГУННАМИ". ХАДДИНГ ВОЗВРАЩАЕТСЯ И ПОБЕЖДАЕТ. ПРИМИРЕНИЕ ПОТОМКОВ ГРОА И АЛЬВЕЙГА. НАКАЗАНИЕ ЛОКА.

Некоторое время спустя в делах Хаддинга произошли перемены. Он больше не изгнанник, скитающийся по лесам, но снова появляется во главе воинственного воинства. Но хотя он совершает различные подвиги, из рассказа Саксона все же следует, что проходит много времени, прежде чем он становится достаточно сильным, чтобы встретить своих врагов в решающей битве с надеждой на успех. Тем временем ему удалось осуществить месть своего отца и убить Свипдага (*Saxo Hist.*, 42) — и это при обстоятельствах, которые я объясню ниже (№ 106). Доказательством того, что героическая сага оставила большой промежуток времени между великой битвой, проигранной Хаддингом, и той, в которой он одерживает решающую победу, является то, что он, прежде чем разгорелся этот конфликт, убил юного внука (сына сына) Свипдага, то есть сына Асмунда, который был сыном Свипдага (*Саксон, История.*, 46). Хаддинг был совсем мальчишкой, когда Свипдаг впервые попытался схватить его. Это человек преклонных лет, когда он, добившись решительных успехов на поле боя, приобретает и обеспечивает контроль над значительной частью владений, над которыми правил его отец, тевтонский патриарх. Следовательно, он, должно быть, провел значительное время в убежище, которое открыл для него Один, и под защитой того подданного Одина, которого Саксон называл *Лизерусом*.

За прошедшее время в мире богов произошли важные события. Два клана богов, асы и ваны, примирились. Изгнание Одина длилось, по словам Саксона, всего десять лет, и нет никаких оснований сомневаться в мифической правильности этого утверждения. Примирения, должно быть, требовали опасности, которые их вражда создавала для управления миром. Гиганты, целью которых является уничтожение мира людей, вновь стали опасны для земли из-за войны между богами. В это время они предприняли отчаянную попытку завоевать Асгард, занятый ванами. Память об этой экспедиции сохранилась на протяжении веков христианства в преданиях о великой войне с гуннами. Саксон (*История*, 231 и далее) относит это к правлению *Фрото* III. То, что он рассказывает об этом *Фрото*, сыне *Фридлевуса* (Ньерда), по большей части является историзированной версией мифа о боге Вана Фрее (см. № 102); и все сомнения в том, что его рассказ о войне "гуннов" против Фрото имеет свое основание в мифологии и принадлежит к цепи обсуждаемых здесь событий, исчезают, когда мы узнаем, что нападение гуннов на власть Фротофрея произошло в то время, когда старый пророк по имени *Уггерус*, когда он был убит. "чей возраст был неизвестен, но превышал все пределы человеческой жизни", жил в изгнании и принадлежал к числу врагов Фрото. *Уггерус* - латинизированная форма имени Одина *Иггр*, и это тот же мифический персонаж, что и Саксон, ранее представленный на сцене как "одноглазый старик", защитник Хаддинга. Хотя он был врагом Фрото, престарелый *Иггр* приходит к нему и сообщает, что замышляют "гунны", и таким образом Фрото получает возможность противостоять их нападению. [28]

Когда Один, из соображений общего благополучия человечества и богов, оказывает вanam, которые изгнали его, эту услугу, и поскольку последние больше всего нуждаются в помощи могущественного отца-Аса и его могущественных сыновей в конфликте с миром великанов, тогда эти факты в достаточной степени объясняют примирение между Асами и ванами. Это примирение было также необходимо из-за родственных уз между ними. Главный герой Асов, Тор, был отчимом Уллы, главного воина ванов (Младшая Эдда, i.252). Запись о дружеском

соглашении между Тором и Уллом сохранилась в пересказе, которым Тор описывается в Торсдрапе как "гулли Уллар", тот, кто убедительными словами делает Улла дружелюбным. Один был приглашен снова занять высокое место в Асгарде со всеми прерогативами отцовской семьи и правителя (Саксон, *История.*, 44). Но спор, который вызвал конфликт между ним и Вансами, в то же время был явно урегулирован в пользу Вансов. Они не несут общей ответственности за убийство Гульвейг Ангербода. Она изгнана в Железный Лес, но остается там неврежденной до Рагнарека, и когда приближается разрушение мира, тогда Ньерд оставит асов под угрозой разорения, которое они сами вызвали, и вернется к "мудрым Ванам" (*i aldar rauc hann mun aprt com a heim med visom vaunom—Vafthr.*, 39).

"Война с гуннами" дала ответ на вопрос, который, естественно, задали бы себе те, кто верит в мифы. Этот вопрос звучал так: как случилось, что Мидгард в исторические времена не подвергался таким нападениям со стороны обитателей Йотунхейма, какие происходили в древности, и в то время самому Асгарду угрожало разрушение? "Война с гуннами" в мифе характеризовалась бесчисленными жизнями, унесенными врагом. Об этом мы узнаем от Саксона. Море, по его словам, было так завалено телами убитых, что лодки с трудом продвигались по волнам. В реках их тела образовывали мосты, а по суше человек мог совершить трехдневное путешествие верхом, не увидев ничего, кроме мертвых тел убитых (*История.*, 234, 240). Итак, ответ на этот вопрос заключался в том, что древняя "война гуннов" настолько ослабила великанов в количестве и силе, что они не могли стать такими опасными, какими были ранее для Асгарда и Мидгарда, то есть до времени, непосредственно предшествующего Рагнароку, когда должна наступить новая зима фимбул и когда мир великанов снова восстанет во всей своей древней мощи. Со времен "войны гуннов" и до тех пор молот Тора способен сдерживать рост расы гигантов в определенных пределах, поэтому Тор в "Харбардсльоде" объясняет свое нападение на гигантов и великанов словами *мичил мунди этт йотна, эф аллир лифди, ветер мунди манна ундир Митгарту*.

Восходящую звезду успеха Хаддинга следует связать с примирением между Asa и Vans. Примиренные боги должны отбросить то семя новой вражды между ними, которое содержится в войне между Хаддингом, любимцем асов, и Гудхормом, любимцем ванов. Великое поражение, однажды понесенное Хаддингом, должно быть уравновешено соответствующей победой, и тогда враждующие родственники должны быть примирены. И это происходит. Хаддинг выигрывает великую битву и вступает в безопасное правление в своей части Тевтонского королевства. Тогда между враждебными расами завязываются новые узы родства и дружбы, так что тевтонские династии вождей могут вести свое происхождение как от Ингве (Свипдага), так и от сына Боргара Хальфдана. Хаддинг и оставшийся в живых внук Свипдага объединены такой нежной преданностью друг другу, что последний, получив необоснованное сообщение о смерти первого, не смог пережить его и покончил с собой. И когда Хаддинг узнает об этом, он тоже не хочет больше жить, но добровольно встречает смерть (Саксон, *История.*, 59, 60).

После примирения между асами и ванами им удастся захватить Локе. Саксон связывает это с возвращением Одина из Асгарда и здесь называет Лока *Митотином*. Что касается этого имени, мы можем, не вдаваясь в сложные догадки относительно первой части слова, быть уверенными, что оно также взято Саксом из языческих записей, в которых он нашел свой отчет о первой великой войне, и что оно, в соответствии с правилом формирования таких эпитетов, должно

относиться к мифической личности, имевшей определенное отношение к Одину и в то же время являвшейся его антитезой. Согласно Саксо, *Митотин* - насквозь злое существо, которое, как и Аурбода, стремилось распространить практику колдовства в мире и сместить Одина. Он был вынужден обратиться в бегство и скрыться от богов. Он схвачен и убит, но из его мертвого тела появляется паразит, так что после смерти он причиняет не меньше вреда, чем до нее. Поэтому возникла необходимость вскрыть его могилу, отрубить ему голову и проткнуть грудь острой палкой (*Hist.*, 43).

Эти утверждения относительно *смерти* Митотина, на первый взгляд, не очень хорошо согласуются с мифическими рассказами об уходе Локе и, таким образом, дают повод для сомнений относительно его тождества с последним. Также ясно, что на повествование Саксо оказали влияние средневековые истории о вампирах и злых духах, а также о способах предотвращения причинения ими вреда живым. Тем не менее, все, что он здесь рассказывает, включая обезглавливание, основано на мифических рассказах Локи. Место, где закован Локе, находится в крайней части ада нечестивых мертвецов (см. № 78). Тот факт, что он низведен в царство мертвых и находится там прикованным в подземной пещере до Рагнарека, когда все мертвые в нижнем мире вернутся, был достаточной причиной для Саксо представлять его мертвым и похороненным. То, что он после смерти вызывает чуму, соответствует рассказу Саксона об *Угартилокусе*, чья тюрьма находится в пещере под скалой, расположенной в море, над которой вечно нависает тьма (остров *Люнгни* в море Амсвартнера, где находится тюрьма Лока — см. № 78). Отважный морской капитан Торкил ищет и находит его в пещере пыток, вырывает волосок из бороды на его подбородке и привозит его с собой в Данию. Когда эти волосы впоследствии обнажаются и выставляются напоказ, ужасный выдох от них приводит к смерти нескольких стоящих рядом людей (*История.*, 432, 433). Когда волос из бороды замученного Локе ("волос от лукавого") мог произвести такой эффект, тогда все его тело, перенесенное в царство смерти, должно было причинить еще больший вред, пока не были приняты меры для его предотвращения. В этой связи следует помнить, что Локе, согласно исландским записям, является отцом женского демона эпидемий и болезней, той, кто правит в Нифльхейме, обители духов болезней (см. № 60), и что именно дочь Локе ездит верхом на трехногом коне, который появляется, когда разражается эпидемия (см. № 67). Таким образом, Локе, согласно фрагментам исландского мифа, является причиной эпидемий. Лакасенна также утверждает, что он лежит с пронзенным телом, хотя оружие там - меч или, возможно, копье (*изображение бога хиорви скола бинда*—*Lakas.*, 49). То, что Митотин убегает и скрывается от богов, соответствует мифу о Локе. Но что окончательно подтверждает идентичность Лока и Митотина, так это то, что последний, хотя и является насквозь злым существом и враждебен богам, как говорят, возвысился благодаря пользованию божественной милостью (*cælesti beneficio vegetatus*). Среди существ мужского пола с таким характером, как у него, это относится только к Локе.

Что касается утверждения о том, что голова Локе после его переселения в царство смерти была отделена от тела, Саксон здесь рассказывает, хотя и в своей личной культурной манере, что содержал миф о гибели Локе, которая была логическим следствием его действий и произошла спустя долгое время после его переселения в царство смерти. Локи убит в Рагнареке, на который он, освобожденный из своей пещеры пыток в царстве смерти, отправляется во главе воинства "сынов разрушения". В разгар конфликта он ищет или его ищет его постоянный враг Хеймдаль. Сияющий бог, защитник Асгарда, изначальный патриарх и благодетель человека, сражается здесь в последний раз с сатаной из тевтонской мифологии, и Хеймдаль и Локе

взаимно убивают друг друга (*Локи орудую против Хеймдалля, ок вердр хварр аннарс бани*— Младшая Эдда, 192). В этой дуэли мы узнаем, что Хеймдаль, сразивший своего врага, сам был пронзен или "пробит" насквозь головой (*сва эр сагт, в "ханн вар лостинн маннс хефди и гогнум"* — Младшая Эдда, 264; *"ханн вар лостинн и хелл мед маннс хефди"*— Младшая эдда, 100, изд. перев.). Когда Хеймдаль и Локе взаимно становятся причиной смерти друг друга, это должно означать, что голова Локе - это та, которой Хеймдаль был пронзен после того, как последний отсек ее своим мечом и стал проклятием (смертью) своего врага. Свет на этот эпизод проливает то, что Саксо рассказывает о голове Лока. В то время как демон в цепях ожидает Рагнарека, его волосы и борода растут таким образом, что "по размеру и жесткости напоминают роговые копыта" (*Ugarthilocus ... cujus olentes pili tam magnitudine quam rigore corneas æquaverant hastas*—*Hist.*, 431, 432). И таким образом объясняется, как миф мог заставить его голову играть роль оружия. То, что ампутированные конечности продолжают жить и сражаться, является особенностью, упомянутой в других мифических сагах, и не должно нас удивлять в отношении Лока, дракона-демона, отца змеи Мидгарда (см. Далее, № 82).

42.

ХАЛЬФДАН И ХАМАЛ - ПРИЕМНЫЕ БРАТЬЯ. АМАЛИЙЦЫ СРАЖАЮТСЯ ЗА СЫНА ХАЛЬФДАНА ХАДДИНГА. ХАМАЛ И КЛИНОВИДНЫЙ БОЕВОЙ ПОРЯДОК. ОРИГИНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ БИТВЫ В БРАВАЛЛЕ.

Мифический прародитель амалийцев, *Хамалл*, уже упоминался выше как молочный брат тевтонского патриарха Хальфдана (Хельге Хундингсбейн). Согласно скандинавской традиции, отец Хамала, *Хагалл*, был приемным отцом Хальфдана (Хельге Хунд., ii.) и, таким образом, преданным другом Боргара. Поскольку между прародителями этих великих семей героев тевтонской мифологии существует столь тесная связь, крайне маловероятно, что амалийцы также не сыграли важной роли в первой великой мировой войне, поскольку все тевтонские племена и, следовательно, несомненно, их первые семьи мифического происхождения принимали в ней участие. В древних записях Севера мы обнаруживаем след, указывающий на то, что амалийцы действительно сражались на той стороне, где мы должны были ожидать их найти, то есть на стороне Хаддинга, и что сам Хамал был полевым командиром своего молочного брата. След обнаруживается во фразе *филкья Хамалт*, встречающейся в нескольких местах (Sig. Faf., ii. 23; Har. Хардр., гл. 2; Форнальдс. Сага, ii. 40; Форнм., xi. 304). Эта фраза может быть объяснена только одним образом: "расположил боевые порядки так, как это сначала сделал Хамалл". Хамалу также приписывают происхождение обычая крепить щиты вплотную друг к другу вдоль ограждения корабля, что явствует из следующих строк в "Саге Харальда Хардраде", 63: "...

Hamalt syndiz mër hömlur
hildings vinir skilda.

Из наших норвежских записей мы также узнаем, что *fylkja Hamalt* "выстроиться в боевую линию, как это делал Хамал" означает то же самое, что *свинфилкья*, то есть расположить батальоны в форме клина.^[29] Теперь Саксон рассказывает (*История.*, 52), что армия Хаддинга была первой, кто собрал силы таким образом, и что старик (Один), которого он взял на борт во время морского путешествия, научил и посоветовал ему это сделать.^[30] Несколько столетий спустя Один, по словам Саксона, научил этому искусству Харальда Хильдетанда. Но мифология не

заставляла Одина учить этому дважды. Причина повторения заключается в том факте, что Харальд Хильдетанд в одной из записей, доступных Саксо, был сыном Хальфдана Боргарсона (*Hist.*, 361; согласно другим записям, сыном самого Боргара — *Hist.*, 337) и, следовательно, сыном отца Хаддинга, следствием чего является то, что черты саги о Хаддинге были включены в сагу, созданную в более позднее время о герое саги Харальде Хильдетанде. Таким образом, битва в Бравалле приобрела столь универсальный и гигантский характер. Она была превращена в произвольно написанную версию битвы, закончившейся поражением Хаддинга. Шведы, готы, скандинавы, курийцы и эстонцы сражаются здесь на той стороне, которая в первоначальной модели сражения была представлена войсками Свипдага и Гудхорма; датчане (немногочисленные, по словам Саксона), саксонцы (по словам Саксона, основная часть армии), ливонцы и славяне сражаются на другой стороне. Флоты и армии огромны с обеих сторон. Щитоносцы (амазонки) занимают положение, которое в оригинале занимали великанши Хардгреп, Феня и Меня. В описании саги, созданной в христианские времена, битва в Бравалле является призраком мифа о первой великой войне. Поэтому имена нескольких героев, участвовавших в битве, являются отголоском мифа о тевтонских патриархах и великой войне. Появляются *Боргар* и *Бехргар* мудрый (Боргар), *Хаддир* (Хаддинг), *Рутар* (*Хрутр*-Хеймдал, см. № 28а), *Од* (*Одр*, фамилия мужа Фрейи, Свипдага, см. № 96-98, 100, 101), *Браху* (*Браче*, *Аса-Брагр*, см. № 102), *Грам* (Хальфдан) и *Ингу* (Ингве), все имена которых мы узнаем из саги о патриархах, но которые в том виде, в каком они представлены в новой саге, показывают, насколько произвольно обращались с мифическими записями в то время.

В мифе справедливо описывается клиновидное расположение войск как древний обычай тевтонов. Тацит (*German.*, 6) говорит, что германцы расположили свои силы в форме клина (*acies per cuneos componitur*), и Цезарь предполагает то же самое (*De , Bell. Gall.*, i. 52: *Germani celeriter ex consuetudine sua phalange facta...*). Таким образом, наши знания об этом тевтонском обычае восходят ко времени, предшествовавшему рождению Христа. Возможно, тогда ему было уже несколько столетий. Арийско-азиатские родственники германцев знали об этом, и индуистский свод законов, называемый "Манус", приписывает ему божественную святость и божественное происхождение. На географической линии, соединяющей Германию с Азией, это также было в моде. Согласно Элиану (*De instr. ac.*, 18), боевые порядки в форме клина были известны скифам и фракийцам.

Утверждение о том, что Харальд Хильдетанд, сын Хальфдана Боргарсона, научился этому расположению сил у Одина спустя много веков после того, как он обучил этому искусству Хаддинга, не опровергает, а наоборот подтверждает теорию о том, что Хаддинг, сын Хальфдана Боргарсона, был не только первым, но и единственным, кто получил это наставление от Аса-отца. И поскольку теперь у нас есть рядом два утверждения, что Один дал Хаддингу это средство победы, и что Хамал был первым, кто расположил свои силы в форме клина, то тем более необходимо предположить, что эти утверждения согласуются друг с другом и что Хамал был генералом Хаддинга, тем более что мы уже видели, что семьи Хаддинга и Хамала были объединены священными узами, которые связывают приемного отца с приемным сыном и приемного брата с приемным братом.

43.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ТОГО, ЧТО ДИТРИХ "ИЗ БЕРНА" - ЭТО ХАДДИНГ. ТАКИМ ОБРАЗОМ, САГА О ДИТЕРИХЕ БЕРЕТ СВОЕ НАЧАЛО В МИФЕ О ВОЙНЕ Между СЫНОВЬЯМИ МАННУСА-ХАЛЬФДАНА.

Появление Хамала и амалийцев на стороне Хаддинга в великой мировой войне становится несомненным из того факта, что мы обнаруживаем среди потомков континентальных тевтонов большой цикл саг, все события которого более или менее тесно связаны с мифическим ядром: герои-амалийцы с непоколебимой преданностью поддерживали принца, который уже в нежные годы своей юности был лишен своей доли королевства своего отца и был вынужден бежать от преследований родственника и его помощников на дальний Восток, где он оставался долгое время, а затем был вынужден покинуть страну. до тех пор, пока после различных удачных войн он не смог вернуться, победить и вступить во владение своим отцовским наследством. И за это он был обязан помощью храбрых амалийцев. Таковы основные моменты цикла саг о Дитерихе Бернском (*тьодрекре*, *Тидрек*, *Теодерик*), и судьба молодого принца, как мы видели, в значительной степени совпадает с судьбой Хаддинга.

Когда мы сравниваем саги, сохраненные потомками германцев Континента, с сагами, дошедшими до нас из скандинавских источников, мы должны постоянно иметь в виду, что великая революция, которую победа христианства над одинизмом произвела в тевтонском мире мысли, поскольку она разрушила древнюю мифическую структуру и применила фрагменты, пригодные для использования в качестве материала для новой структуры саг, — что этой революции потребовался период более восьмисот лет, прежде чем она завоевала последние оплоты доктрины Одинизма. По одну сторону медленно продвигающихся границ между двумя религиями развивались и продолжали изменяться старые саги, главной целью которых было стереть все, что содержало слишком много привкуса язычества и было несовместимо с христианством; в то время как по другую сторону границ веры старые мифические песни, хотя и мало затронутые зубом времени, все еще продолжали жить в своей первоначальной форме. Таким образом, можно было бы, выбрав ближайший из имеющихся примеров, спеть на северной стороне этой границы веры, где все еще преобладал языческий мир, о том, как Хаддинг, когда преследования Свидга и его сводного брата Гудхорма вынудили его бежать на дальний Восток, был защищен Одином, и как он через него получил помощь *Хрутра-Хеймдалля*; в то время как христиане на южной стороне этой границы пели о том, как Дитрих, преследуемый братом и защитниками последнего, был вынужден бежать на дальний Восток. бежать на дальний Восток, и как его там принял могущественный король, который, поскольку он больше не мог быть Одином, должен был быть самым могущественным королем на Востоке, о котором когда-либо слышали, то есть Аттилой, и как Аттила дал ему в качестве защитника некоего Рюдигера, само имя которого содержит отголосок Рутера (*Хеймдаля*), который, однако, не мог быть белым богом-Асой, верным слугой Одина, но должен быть превращен в верного вассала и "маркграфа" при Аттиле. Саксы были обращены в христианство огнем и мечом во второй половине восьмого века. В глухих лесах Швеции язычество полностью приняло христианство только в двенадцатом веке. Во времена отца Саксона в Смоланде на границе с Данией все еще существовали языческие общины. Из этого следует, что Саксон, должно быть, воспринял песни о древних тевтонских героях в гораздо более оригинальной форме, чем та, в которой те же песни можно было найти в Германии.

Хаддинг означает "волосатый", "светловолосый". Дитрих (*тьодрекр*) означает "правитель народа", "великий правитель". Оба эпитета принадлежат одному и тому же персонажу саги. Хаддинг - это эпитет, который принадлежал ему в юности, до того, как он овладел королевством; Дитерих - это эпитет, который представляет его как короля многих тевтонских племен. Вилкинсага говорит о нем, что у него были обильные и красивые волосы, но что у него никогда не было бороды. Этого достаточно, чтобы объяснить имя Хаддинг, под которым он,

предположительно, прославлялся в песнях среди всех тевтонских племен; ибо мы уже видели, что Хаддинг известен в англосаксонской поэзии как Хирдинг, и, как мы увидим, континентальные германцы знали его не только как Дитерих, но и как Хартунг. Также возможно, что имя "волосатый" в мифе имело то же значение, что и эпитет "светловолосый" в норвежском повествовании о Харальде, первом правителе Норвегии, и что Хаддинг из мифа был прототипом Харальда, когда последний дал обет отращивать волосы до тех пор, пока не станет королем всей Норвегии (Сага о Харальде Харфагере, 4). Обычай не стричь волосы или бороду перед совершением подвига был древним среди тевтонов и настолько распространенным и священным, что, должно быть, имел опору и прототип в героической саге. Тацит упоминает об этом (*Германия*, 31); то же самое делает Павел Диаконус (*Hist.*, iii. 7) и Григорий Турский (ст. 15).

Хотя оно почти перестало звучать в цикле немецких саг, имя Хартунг все же оставило там следы своего существования. В "Ангане Хельденбухов" упоминается король Хартунг *aus Reüssenlant*; то есть король Хартунг, пришедший из какой-то страны на Востоке. В стихотворении "Розенгартен" (вариант D; ср. У. Гримм, *Д. Хелденсейдж*, 139, 253) также упоминается Хартунк, король *фон Рюзен*. Сравнение различных версий "Розенгартена" с поэмой "Дитерихс Флюхт" показывает, что имя Хартунг *фон Рюзен* с течением времени становится Хартнитом *фон Рюзен* и Хертнитом *фон Рюзен*, под этим именем герой вновь появляется в Вилькинасаге как царь в России. Если мы объединим разрозненные сведения о Хартунге, содержащиеся в этих источниках, то получим следующие основные очертания его саги:

(a) Хартунг - король и живет в восточной стране (все записи).

(b) Однако он не является там независимым правителем, по крайней мере, вначале, но подчиняется Аттиле (который в "Саге о Дитерихе" заменил Одина в качестве главного правителя на Востоке). *He is Attila's man* ("Dieterichs Flucht").

(c) Шведский король отнял у него землю и отправил в изгнание.

(d) Шведский король принадлежит к расе эльфов, и вождь той же расы, к которой принадлежал знаменитый Велинт, то есть Волунд (Вэйланд) (*Vilkinasaga*). Как будет показано позже (см. № № 108, 109), Свипдаг, изгнанник Хаддинга, принадлежит к той же расе. Он племянник Волунда (сын брата).

(e) Хартунг восстанавливает после смерти шведского завоевателя свое собственное королевство, а также завоевывает королевство шведского короля (Вилкинасага).

Все эти черты встречаются в "Саге о Хаддинге". Таким образом, первоначальная идентичность Хаддинга и Хартунга не вызывает сомнений. Мы также узнаем, что Гартунг, как и Дитрих, изгнан из своей страны; что он бежал, как и он, на Восток; что он получил, как и он, своим защитником короля Востока Аттилу; что после этого он вернулся, победил своих врагов и вернул себе королевство. Таким образом, саги Хаддинга, Хартунга и Дитериха едины по сути и в общих чертах. Ниже также будет показано, что наиболее примечательные детали являются общими для всех них.

Выше (№ 42) я привел причины, по которым Хамал (Амала), молочный брат Хафдана Боргарсона, был помощником Хаддинга и генералом в войне против его врагов. Герой, который в немецкой саге занимает то же место при Дитрихе, - престарелый "мастер" Хильдебранд, верный спутник Дитриха, учитель и командующий его войсками. Можно ли

продемонстрировать, что то, что немецкая сага рассказывает о Хильдебранде, выявляет нити, которые связывают его с сагой о первоначальных патриархах, и что не только его положение старого друга и генерала Дитриха, но и его генеалогия отсылают к этой саге? И можно ли дать удовлетворительное объяснение тому, почему Хильдебранд занял в немецкой саге о Дитрихе то же место, что и Хамал в старом мифе?

Хильдебранд, как показывает само его имя, Хильдинг,^[31] как и Хильдегер, которая появляется в саге о патриархах (Саксон, *История.*, 356-359). Хильдегер был, согласно саксонской традиции, сводным братом Хальфдана Боргарсона. У них была одна и та же мать *Дрот*, но не один и тот же отец; Хильдегер считал себя шведом по отцовской линии; Хальфдан, сын Боргара, считал себя принадлежащим к южным скандинавам и датчанам, и поэтому умирающая Хильдегер поет Хальфдану (*История.*, 357):

Danica te tellus, me Sveticus edidit orbis.
Drot tibi maternum, quondam distenderat uber;
Hac genitrici tibi pariter collacteus exto.^[32]

В немецкой традиции Хильдебранд - сын Хербранда. Древненемецкий фрагмент песни,

рассказывая о встрече Хильдебранда со своим сыном Хадубрандом, называет его *Херибрантесом* суну. Хербранд снова, согласно стихотворению "Вольфдитрих", сын Берхтунга (о Берхтунге см. № 6). В скандинавской традиции, сохраненной Саксоном, мы находим Хильдинга (Хильдегер), пасынка Боргара; в немецкой традиции мы находим Хильдинга (Хербранда), сына Боргара-Берхтунга. Это уже показывает, что немецкая сага о Хильдебранде изначально была связана с сагой о патриархах Боргаре, Хальфдане и сыновьях Хальфдана, и что Хильдинги с самого начала были родственны тевтонским патриархам. Превращение Боргара из отчима в отца Хильдинга будет объяснено ниже.

Саги о Хильдегере и Хильдебранде также связаны по тематике. Судьбы обоих родственников одновременно похожи друг на друга и противоположны друг другу. Характер Хильдегера глубоко трагичен; Хильдебранд счастлив и обеспечен. Хильдегер жалуется в своей предсмертной песне в "Саксонии" (ср. "Сага об Асмунде Кемпебане"), что он сражался со своим собственным любимым сыном и убил его. Во фрагменте древнегерманской песни Гильдебранд ищет после возвращения с Востока своего сына Хадубранда, который считал, что его отец мертв, и называет Гильдебранда обманщиком, взявшим имя покойного, и заставляет его драться на дуэли. Фрагмент заканчивается до того, как мы узнаем исход дуэли; но Вилкинасага и баллада о Хильдебранде сохранили традицию в отношении нее. Когда старый "хозяин" продемонстрировал, что его Хадубранд еще не равен ему в оружии, отец и сын в мире и счастье едут бок о бок в свой дом. Оба конфликта между отцом и сыном в семье Хильдингов являются полной противоположностью друг другу. Хильдегер, страстно любящий войну и единоборства, в своем стремлении к раздору наносит глубокую рану собственному сердцу, когда убивает собственного сына. Хильдебранд действует мудро, осмотрительно и стремится отбить любовь сына к бою до начала дуэли, и он может положить ей конец, прижав своего юного противника к отцовской груди. С другой стороны, поведение Хильдегера по отношению к своему сводному брату Хальфдану, идеалу благородного и великодушного врага, и его последние слова брату,

который, не зная о родстве, нанес ему смертельную рану и в чью мантию хочет завернуться умирающий ("Сага об Асмунде Кемпебане"), являются одной из трогательных сцен в великих поэмах о наших самых ранних предках. Кажется, он провозгласил недопустимость кровной мести, когда родственник, не подозревая о своем родстве, убивает родственника, и когда последний перед смертью заявил о своей преданности своему убийце. В любом случае, мы заново открываем престарелого Хильдебранда как учителя и защитника сына того самого Хальфдана, который убил Хильдегер, и ни слова не говорится о кровной мести между потомками Хальфдана и Хильдегера.

Указанное родство между тевтонскими патриархами и хильдингами, однако, не исключает отношения подчинения последних первым. В "Вольфдитерихе" отец Хильдебранда получает землю и феода от деда Дитриха и несет его знамя на войне. Сам Хильдебранд выполняет по отношению к Дитриху те обязанности, которые возлагаются на приемного отца, которые, как правило, демонстрируют подчиненное отношение к настоящему отцу приемного сына. Среди родственных семей, к которым принадлежат Дитрих и Хильдебранд, существовала такая же разница в ранге, как и между теми, к которым принадлежат Хаддинг и Хамал. Отец Хамала, Хагал, был приемным отцом Хафдана и, судя по этому, занимал положение подчиненного друга по отношению к отцу Хафдана Боргару. Таким образом, Хальфдан и Хамал были приемными братьями, и из этого следует, что Хамал, если бы он пережил Хальфдана, был обязан взять на себя обязанности приемного отца по отношению к сыну последнего Хаддингу, который еще не достиг совершеннолетия. Таким образом, отношение Хамала к Хаддингу полностью аналогично отношению Хильдебранда к Дитриху.

Основу той армии, которая присоединилась к Дитриху, составляют амелунги, амалийцы (см. "Битерольф"); то есть представители расы Хамала. Самый старый и важный герой, суть из сути, - это сам старый мастер Хильдебранд, приемный отец и генерал Дитриха. К лицам, которые в немецких поэмах носят имена, относящиеся к их амалийскому происхождению, Хильдебранд относится как к членам клана, с которыми обращается вождь клана. Таким образом, Хильдебранд привозит из Швеции принцессу Амальгарт и отдает ее в жены сыну Амелольта, служащему среди амелунгов Дитриха, а Амелольту Хильдебранд уже отдал в жены свою сестру.

Вопрос о том, находим ли мы нити, связывающие Хильдебранда из немецкой поэмы с сагой о мифических патриархах, и особенно с Хамал (Амалой), которая появляется в этой саге, теперь решен. Мастер Хильдебранд в цикле немецких саг получил должность и задачи, которые первоначально принадлежали Хамалу, прародителю амалийцев.

Связь между родственными семьями — патриархальной семьей, семьей Хильдингов и семьей Амаль — несомненно, была столь же отчетливо обозначена в немецком цикле саг, как и в скандинавском, до того, как немцы столкнулись с кризисом, который в некоторой степени нарушил старые связи. Этот кризис наступил, когда Хаддинг-*тьодрекр* из древнего мифа был перепутан с историческим королем восточных готов Теодерихом. Восточный гот Теодрих считал себя принадлежащим к семье Амаль, выросшей из почвы мифа. Он был, согласно Джорданесу (*De Goth. Opur.*, 14), сын Тиудемера, который вел свою родословную от Амала (Хамала), сына Авгиса (Хагала).^[33] Результатом путаницы стало:

(а) Что Хаддинг-*тьодрекр* стал сыном Тьодемера и что его происхождение от тевтонских патриархов прервалось.

(b) Что сам Хаддинг-*тьодрекр* стал потомком Хамала, в результате чего различие между этой расой правителей — линией тевтонских патриархов, начавшейся с Рутера Хеймдаля, — вместе с семьей Амаль, дружественной, но подчиняющейся семье Хаддинг, и семьей Хильдинг было частично затемнено, а частично упразднено. Сам Дитерих стал "Амелунгом", как и некоторые из его героев.

(c) Что, когда Хамал таким образом превратился из старшего современника Хаддинга-*тьодрекра* в своего самого раннего прародителя, отделенного от него несколькими поколениями времени, он больше не мог служить приемным отцом и генералом Дитриха; но это призвание пришлось передать мастеру Хильдебранду, который также в мифе, должно быть, был тесно связан с Хаддингом и, вместе с Хамалом, одним из его главных и постоянных помощников.

(d) Что Боргар-Берхтунг, который в мифе является дедом Хаддинга-*тьодрекра*, должен, поскольку он не был Амалом, отказаться от этого достоинства и ограничиться тем, что он прародитель Хильдингов. Как мы видели, у Саксона он является прародителем Хильдинга Хильдегера.

Еще одним результатом путаницы Хаддинг-тьодрека с историческим Теодерихом стало то, что королевство Дитериха и места различных его подвигов были перенесены в Италию: в Верону (Берн), Равенну (Рабен) и т.д. Тем не менее сильный поток древних мифов стал господином запутанных исторических приращений, так что Дитерих из саги имеет очень мало общего с историческим Теодерихом.

После распространения христианства героическая сага о тевтонских мифах была оторвана от своих мифологических корней, и, следовательно, эта путаница была естественной и необходимой. Популярная традиция, в которой были обнаружены следы исторического Теодериха-Дитериха, больше не могла отличать одного Дитериха от другого. Писатель, знакомый с хроникой Иордана, сделал последний шаг и сделал отца Теодериха Тьодемера отцом мифического Хаддинга-*тьодрекра*.

Не только сходство имен способствовало такому смешению личностей. Была и другая причина. Исторический Теодрих сражался против Одоакра. Мифический Хаддинг-*тьодрекр* воевал со Свипдагом, мужем Фрейи, который также носил имя *Одр* и *Оттар* (см. № № 96-100). Последняя форма имени соответствует английскому и немецкому *Otter*, древневерхненемецкому *Otar*, имя, которое наводит на мысль об историческом *Отачере* (Одоакр). Дитрих и Отахер исторических традиций стали отождествляться с *тьодрекром* и *Оттаром* из мифических традиций.

Как Хаддинг-*тьодрекр* из мифологии в своей нежной юности подвергся преследованиям Оттара и был вынужден бежать от них на дальний Восток, так и Дитериху из исторической саги в нежной юности также пришлось претерпеть преследования от Отачера и бежать в сопровождении своих верных амалийцев в королевство на Востоке. Соответственно, Хадубранд говорит о своем отце Хильдебранде, что, когда он отправился на Восток с Дитерихом, *по словам ее Отахрес нид*, "он бежал от ненависти Отахера". Таким образом, Отахер вскоре исчезает из цикла немецких саг, поскольку Свипдаг-Оттар погибает и исчезает в мифе задолго до победы Хаддинга и восстановления власти его отца (см. № 106).

Один и Хеймдаль, которые затем, согласно мифу, поселились на Востоке и там стали защитниками Хаддинга, должны быть, как языческие божества, удалены из христианской саги и заменены, насколько это возможно, другими. Знаменитый правитель Востока Аттила лучше, чем кто-либо другой, подходил на место Одина, хотя Аттила умер еще до рождения Теодериха. Рутер-Хеймдаль, как мы уже видели, превратился в Рюдигера.

Этот миф заставил Хаддинга прожить на Востоке много лет (см. Выше). Десятилетнее правление ванов в Асгарде должно закончиться, и должно произойти много других событий, прежде чем эпическая связь мифов позволит Хаддингу вернуться победителем. В результате этого сага о "Дитерихе Бернском" также позволяет ему надолго остаться с Атилой. Старинная английская песня, сохранившаяся в эксетерской рукописи, заставляет *Теодрика* оставаться в *восторге от винтры* в изгнании в Мерингабурге. Песня о Хильдебранде и Хадубранде заставляет его оставаться в изгнании *сумаро энти уинтроу сехстич*, а Вилкинасага заставляет его прожить на Востоке тридцать два года.

Мерингабург из англосаксонской поэмы - это убежище, которое Один открыл для своего любимца и где первый жил во время своего изгнания на Восток. Мерингабург означает цитадель, населенную благородными, почитаемыми и великолепными людьми: сравните древнескандинавское *mæringr*. Но первоначальное значение *mærr*, древнегерманского *māra* - "сверкающий", "сияющий", "чистый", и возможно, что до того, как *меринг* получил свое общее значение известного, почитаемого, благородного человека, оно использовалось в более особом смысле человека, произошедшего от "сияющего", то есть от Хеймдаля через Боргара. Как бы то ни было, у этих "мерингаров" в англосаксонской версии саги о Хаддинге были свои антитезы в "банингарах", то есть людях Локе-Бике (Бекки). Это следует из выражения *Bekka veóld Baningum*, в Codex Exoniensis. Банинги - это не более чем Меринги, историческое название. Толкование этого слова следует искать в англосаксонском *ban*, английском *проклятие*. Банинги означают "разрушители", "растлители", подходящее название для тех, кто следует за источником вредительства, всеразрушающим Локом. В немецких поэмах Мерингабург заменен на Меран, а Боргар-Берхтунг (дед Хаддинга в мифе) - герцог Меранский. Это его отцы, ушедшие к богам, которых Хаддинг снова находит вместе с Одином и Хеймдалем на Востоке.

Несмотря на путаницу исторического Теодериха с мифическим Хаддингом-*тьодреком*, в рамках цикла немецких саг была передана традиция о том, что "Дитерих Бернский" принадлежал к генеалогии, которую христианство предало анафеме. Две немецкие поэмы Дитериха, "Нибелунги" и "Клаге", воздерживаются от упоминания предков своего героя. Вильгельм Гримм подозревает, что причина этого в том, что авторы этих стихотворений знали что-то о происхождении Дитериха, о чем они не могли рассказать, не ранив слух христиан; и он напоминает нам, что, когда Вилкинасага Тидрек (Дитерих) дразнит Хегне (Хагена), называя его сыном эльфа, Хегне отвечает, что у Тидрека еще худшее происхождение, поскольку он сын самого дьявола. Дело, которое в глазах Гримма является мистическим, объясняется тем фактом, что Хаддинг-*thjóðrekr's father in the myth, Halfdan Borgarson, was supposed to be descended from Thor, and in his capacity of a Teutonic patriarch he had received divine worship (see Nos. 23 и 30)*. *Анханг де Хельденбухс* говорит, что Дитрих был сыном "безера гейста".

Уже говорилось (№ 38), что Хаддинг получил от Одина напиток, который оказал чудесное влияние на его физическую природу. Это сделало его *восстановленным растительным*

телом, и, благодаря этому, а также заклинанию, пропетому над ним Одином, он смог освободиться от цепей, которые впоследствии наложил на него Локе. Также было указано, что в этом напитке содержалось нечто, называемое "пламя Лейфнера" или "Пламя Лейфина". Есть все основания предполагать, что это "пламя" дало возможность человеку, принявшему зелье пламени Лейфнера, освободиться от своих цепей с помощью собственного дыхания. Гроа (Гроагалдер, 10 лет) дает своему сыну Свипдагу "Огни Лейфнера", чтобы, если он будет прикован, его зачарованные конечности могли быть освобождены (*ek læt ther Leifnis elda fyr kvedinn legg*). Запись о вручении этого подарка Хаддингу встречается нам в немецкой саге в форме того, что Дитрих мог своим дыханием сжечь наложенные на него оковы (см. "Лаурина"), более того, когда он сердился, он мог выдыхать огонь и раскалять кирасу своего противника докрасна. Традиция о том, что Хаддинг, съев по совету Одина сердце дикого зверя (Саксон говорит о льве), приобрел необычайную силу, также сохранилась в виде того, что, когда Дитрих был в беде, Бог послал ему *эйнса левена краффта фон херценлихена зорена* ("Ecken Ausfarth").

Саксо рассказывает, что однажды Хаддинга пригласили спуститься в нижний мир и увидеть его странные вещи (см. № 47). Языческий нижний мир с его полями блаженства и местами пыток стал в сознании христиан синонимом ада. Нисхождение Хаддинга в нижний мир вместе с мифическим рассказом о его путешествии по воздуху на коне Одина Слейпнере запомнилось в христианские времена в том виде, в каком он однажды верхом на черном дьявольском коне проехал в ад. Это объясняет замечательную *развязку* саги о Дитерихе, а именно то, что он, великодушный и прославленный герой, был схвачен дьяволом. Оттон Фризингенский (первая половина XII века) утверждает, что *Theodoricus vivus equo sedens ad inferos descendit*. В "Хронике кайзера" говорится, что "многие видели, как дьяволы схватили Дитериха и отнесли его в гору на Вулкан".

У Саксона мы читаем, что однажды Хаддинг во время купания пережил приключение, которое грозило ему самой страшной мезьтв богам (см. № 106). Рукописи "Вилкинасаги" рассказывают о судьбоносном омовении, которое принял Тидрек, и связывают его со своим путешествием в ад. Пока герой купался, появился черный конь, самый большой и величественный из когда-либо виденных. Король завернулся в банное полотенце и сел на коня. Он слишком поздно понял, что конь был дьяволом, и исчез навсегда.

Саксон рассказывает, что Хаддинг пошел войной на короля Хандуануса, который спрятал свои сокровища на дне озера и который был вынужден выкупить свою жизнь золотым сокровищем того же веса, что и его тело (*Hist.* 41, 42, 67). Хандуанус - латинизированная форма гномьего имени *Андванр*, *Андвани*. В "Саге о Сигурде" есть запись об этом событии, и карлик называется *Андвари* (сиг. Фафн., ii.). Немецкая сага также может повествовать о войне, которую Дитрих вел против короля карликов. Война послужила материалом для саги о "Лаурине". Здесь также пощадили жизнь побежденного короля гномов, и Дитрих завладел многими его сокровищами.

ОДИН

НАКАЗЫВАЕТ ЧУДОВИЩНОЕ ПОТОМСТВО ЛОКА.

(С офорта Лоренца Фрелиха Фреллоха.)

Когда-то Локе был товарищем Одина, но из-за своего несовпадения с великаншей Ангербодой он стал отцом трех чудовищ: Волка Фенрира, Змея Мидгарда и ужасной Хель, при виде которых последние живые существа немедленно падали замертво. Один был так разгневан этими проблемами торговли Лока с великаншей, что приказал привести выводок в Асгард и, схватив Хель и змею своими мощными руками, швырнул их далеко в космос. Хель падала девять дней, пока не достигла Хельхейма, глубоко под землей, где стала правительницей мертвых. Змея упала в океан, окружающий Мидгард, где она должна была продолжать расти до тех пор, пока ее кольца не окутают землю и в конце концов не приведут к разрушению мира. Тир унес Волка и заковал его в цепи, но позже, спасаясь во время Рагнарека, он сожрал Одина.

В немецкой, как и в скандинавской саге, соперником Хаддинга-*тьодрекра* в борьбе за корону был его брат, которого поддерживал *Отахер-Оттар* (Свипдаг). Традиция на этот счет, согласующаяся с мифом, была известна автору "*Ангана Хельденбухов*". Но уже в самом начале брат был заменен на дядю из-за смешения исторических воспоминаний.

Имя брата в скандинавской традиции - *Гудхормр*, по-немецки *Эрменрих* (*Эрманарик*). *Эрменрих Йормунрек* означает, как и *тьодрекр*, правитель многих народов, великий король. Иорданес

уже путал мифического *Ермунрекра-Гудхормра* с историческим готским королем *Германарихом*, королевство которого было разрушено гуннами, и применил к нему сагу о Сванхильд и ее братьях *Сарусе* (*Серли*) и *Аммиусе* (*Хамдире*), сагу, которая изначально была связана с легендарным *Ермунреком*. Эпос о Сигурде, который пополнился награбленным из всех источников, усилил путаницу, присоединив эту сагу.

У римских авторов форма *Herminones* встречается рядом с *Hermiones* как название одного из трех тевтонских племен, произошедших от Маннуса. Возможно, как уже указывалось, что *-horm* в *Гудхорме* связано с формой *Hermio*, и вполне вероятно, как уже указывалось несколькими лингвистами, что Теутоника *ирмин* (*йормун*, гот. *airmana*) лингвистически связано со словом *Hermino*. В этом случае сами имена *Гудхормр* и *Йормунрекр* уже сами по себе указывают на мифического прародителя гермионов, Эрминонеса, точно так же, как имя Ингве-Свипдага указывает на прародителя *ингвеонов* (*Ingævones*), а имя Хаддинга, возможно, также на прародителя Иставонов (см. № 25). Фамилии Хэддинг соответствует, как уже было показано, англосаксонское *Hearding*, древнегерманское *Hartung*. *Хасдингу* (*асдингу*), упомянутые Иорданом, были главными воинами вандалов (гот. *Opug.*, 22), и, возможно, есть мифическая причина для повторного открытия этой фамилии среди восточно-тевтонского племени (вандалов), поскольку Хаддинг, согласно мифу, пользовался поддержкой среди восточно-тевтонских племен. К форме *Хасдингу* (гот. *Hazdiggós*) слова *istævones*, *istvæones* вполне могли бы соответствовать, при условии, что гласная *i* в латинской форме может быть согласована с *a* в тевтонском. То, что гласная *i* была неопределенным элементом, видно из генеалогии в *Codex La Cava*, которая называет *Istævo Ostius*, *Hostius*.

Что касается географии, то и римские, и тевтонские летописи сходятся в том, что северные тевтонские племена были ингевонами. В мифах они скандинавы и соседи ингвеонов. В поэме "Беовульф" короля датчан зовут *эодор Ингина*, покровитель ингвеонов, и *фрейя Ингина*, повелительница ингвеонов. Тацит говорит, что они живут ближе всего к океану (*Germ.*, 2); Плиний говорит, что кимвры, германцы и хавкийцы были ингевонами (*Hist. Nat.*, iv. 28). Помпоний Мела говорит, что земля кимвров и германцев омывалась Коданским заливом (iii. 3). Что касается гермионов и истевонов, то первые обитали вдоль среднего течения Рейна, а из последних, которые в мифологии являются восточными германцами, несколько племен уже до времен Плиния продвинулись к югу от Гермионов к этой реке.

Цикл немецких саг сохранил предание о том, что в первой великой битве, в которой Хаддинг-*тьодрекр* померялся силами с северными и западными германцами, он потерпел сокрушительное поражение. Об этом открыто говорится в стихотворении Дитериха "Die Klage". С другой стороны, те стихи, которые из сочувствия к своему герою даруют ему победу в этой битве ("битва при Рабене"), тем не менее фактически признают, что этого не было, поскольку они заставляют его вернуться на Восток после битвы и оставаться там много лет, лишившись короны, прежде чем он предпримет свою вторую и успешную попытку вернуть свое королевство. Таким образом, "битва Рабена" соответствует мифической битве, в которой Хаддинг терпит поражение от Ингевонеса и Гермионеса. Кроме того, "битва при Рабене", с точки зрения тевтонов, обладает чертой универсальности, и немецкая традиция в целом верно и в гармонии с мифом сгруппировала союзников и героев враждебных братьев. Дитериха поддерживают восточно-тевтонские воины и нетевтонцы с Востока — из Польши, Валахии, России, Греции и т.д.; Эрменриха, с другой стороны, вожди из Тюрингии, Швабии, Гессена, Саксонии, Нидерландов, Англии и Севера, и, прежде всего, бургундцы, которые в генеалогии

Санкт-Гэленского кодекса причислены к гермионам, а в генеалогии Ла Кавы - к гермионам. Кодексы считаются вместе с ингевонами. Что касается мифического происхождения бургундской династии от дяди Свипдага, я представлю доказательства в своих главах, посвященных расе ивальде.

Первоначальная идентичность саг Хаддинга и Дитериха и их происхождение от мифа о самой ранней древности и патриархах я теперь считаю доказанным и установленным. Война между Хаддингом-Дитерихом и Гудхорм-Эрменрихом идентична конфликту, начатому Ингве-Свипдагом между племенами ингавонес, эрмионес и иставонес. Также было продемонстрировано, что Хальфдан, отец Гудхорма и Хаддинга, а также отчим Ингве-Свипдага идентичны Маннусу. Таким образом, одним из результатов этого исследования является то, *что песни о Маннусе и его сыновьях, древние уже во времена Тацита, подверглись большому или меньшему влиянию веков и продолжали жить далеко в средние века, и что не сами песни, а основные черты их содержания сохранились до нашего времени* должны быть снова включены в нашу мифологию вместе с мифом о первобытных временах, основные очертания которого были восстановлены, а финальным эпизодом которого является первая великая война в мире.

Скандинавско-исландская школа, которая приняла и развила ученую гипотезу средневековья в отношении иммиграции Одина и его соплеменников из Азии, виновата в том, что миф, во многих отношениях важный в отношении древности и ее событий в мире богов и людей — среди арийских мифов один из самых важных, как с научной, так и с поэтической точки зрения, который мог быть передан до нашего времени, — был отброшен в сторону и забыт. Ученая гипотеза и древний миф не могли быть согласованы. По этой причине последнему пришлось уступить. В этом мифе также не было ничего, что особенно вызвало к норвежскому национальному чувству и поэтому могло требовать снисхождения. Норвегия в нем вообще не названа. Скания, Дания, Свитиод (Швеция) и континентальная Тевтония являются ареной мифических событий. Среди многих причин, действовавших в христианские времена в придании тому, что сейчас называется "скандинавской мифологией", ее нынешнего характера, нет ни одной, которая способствовала бы приданию "скандинавской мифологии" того отпечатка, который она носила до сих пор, - узкой, нелиберальной городской мифологии, которая, построенная главным образом на фундаменте Младшей Эдды, является, как будет показано в настоящей работе, во многих отношениях карикатурой на настоящую скандинавскую и в то же время в своих основных чертах тевтонской мифологии.

Что касается древних арийских элементов в представленном здесь мифе, см. № 82 и 111.

IV.

МИФ О НИЖНЕМ МИРЕ.

44.

САГИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ, УХОДЯЩИЕ КОРНЯМИ В МИФ О НИЖНЕМ МИРЕ. САГА ЭРИКА ВИДФОРЛЕ.

Еще в далекие христианские времена среди скандинавов преобладала идея о том, что их языческие предки верили в существование места радости, из которого исключены печаль, страдание, изъязны, старость, болезни и смерть. Это место радости называлось *Одайнсакр*, акр-не-мертвых, *Йорд лифанда манна*, земля живых людей. Он располагался не на небесах, а внизу, либо на поверхности земли, либо в нижнем мире, но был отделен от земель, населенных людьми, таким образом, что добраться туда было не невозможно, но, тем не менее, чрезвычайно опасно.

Сага четырнадцатого века, включенная в Flateybook и с некоторыми текстовыми изменениями в Fornald. В Саге, iii., рассказывается следующее:

Эрик, сын мелкого норвежского короля, однажды в канун Рождества поклялся найти Одайнсакера, и слава об этом распространилась по всей Норвегии. В компании датского принца, которого также звали Эрик, он отправился сначала в Миклагард (Константинополь), где король нанял молодых людей к себе на службу и извлек большую пользу из их воинского мастерства. Однажды король заговорил с норвежцем Эриком о религии, и результатом стало то, что последний отказался от веры своих предков и принял крещение. Он рассказал своему царственному учителю о клятве, которую он дал, чтобы найти Одайнсакера, — "*брат достопочтенный хейрди вер сагт а вору ланди*", — и спросил его, знает ли он, где это находится. Король верил, что Одейнсакер идентичен Раю, и сказал, что он находится на Востоке, за самыми дальними границами Индии, но что никто не может попасть туда, потому что он окружен огненной стеной, которая стремится к самим небесам. Тем не менее, Эрик был связан своей клятвой, и вместе со своим датским тезкой он отправился в путь после того, как король проинструктировал их, насколько это было в его силах, относительно пути и дал им рекомендательное письмо к властям и князьям, через территории которых они должны были проезжать. Они путешествовали по Сирии и огромной и чудесной Индии и пришли в темную страну, где звезды видны весь день напролет. Пройдя через его густые леса, они увидели, когда начало светать, реку, через которую был перекинут сводчатый каменный мост. На другой стороне реки была равнина, от которой исходил сладкий аромат. Эрик предположил, что это река, названная королем в Миклагарде Пизоном и берущая начало в Раю. На каменном мосту лежал дракон с широко раскрытой пастью. Датский принц посоветовал им вернуться, поскольку считал невозможным победить дракона или миновать его. Но норвежец Эрик схватил одного из своих людей одной рукой и с мечом в другой бросился на дракона. Было видно, как они исчезли в челюстях чудовища. Затем вместе с другими спутниками датский принц вернулся тем же путем, каким пришел, и через много лет вернулся в свою родную землю.

Когда Эрик и его соотечественник были проглочены драконом, им показалось, что их окутал дым; но он рассеялся, и они остались невредимы и увидели перед собой огромную равнину, освещенную солнцем и покрытую цветами. Там текли реки меда, воздух был спокоен, но прямо над землей чувствовался легкий ветерок, который доносил аромат цветов. В этой стране никогда не бывает темно, и предметы не отбрасывают тени. Оба искателя приключений отправились далеко вглубь страны, чтобы найти, если возможно, населенные пункты. Но страна казалась необитаемой. Тем не менее, вдалеке они обнаружили башню. Они продолжали двигаться в том направлении и, подойдя ближе, обнаружили, что башня висит в воздухе без фундамента или колонн. К ней вела лестница. Внутри башни была комната, устланная бархатным ковром, и там стоял прекрасный стол с вкусной едой на серебряных блюдах и вином в золотых кубках. Там также были великолепные кровати. Оба мужчины теперь были уверены,

что прибыли в Одейнсейкер, и возблагодарили Бога за то, что достигли места назначения. Они освежились и легли спать. Пока Эрик спал, к нему пришел красивый юноша, который назвал его по имени и сказал, что он один из ангелов, охраняющих врата Рая, а также ангел-хранитель Эрика, который был рядом с ним, когда он поклялся отправиться на поиски Одейнсейкера. Он спросил, желает ли Эрик остаться там, где он сейчас находится, или вернуться домой. Эрик хотел вернуться, чтобы сообщить об увиденном. Ангел сообщил ему, что Одайнсакер, или *йорд лифанда манна*, где он сейчас находился, - это не то же самое место, что Рай, ибо в последний могут попасть только духи, а страна духов, Рай, была настолько великолепна, что по сравнению с ней Одейнсакер казался пустыней. Тем не менее, эти два региона находятся на границе друг с другом, а река, которую видел Эрик, берет свое начало в Раю. Ангел позволил двум путешественникам остаться в Одейнсакере на шесть дней, чтобы отдохнуть. Затем они вернулись через Миклагард в Норвегию, и там Эрика прозвали *вид-ферли*, странствующий.

Что касается генеалогии Эрика, в саге говорится (Fornald. Saga, iii. 519), что его отца звали Транд, что его тетей (сестрой матери) была некая Сванхвит, и что он принадлежал к расе дочери Тьяссе, Скаде. Далее, в области реального мифа, мы обнаружим Эрика, который принадлежит к семье Тьяссе, и чья мать - дева-лебедь (богиня роста). Этому последнему Эрику также удалось повидаться с Одейнсакером (см. № № 102, 103).

45.

САГИ О СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (продолжение). ИСЛАНДСКИЕ ИСТОЧНИКИ О ГУДМУНДЕ, КОРОЛЕ СВЕРКАЮЩИХ РАВНИН.

В "Саге о Херворе" упоминается Одейнсейкер, причем без какого-либо видимого добавления христианских элементов. Гудмунд (*Годмундр*) - так звали короля Йотунхейма. Его дом назывался *Грунд*, но район, в котором он находился, назывался Сверкающие Равнины (*Glæsisvellir*). Он был мудр и могуществен, и в языческом смысле набожен, и он и его люди стали такими старыми, что прожили много поколений. Поэтому, продолжает история, язычники верили, что Одейнсакер находится в его стране. "Это место (Одайнсакер) для всех, кто приходит туда настолько здоровым, что болезни и старость уходят, и никто никогда там не умирает".

Согласно автору саги, Йотунхейм расположен к северу от Халогаленда, вдоль берегов Гандвика. Мудрый и могущественный Гудмунд умер, прожив полутысячи лет. После его смерти люди поклонялись ему как богу и приносили ему жертвы.

Тот же Гудмунд упоминается в саге о Херроде и Бозе как правитель Сверкающих равнин, который был очень искусен в магическом искусстве. Здесь говорится, что Сверкающие равнины расположены недалеко от Бьярмаланда, как и в саге Торстейна Беармагна, в которой королевство короля Гудмунда, Сверкающие равнины, является притоком Йотунхейма, правителем которого является Гейрред.

В историю Олафа Трюгвесона, как она изложена в Flateybook, включен следующий эпизод. Северянина Хельге Торесона отправили в коммерческое путешествие на крайний Север, на побережье Финмарка, но он заблудился в огромном лесу. Там он встретил двенадцать одетых в красное юных дев верхом на лошадях, и попона их сияла, как золото. Главной из дев была Ингеборг, дочь Гудмунда со Сверкающих Равнин. Молодые девушки разбили великолепный шатер и накрыли стол с блюдами из серебра и золота. Хельге пригласили остаться, и он пробыл у Ингеборг три дня. Тогда дочери Гудмунда собрались уходить; но прежде чем они расстались,

Хельге получила от Ингеборг два сундука, полных золота и серебра. С ними он вернулся к отцу, но никому не сказал, откуда они у него. В следующую святочную ночь разразилась сильная буря, во время которой двое мужчин унесли Хельге, и никто не знал, куда. Его убитый горем отец сообщил об этом Олафу Трюгвесону. Прошел год. Потом случилось так, что на Святки Хельге вошел к королю в зал, а с ним двое незнакомцев, которые протянули Олафу два позолоченных рога. Они сказали, что это дары Гудмунда со Сверкающих равнин. Олаф наполнил рога хорошим напитком и вручил их посланцам. Тем временем он приказал присутствовавшему епископу благословить напиток. Результатом было то, что языческие существа, которые были посланцами Гудмунда, отбросили рога, и в то же время в зале поднялся сильный шум и смятение. Пожар был потушен, и люди Гудмунда исчезли вместе с Хельге, убив троих людей короля Олафа. Прошел еще год. Затем к королю пришли двое мужчин, которые привели с собой Хельге, и снова исчезли. Хельге был в то время слеп. Король задал ему много вопросов, и Хельге объяснил, что провел у Гудмунда самые счастливые дни; но молитвы короля Олафа в конце концов помешали Гудмунду и его дочери удержать его, и перед его отъездом Ингеборг выколола ему глаза, чтобы дочери Норвегии не влюблялись в них. Своими подарками Гудмунд намеревался обмануть короля Олафа, но в целом Хельге мог сообщить об этом язычнику только хорошее.

46.

САГИ О СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (*продолжение*). САКСОН ОБ ЭТОМ САМОМ ГУДМУНДЕ, ПРАВИТЕЛЕ НИЖНЕГО МИРА.

Датский историк Саксон также знает Гудмунда. Он рассказывает (*История. Дан.*, viii), что король Горм решил найти таинственную страну, о которой на Севере ходило много сообщений. В той земле хранились невероятные сокровища. Там жил некий Герут, известный в преданиях, но путь туда был полон опасностей и почти недоступен для смертных. Те, кто хоть что-то знал о положении земли, настаивали на том, что необходимо переплыть океан, окружающий землю, оставить солнце и звезды позади и совершить путешествие *к югу от Чао*, прежде чем достичь земли, лишенной дневного света, и над горами и долинами которой нависает тьма. Сначала предстояло совершить опасное путешествие, а затем - путешествие в нижний мир. С опытным моряком Торкиллом в качестве проводника король Горм покинул Данию на трех кораблях и многочисленной свите, проплыл мимо Халогаланда и после странных приключений по пути прибыл в Бьярмаланд, расположенный за известной землей с тем же названием, и бросил якорь недалеко от ее побережья. В этой *глубинке Бьярмии* всегда холодно; на ее заснеженные поля не приходит летнее тепло, через ее дремучие дикие леса текут быстрые пенистые реки, которые берут начало в скалистых ущельях, а леса полны диких зверей, подобных которым нет нигде в другом месте. Местные жители - чудовища, с которыми незнакомцам опасно вступать в разговор, потому что от необдуманных слов они получают силу причинять вред. Поэтому Торкилл должен был говорить один за всех своих товарищей. Место для стоянки он выбрал таким образом, чтобы оттуда у них был кратчайший путь до Герута. В вечерних сумерках путешественники увидели человека необычных размеров, идущего им навстречу, и, к их радости, он приветствовал их по имени. Торкилл сообщил им, что они должны расценивать приход этого человека как доброе предзнаменование, ибо он был братом Герута, Гутмундусом, дружелюбным человеком и самым верным защитником в опасности. Когда Торкилл объяснил вечное молчание своих спутников тем, что они были слишком застенчивы, чтобы вступать в разговор с человеком, языка которого не понимали, Гутмундус пригласил их быть его гостями и

повел их по тропинкам вниз вдоль реки. Затем они пришли к месту, где через реку был построен золотой мост. Датчане почувствовали желание пересечь мост и посетить землю на другом берегу, но Гутмундус предупредил их, что природа руслом этого ручья провела черту между человеческим и сверхчеловеческим и таинственную, и что земля на другом берегу по священному приказу была объявлена незаконной для ног моряков.^[34] Поэтому они продолжили поход по тому берегу реки, по которому шли до сих пор, и таким образом пришли к таинственному жилищу Гутмунда, где перед ними был устроен пир, на котором им прислуживали двенадцать его сыновей, все благородной наружности, и столько же дочерей, прекраснейших лицом.

Но пир был особенным. Датчане вняли совету Торкиллуса не вступать слишком близко в контакт со своими странными соседями по столу или слугами, и вместо того, чтобы пробовать представленные блюда и напитки, они ели и запивали провизией, которую взяли с собой из дома. Они сделали это, потому что Торкилл знал, что смертные, принимающие предлагаемые им здесь знаки внимания, теряют всякую память о прошлом и навсегда остаются среди "этих нечеловеческих и унылых существ". Опасность угрожала даже тем, кто был слаб в отношении соблазнительной красоты дочерей Гутмунда. Он предложил королю Горму дочь в жены. Сам Горм был достаточно благоразумен, чтобы отказаться от этой чести, но четверо его людей не смогли устоять перед искушением и были вынуждены заплатить за это потерей памяти и помрачением рассудка.

Их ожидало еще одно испытание. Гутмундус упомянул королю, что у него есть вилла, и пригласил Горма отправиться с ним туда и отведать восхитительных фруктов. Торкилл, обладавший талантом придумывать оправдания, теперь нашел одно для уст короля. Хозяин, хотя и был недоволен сдержанностью гостей, все же продолжал проявлять к ним дружелюбие, и когда они выразили желание осмотреть владения Герута, он сопровождал их всех к реке, провел через нее и пообещал подождать там, пока они не вернутся.

Земля, по которой они теперь шли, была домом ужасов. Они прошли не очень далеко, прежде чем обнаружили перед собой город, который, казалось, был построен из темного тумана. Человеческие головы были насажены на колья, окружавшие городские бастионы. Дикие собаки, чью ярость Торкилл, однако, умел утихомиривать, несли вахту за воротами. Ворота располагались высоко в бастионе, и, чтобы добраться до них, нужно было взбираться по лестницам. В городе была толпа существ, ужасных на вид и на слух, и повсюду были грязь, гниль и ужасное зловоние. Дальше было что-то вроде горной твердыни. Добравшись до входа в него, путешественники были поражены его ужасным видом, но Торкилл придал им мужества. В то же время он самым строгим образом предупредил их, чтобы они не прикасались ни к каким сокровищам, которые могли бы привлечь их внимание. Все, что взгляд и душа могут представить себе ужасным и омерзительным, было собрано в этой скалистой цитадели. Дверные проемы были покрыты многовековой копотью, стены покрыты грязью, крыши состояли из острых жал, полы были сделаны из змей, покрытых мерзостью. У порогов толпы монстров выполняли роль привратников и были очень шумными. На железных скамьях, окруженных свинцовыми заграждениями, лежали гигантские монстры, похожие на безжизненные изображения. Выше, в скальной нише, сидел престарелый Герут, его тело было пронзено и пригвождено к скале, и там же лежали три женщины со сломанными спинами. Торкилл объяснил, что именно этого Герута бог Тор пронзил раскаленным железом; женщины также получили свое наказание от того же бога.

Когда путешественники покинули эти места наказания, они пришли к месту, где увидели в большом количестве цистерны с медом (*доля*). Они были покрыты семью листами золота, а над ними висели предметы из серебра круглой формы, из которых в резервуары спускались многочисленные косы. Рядом был найден позолоченный зуб какого-то странного животного, а рядом с ним, опять же, лежал огромный рог, украшенный рисунками и сверкающий драгоценными камнями, а также нарукавное кольцо огромной величины. Несмотря на предупреждения, трое людей Горма наложили жадные руки на эти произведения искусства. Но жадность получила свое вознаграждение. Нарукавное кольцо превратилось в ядовитую змею; рог - в дракона, который убивал их разбойников; зуб стал мечом, который пронзал сердце того, кто его носил. Другие, ставшие свидетелями судьбы своих товарищей, ожидали, что их тоже, хотя и невиновных, постигнет какое-нибудь несчастье. Но их беспокойство казалось необоснованным, и когда они снова огляделись, то обнаружили вход в другую сокровищницу, в которой хранилось огромное количество огромного оружия, среди которого хранилась королевская мантия, а также великолепный головной убор и пояс, лучшее произведение искусства. Сам Торкилл не мог совладать со своей жадностью, когда увидел эти одежды. Он схватил мантию и таким образом дал сигнал остальным грабить. Но затем здание содрогнулось до основания; слышались голоса визжащих женщин, которые спрашивали, следует ли и дальше терпеть этих разбойников; существа, которые до сих пор лежали как полумертвые или безжизненные, встрепенулись и присоединились к другим призракам, напавшим на датчан. Все последние погибли бы, если бы их отступление не прикрывали два превосходных лучника, которых Горм взял с собой. Но из людей, числом почти в триста человек, с которыми король отважился отправиться в эту часть нижнего мира, осталось всего двадцать, когда они наконец достигли реки, где их ждал Гутмундус, верный своему обещанию, и доставил их в лодке в свои владения. Здесь он предложил им остаться, но так как он не смог их убедить, он преподнес им подарки и позволил им благополучно вернуться на свои корабли тем же путем, каким они пришли.

47.

САГИ О СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (*продолжение*). ФЬЯЛЛЕРУС И ХАДИНГУС (ХАДДИНГ) В НИЖНЕМ МИРЕ.

Согласно Саксону, двум другим датским принцам было разрешено увидеть подземный мир, или Одайнсакер. Саксон называет его Фьяллером и назначает наместником в Скании. Вопрос о том, кем был этот Фьяллер в мифологии, обсуждается в другой части этой работы (см. № 92).

Согласно Саксону, он был изгнан из королевства королем Амлетом, сыном Хорвендилла, и поэтому удалился в Унденсакр (Одайнсакер), "место, которое неизвестно нашему народу" (*История. Дан. iv.*).

Другой из этих двоих - король Хадингус (*Хист. дан.*, i), вышеупомянутый Хаддинг, сын Хафдана. Однажды зимним днем, когда Хаддинг сидел у очага, из земли поднялась фигура женщины, у которой на коленях было полно ковбойских веток, и она показала им, как будто собиралась спросить, хотел бы король увидеть ту часть света, где в разгар зимы могут цвести такие свежие цветы. Хаддинг пожелал этого. Затем она завернула его в свою мантию и унесла в нижний мир. "Боги нижнего мира, - говорит Саксон, - должно быть, решили, что он должен быть перенесен живым в те места, которые не следует искать до самой смерти". Вначале путешествие проходило по территории, окутанной тьмой, туманами. Затем Хаддинг понял, что они идут по

тропинке, "по которой ежедневно ступают ноги пешеходов". Тропинка вела к реке, в порогах которой валялись копья и другое оружие и через которую был перекинут мост. Прежде чем добраться до этой реки, Хаддинг увидел с тропинки, по которой он путешествовал, местность, по которой прогуливались "немногие" или "определенные" (*quidam*), но очень благородные существа (*proceres*), одетые в красивые платья и пурпурные мантии. Оттуда женщина привела его на равнину, которая сверкала, как на солнце (*loca aprica*, перевод "Сверкающие равнины"), и там росли растения, которые она ему показала. Это был один берег реки. На другом берегу царили суeta и активность. Там Хаддинг увидел сражающиеся две армии. Как объяснила ему его прекрасная проводница, они были душами воинов, павших в битве, и теперь имитировали игры с мечом, в которые они играли на земле. Продолжая свой путь, они достигли места, окруженного стеной, через которую было трудно пройти или преодолеть. Женщина также не предпринимала никаких усилий, чтобы войти туда, ни одна, ни с ним: "Это было бы невозможно для самого маленького или худощавого физического существа". Поэтому они вернулись тем же путем, каким пришли. Но перед этим, пока они стояли у стены, женщина экспериментально продемонстрировала Хаддингу, что обнесенное стеной место имеет странную природу. Она оторвала голову цыпленка, которого взяла с собой, и швырнула ее через стену, но голова вернулась к шее цыпленка и отчетливым карканьем возвестила, "что к ней вернулись жизнь и дыхание".

48.

САГИ О СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (продолжение). ФРИЗСКАЯ САГА ОБ АДАМЕ БРЕМЕНСКОМ.

Приведенный выше ряд преданий об Одайнсакере, Сверкающих Равнинах и их правителе Гудмунде, а также о соседних владениях как обители душ умерших, простирается, насколько это касается возраста их письменных упоминаний, на довольно длительный период. Самые поздние из них нельзя отнести к более ранней дате, чем четырнадцатый век; самые старые были записаны ближе к концу двенадцатого. Саксон начал работать над своей историей между 1179 и 1186 годами. Таким образом, эти литературные свидетельства охватывают около двух столетий и заканчиваются у порога язычества. Поколение, к которому принадлежал отец Саксона, было свидетелем крестового похода, который Сигурд Крестоносец предпринял в Восточном Смоланде, в лесах которого до того времени, по-видимому, преобладала доктрина Аса, а религия Одина, как полагают, процветала в более отдаленных частях Швеции даже во времена самого Саксона.

Мы все еще должны добавить к этой серии документов один, который перенесет ее на другое столетие и даже больше. Этот документ представляет собой сагу, рассказанную Адамом Бременским в "*На месте Даниэля*". Адам, или, возможно, до него, его авторитет Адальберт (назначенный архиепископом в 1043 году), превратил сагу в историю и сделал ее максимально правдоподобной, исключив все явно мифические элементы. И поскольку в нем, несомненно, по этой причине, не упоминается место, которое можно сравнить с Одейнсакером или со Сверкающими Равнинами, я опустил его среди приведенных выше литературных свидетельств. Тем не менее, в основных чертах он напоминает нам рассказ Саксона о путешествии Горма за открытиями, и его связь как с ним, так и с еще более древним мифом будет показана позже (см. № 94). В том виде, в каком Адам услышал сагу, ее отправная точка находилась во Фрисландии, а не в Дании. Фризские аристократы совершают путешествие мимо Норвегии к самым дальним пределам Северного Ледовитого океана, попадают во тьму, в которую едва могут проникнуть

глаза, подвергаются воздействию водоворота, который угрожает утащить их вниз, в Хаос, но в конце концов совершенно неожиданно выходят из темноты и холода на остров, окруженный, как стеной из высоких скал, подземными пещерами, в которых скрываются великаны. У входов в подземные жилища стояло огромное количество чанов и сосудов из золота и других металлов, которые "смертным кажутся редкими и ценными". Столько, сколько авантюристы могли унести из этих сокровищ, они взяли с собой и поспешили на свои корабли. Но гиганты, представленные огромными собаками, бросились за ними. Один из фризов был настигнут и разорван на куски на глазах у остальных. Остальным удалось, благодаря нашему Господу и святому Виллахеду, благополучно взойти на борт своих кораблей.

49.

АНАЛИЗ САГ, УПОМЯНУТЫХ В № 44-48.

Если мы рассмотрим позицию авторов или записывающих эти саги по отношению к взглядам, которые они излагают в отношении Одейнсакера и Сверкающих Равнин, то обнаружим, что они сами, с основанием или без, считают, что эти взгляды относятся к языческим временам и языческого происхождения. В "Саге об Эрике Видфорле" говорится, что ее герой на своей родине и в своем языческом окружении слышал рассказы об Одайнсакере. С другой стороны, король Миклагарда, который обучает принца доктринам христианства, ничего не знает о такой стране. Он просто предполагает, что Хранитель Одеяний язычников должен быть таким же, как Рай христиан, и более поздняя сага доказывает, что это предположение неверно.

Автор "Саги о Херворе" упоминает Одейнсакера как языческую веру и пытается объяснить, почему в языческие времена считалось, что Одейнсакер находится в пределах королевства Гудмунда, Сверкающих равнин. Причина такова: "Гудмунд и его люди были такими старыми, что прожили несколько поколений (Гудмунд прожил пятьсот лет), и поэтому язычники верили, что Одайнсакер находится в его владениях".

Человек, составивший легенду о Хельге Торесоне, связывает ее с историей короля Олафа Трюгвесона и противопоставляет этого первого короля Норвегии, который трудился над введением христианства, представителю нового и истинного учения, а короля Сверкающих равнин Гудмунда - представителю языческого учения. Автор не сделал бы этого, если бы не верил, что у правителя Сверкающих Равнин были предки в языческом мире.

"Сага о Торстейне Беармагне" ставит Гудмунда и Сверкающие равнины в зависимость от Йотунхейма и Гейрреда, великана, хорошо известного в мифологии.

Саксон приходится Гудмунду Гейрроду (Геруту) братом, и он считает, что обсуждает древние традиции, когда рассказывает о путешествии Горма к открытиям и Хаддинга в Йотунхейм. Правление Горма Саксон относит к периоду, непосредственно следовавшему за правлением мифического короля Сне (Snow) и эмиграцией лонгобардов. Согласно Саксону, нисхождение Хаддинга в нижний мир произошло в древности, за много веков до короля Сноу. Хаддинг - у саксов один из первых королей Дании, внук Скъольда, прародителя Скъольдунгов.

"Сага об Эрике Видфорле" прокладывает путь к перевалу Одайнсакер через Сирию, Индию и неизвестную страну, которая жаждет солнечного света и где звезды видны весь день напролет. По другую сторону Одейнсакера и гранича с ним, лежит страна счастливых духов, Рай.

То, что эти последние идеи возникли под влиянием христианства, казалось бы, достаточно ясно. Мы также не найдем и следа Сирии, Индии и Рая, как только оставим эту сагу и перейдем к другим, в цепи которых она образует одно из более поздних звеньев. Все остальные согласны с переносом на крайний Север земель, которых необходимо достичь, прежде чем можно будет продолжить путешествие к Сверкающим Равнинам и Одайнсакеру. В саге Хервора говорится, что Сверкающие Равнины и Одайнсакер расположены к северу от Халогаланда, в Йотунхейме; в саге Херрода и Бозе говорится, что они расположены в окрестностях Бьярмаланда. В "Саге о Торстейне Беармагне" говорится, что они являются королевством, подвластным Гейрроду в Йотунхейме. В саксонской "Саге о Горме" говорится, что необходимо проплыть мимо Халогаланда на север, в *Бьярмию, лежащую за его пределами*, чтобы добраться до королевств Гудмунд и Гейрред. Сага о Хельге Торесоне знакомит своего героя с дочерьми Гудмунда, правителя Сверкающих Равнин, после путешествия в Финмаркен. Сага Хаддинга о Саксе заставляет датского короля посетить неизвестную, но по-зимнему холодную страну "нитерианцев", когда его приглашают совершить путешествие в нижний мир. Таким образом, более древняя и распространенная точка зрения заключалась в том, что тот, кто предпринимает попытку посетить Сверкающие Равнины и Одайнсакер, должен сначала проникнуть в районы крайнего Севера, известные только понаслышке.

Те из саг, которые дают нам более определенные описания местности в дополнение к этой географической информации, все согласны в том, что регион, который образует, так сказать, передний план перед Сверкающими равнинами и Одайнсакером, - это земля, над которой нависает ночная тьма. Как только что указывалось, в саге Эрика Видфорле утверждается, что звезды там видны в течение всего дня. "Сага Горма в Саксонии" заставляет датских искателей приключений оставить солнце и звезды позади, чтобы продолжить путешествие к югу *от Чао*. Темнота, туманы и дымка окутывают Хаддинга прежде, чем он видит великолепно одетых *процессий*, которые живут там, внизу, и сияющие луга, цветы на которых никогда не покидает зима. Фризская сага в "Адаме Бременском" также говорит о мраке, который необходимо преодолеть, прежде чем попасть в страну, где в подземных пещерах обитают богатые великаны.

Через эту тьму, согласно саге об Эрике Видфорле, человек выходит на равнину, полную цветов, восхитительных ароматов, медовых рек (библейская идея, но см. № № 89, 123) и вечного света. Река отделяет эту равнину от страны духов.

Через ту же самую тьму, согласно саге Горма, человек попадает на Сверкающие равнины Гудмунда, где есть увеселительная ферма, приносящая восхитительные фрукты, в то время как в том Бьярмаланде, откуда можно добраться до Сверкающих Равнин, царят вечная зима и холод. Река отделяет Сверкающие Равнины от двух или более других владений, по крайней мере одно из которых является домом для ушедших душ. Через реку перекинут золотой мост, ведущий в другой регион, "который отделяет смертное от сверхчеловеческого" и на землю которого не должна ступать нога смертного существа. Далее можно переправиться на лодке через реку в страну, которая является местом наказания проклятых и пристанищем призраков.

Через ту же самую тьму, согласно саге Хаддинга, человек попадает в подземную страну, где растут цветы, несмотря на зиму, царящую на поверхности земли. Страна цветов отделена от Елисейских полей тех, кто пал в битве, рекой, которая швыряет в своих водоворотах копья и другое оружие.

Эти утверждения из разных источников согласуются друг с другом в своих основных чертах. Они согласны с тем, что нижний мир разделен рекой на две основные части и что ушедшие души можно найти только на дальнем берегу реки.

Таким образом, другая главная часть по эту сторону реки имеет иное назначение, чем прием счастливых или проклятых душ умерших. Согласно саге о Горме, там живет великан Гудмунд со своими сыновьями и дочерьми. Есть также Сверкающие равнины, поскольку ими, согласно сагам Хервора, Херрода, Торстейна Беармагна и Хельге Торесона, правит Гудмунд.

В некоторых цитируемых источниках говорится, что Сверкающие Равнины расположены в Йотунхейме. Это утверждение не противоречит тому факту, что они расположены в нижнем мире. В мифах упоминаются два йотунхейма, и поэтому в Эддах используется форма множественного числа - Йотунхеймар. Один из Йотунхеймов расположен на поверхности земли на крайнем Севере и Востоке, отделенный от Мидгарда, населенного человеком, самым дальним морем, или Эливогами (Гильфагининг, 8). Другой Йотунхейм находится под землей. Согласно Вафтруднисмалу (31), один из корней мирового дерева простирается вниз "до ледяных великанов". Урд и ее сестры, которые охраняют один из фонтанов корней Игдрасиля, - великанши. Мимер, которая охраняет другой фонтан в нижнем мире, называется великаном. Та часть мира, которая населена богинями судьбы и Мимерами, таким образом, населена гигантами и является подземным Йотунхеймом. Оба эти Йотунхейма связаны друг с другом. От верхнего есть путь, ведущий к нижнему. Поэтому в тех традициях, записанных в христианскую эпоху, которые мы здесь обсуждаем, Северный Ледовитый океан и крайний Север упоминаются как маршрут для тех, у кого есть желание и мужество посетить гигантов нижнего мира.

Когда в саге Хаддинга говорится, что он на другом берегу подземной реки увидел тени героев, павших от меча, выстроившихся в боевой ряд и сражающихся друг с другом, то это не противоречит мифу, согласно которому герои, избранные на поле битвы, приходят в Асгард и играют в свои воинственные игры на равнинах мира богов.

В "Велуспе" (стр. 24) мы читаем, что когда в мире разразилась первая "народная" война, ваны взяли штурмом цитадель Одина и его клана, которые прорвались через ее оплот и захватили Асгард. В согласии с этим Саксон (*Hist.*, i.) рассказывает, что в то время, когда правил король Хаддинг, Один был лишен своей власти и некоторое время жил в изгнании (см. № 36-41).

Очевидно, что не могло быть никаких великих сражений и что не могло быть большого количества павших от мечей людей до того, как в мире разразилась первая великая "народная" война. Иначе эта война не была бы первой. Таким образом, до этой войны в Валхале не было тех сонмов эйнхериев, которые позже пируют в зале Вальфатера. Но поскольку Один после начала этой войны был изгнан из Валхала и Асгарда и не вернулся до заключения мира между Асами и ванами, то ни один из выбранных им эйнхериев не мог быть принят в Валхале во время войны. Отсюда следует, что герои, павшие в этой войне, хотя и были выбраны Одином, должны были быть отнесены к какому-то другому месту, кроме Асгарда (за исключением, конечно, всех тех, кого выбрали ваны, в случае, если они выбрали эйнхериев, что, вероятно, по той причине, что Ванадис Фрейя получает после примирения с Одином право разделить с ним выбор убитых). Это другое место нигде так не подходит для поиска, как в нижнем мире, который, как мы знаем, был предназначен для приема душ умерших. И поскольку Хаддинг, который, согласно Саксо, спустился в нижний мир, является, согласно Саксо, тем самым Хаддингом, во время правления которого Один был изгнан из Асгарда, то отсюда следует, что утверждение

саги, заставляющее его видеть в нижнем мире те воинственные игры, которые еще практикуются на равнинах Асгарда, отнюдь не противоречит мифу, напротив, является следствием связи мифических событий.

Река, которая упоминается в сагах Эрика Видфорле, Горма и Хаддинга, имеет свой прототип в мифических записях. Когда Хермод на Слейпнере отправляется в нижний мир (Гильфагининг, 10), он сначала путешествует по темной стране (сравните выше), а затем приходит к реке *Гьель*, через которую перекинут золотой мост, называемый мостом Гьяллар. По другую сторону *Гьелля* находятся Врата Хельгейта, которые ведут в царство мертвых. В "Саге о Горме" мост через реку тоже из золота, и смертным запрещено переходить на другой берег.

Подземная река, швыряющая оружие в своих водоворотах, упоминается в "Велуспе", 33. В "Саге Хаддинга" мы также читаем о реке, швыряющей оружие, которая образует границу Элизiums тех, кто был убит мечом.

В Веттамсквиде упоминается подземная собака с окровавленной грудью, родом из Нифельхеля, надлежащего места наказания. В "Саге Горма" оплот вокруг города проклятых охраняют огромные собаки. Слово "нифель" (*nifl*, от немецкого *Nebel*), которое образует одну из частей слова *Nifelhel*, означает туман, дымка. В "Саге Горма" город, о котором идет речь, больше всего похож на облако пара (*сравнение с максимумом в апаранти нуби*).

Описание Саксоном этого дома пыток, который находится в черте города, мало чем отличается от описания Велуспой того места пыток, которое называется Настранд. У саксонии пол в доме состоит из сплетенных вместе змей, а крыша - из острых жал. В Велуспе зал сделан из сплетенных вместе змей, чьи головы сверху плюются ядом на тех, кто там обитает. Саксон говорит о копотности столетней давности на дверных рамах; о Вельуспе из *лорара*, о вентиляционных и дымовых отверстиях в крыше (см. далее № № 77 и 78).

Сам Саксон указывает, что упомянутый им Герут (*Гейрред*) и его знаменитые дочери принадлежат к мифу об Асе-боге Торе. То, что Гейрред после своей смерти переносится в нижний мир, не противоречит языческим верованиям, согласно которым прекрасные или ужасные жилища ожидают умерших не только людей, но и других существ. Сравните "Гильфагининг", гл. 46, где Тор одним ударом своего Мьельнера отправляет в нокаут великана *нидра ундира Нифльхеля* (см. далее, № 60).

Поскольку источники Мимера и Урд находятся в нижнем мире (см. № 63, 93), и поскольку Мимер упоминается как хранитель рога Хеймдала и других сокровищ, можно ожидать, что эти обстоятельства не будут забыты в тех историях христианских времен, которые были процитированы выше и, как оказалось, уходят корнями в мифы.

Когда в саге Саксона о Горме датские искатели приключений покинули ужасный город туманов, они пришли в другое место в нижнем мире, где были найдены позолоченные сосуды с медом. Латинское слово, используемое Саксоном, которое я перевожу как "цистерны с медом", - это *dolium*. В классической латыни это слово используется по отношению к винным цистернам таких огромных размеров, что они считались недвижимыми и обычно были утоплены в полу погребов. Они были настолько большими, что в таком резервуаре мог жить человек, и об этом также сообщается, что это произошло. То, что слово *dolium* еще во времена Саксона имело аналогичное значение, явствует из письма, цитируемого Дю Канжем, написанного младшим современником Саксона, епископом Гебхардом. Таким образом, размер не является

препятствием для того, чтобы Саксон использовал это слово для обозначения винного резервуара для обозначения медовых колодцев в нижнем мире тевтонской мифологии. Вопрос теперь в том, действительно ли он это сделал, или же рассматриваемые суб-земные *доли* являются объектами, относительно которых наши самые ранние мифические записи оставили нас в неведении.

Во времена Саксона и ранее эпитеты, с помощью которых медовые колодцы - Урд и Мимер — и их содержимое упоминаются в мифологических песнях, стали применяться также к тем ведам с медом, которые, как говорят, Один опорожнил в чертогах великана Фьялара или Суттунга. Это применение также было под рукой, поскольку эти колодцы и эти сосуды содержали один и тот же ликер, и поскольку первоначально, как явствует из значения слов, это был ликер, а не место, где хранился ликер, к которому применялись эпитеты *Odrærir*, *Bodn* и *Son*. В "Хавамале" (107) Один выражает свою радость по поводу того, что *Одрерир* вышел из-под власти великана Фьялара и может быть полезен существам верхнего мира. Но если мы можем доверять Брагару (гл. 5), то Один берет с собой в Валхал именно напиток, а не пустые сосуды. Исходя из этого предположения, именно напиток, а не один из сосудов, называется в Хавамале *Odrærir*. В "Хавамале" (140) Один рассказывает, как он, благодаря самопожертвованию и страданиям, преуспел в извлечении рунических песен из глубин, а также напитка, извлеченного из *Одрерира*. Тот, кто дает ему песни и питье и, соответственно, является хозяином источника напитка, - это мужчина, "знаменитый сын Болторна". И здесь Одререр - один из подземных фонтанов, несомненно, принадлежащий Мимеру, поскольку тот, кто наливает напиток, - мужчина. Но в *Forspjalsljod* (2) фонтан Урд также называется Одререр (*Odhrærir Urdar*). Перефразировки поэтического напитка, такие как "Растущая волна Бодна" (Эйнар Скалаглам) и "Край поросшей тростником травы сына" (Эйлиф Гудрунсон), указывают на фонтаны или колодцы, а не на сосуды. Между тем еще до Саксона и Стурласона была сочинена сатира о приключении Одина у Фьялара, и автор этой песни, содержание которой сохранила Младшая Эдда, называет сосуды, которые Один опустошает у *Одрерира* великана, *Бодном* и *Соном* (*Brogarædur*, 6). Саксон, который обнаруживает знакомство с подлинными языческими или предполагаемыми языческими поэмами, дошедшими до его времени, возможно, таким образом, видел эпитеты *Odrærir*, *Bodn* и *Són*, применяемые как к подземным медовым колодцам, так и к сосудам для меда гигантов. Тем больше оснований у него было бы для выбора латинского *dolium* для выражения идеи, которая может быть применима к обоим этим объектам.

Над этими резервуарами с медом висят, согласно описанию Саксона, серебряные предметы круглой формы, которые плотными жгутами ниспадают вниз и распределяются по семикратно позолоченным стенкам резервуаров с медом.^[35]

Над фонтанами Мимер и Урд свисают корни ясеня Игдрасиль, который опускает свои корневые узлы и корневые нити в их воды. Но не только корешки, погруженные в воду, но и корни, к которым они подвешены, питаются водой фонтанов. Норны ежедневно черпают воду и окропляют ею ствол дерева, "и вода настолько свята, - говорит Гильфагининг (16), - что все, что кладут в колодец (следовательно, также и все, чем норны ежедневно окропляют воду), становится таким же белым, как перепонка между яйцом и яичной скорлупой". Также корень над фонтаном Мимера окроплен его водой (*Völusp.*, Cod. R., 28), и эта вода, судя по цвету, того же сорта, что и в фонтане Урд, ибо последний называется *хвипр аурр* (*Völusp.*, 18), а первый течет в *аургум форси* по корню мирового древа (*Völusp.*, 28). Прилагательное *aurigr*, описывающее качество воды в фонтане Мимер, образовано от существительного *aurr*, с

помощью которого описывается жидкость, поливающая корень над фонтаном Урд. Таким образом, корни Игдрасиля, насколько до них может добраться жидкость из колодцев, имеют цвет, подобный цветку "перепонки между яйцом и яичной скорлупой", и, следовательно, напоминают по расположению, форме и цвету округлые предметы "из серебра", которые, согласно Саксо, свисают вниз и переплетаются в резервуарах с медом нижнего мира.

Фонтан Мимера содержит, как мы знаем, чистейший мед — жидкость вдохновения, поэзии, мудрости, понимания.

Рядом с Игдрасилем, согласно Вельуспе (27), спрятан рог Хеймдаля. Провидица в Велуспе знает, что он спрятан "под тенистым священным деревом".

Veit hon Heimdallar
hljod um fólgit
undir heidvönum
helgum badmi.

Возле одного из резервуаров с медом в нижнем мире люди Горма видят рог, украшенный рисунками и сверкающий драгоценными камнями.

Среди сокровищ, о которых позаботился Мимер, - лучший в мире меч и замечательное нарукавное кольцо, выкованное тем же мастером, что и меч (см. № № 87, 98, 101).

Рядом с великолепным рогом люди Горма видят позолоченный зуб животного и нарукавное кольцо. Зуб животного превращается в меч, когда его берут в руки.^[36] Неподалеку находится сокровищница, наполненная большим количеством оружия и королевской мантией. Мимер известен в мифологии как собиратель сокровищ. Поэтому его называют *Ходдмимиром*, *Ходдропниром*, *Баугрегином*.

Таким образом, Горм и его люди в своих путешествиях по нижнему миру видели не только место наказания Настранда в Нифельхеле, но и святую землю, где правит Мимер.

Когда Горм и его люди желают перейти золотой мост и увидеть чудеса, к которым он ведет, Гудмунд запрещает им это. Когда они в другом месте, дальше по течению, желают переправиться через реку, чтобы посмотреть, что там, за рекой, он соглашается и сажает их в лодку. Он не считает уместным показывать им неизвестную страну у золотого моста, но в пределах его полномочий позволить им увидеть места наказания и те области, где находятся цистерны с медом и сокровищницы. Саги называют его королем Сверкающих Равнин, а поскольку Сверкающие Равнины расположены в нижнем мире, он, должно быть, правитель нижнего мира.

Две саги, Хельге Торесона и Горма, бросают тень на характер Гудмунда. В первой эта тень не порождает путаницы или противоречия. Сага - это легенда, представляющая христианство с Олафом Трюгвесоном в качестве его апостола, находящееся в конфликте с язычеством, представленным Гудмундом. Поэтому естественно, что последнее не может быть представлено в самом благоприятном свете. Олаф своими молитвами разрушает счастье дочери Гудмунда. Он вынуждает ее бросить своего возлюбленного, и Гудмунд, который не способен отомстить

никаким другим способом, пытается сделать это, как это бывает со многими персонажами саг и истории, путем предательства. Этого требует фундаментальная идея и тенденция легенды. То, что автор легенды слышал о характере Гудмунда от более старых авторов саг или что он прочитал в записях, он, однако, не скрывает молчанием, а признает, что Гудмунд, помимо своей языческой религии и неприязни к Олафу Трюгвесону, был человеком, в доме которого можно было жить хорошо и быть счастливым.

Саксон сохранил тень, но в его повествовании это создает величайшее противоречие. Гудмунд предлагает фрукты, напитки и объятия, чтобы побудить своих гостей остаться с ним навсегда, и делает это в соблазнительной манере и, как кажется, с сознательной хитростью. Тем не менее, он проявляет безграничное терпение, когда гости оскорбляют его, не принимая ничего из того, что он предлагает. Когда он спускается к морскому берегу, где стоят на якоре корабли Горма, лидер первооткрывателей радостно встречает его, потому что он "самое благочестивое существо и защитник человека в опасностях". Он проводит их в безопасности в свой замок. Когда горстка из них возвращается после попытки разграбления сокровищницы нижнего мира, он считает преступление достаточно наказанным потерей жизни, которую они понесли, и переправляет их через реку в свой собственный безопасный дом; а когда они, вопреки его желаниям, желают вернуться на родину, он нагружает их подарками и следит за тем, чтобы они благополучно поднялись на борт своих кораблей. Из этого следует, что источники Саксона описывают Гудмунда как доброго и доброжелательного человека. Здесь, как и в легенде о Хельге Торесоне, тень отброшена молодыми руками на более старый фон, окрашенный в яркие цвета.

В саге о Херворе говорится, что он был мудрым, могущественным, в языческом смысле набожным ("великий жертвователь") и настолько почитаемым, что ему приносили жертвы, и ему поклонялись как богу после смерти. В саге о Херроде говорится, что он был очень искусен в магических искусствах, что является еще одним выражением языческой мудрости, фимбул-песен, рун и заклинаний.

Перемена к худшему, которой, по-видимому, отчасти подвергся характер Гудмунда, подтверждается изменением, связанным с ним и идущим параллельно ему, в представлении о силах в тех вещах, которые принадлежали низшему миру тевтонского язычества и владениям Гудмунда. У Саксона мы находим идею, связанную с античным мифом о Лете, согласно которому жидкости и растения, принадлежащие к нижнему миру, вызывают забвение прошлого. Поэтому Торкилл (Thorkillus) предупреждает своих спутников не есть и не пить ничего из того, что предлагает им Гудмунд. В песне о Гудрун (ii. 21, 22) и в других местах мы встречаемся с той же идеей. Я вернусь к этой теме (см. № 50).

50.

АНАЛИЗ САГ, УПОМЯНУТЫХ В № 44-48. ВОПРОС, КАСАЮЩИЙСЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ ОДАЙНСАКЕРА.

Является ли Гудмунд изобретением христианских времен, хотя он помещен в среду, которая в целом и деталях отражает языческую мифологию? Или в мифологии можно найти человека, который находится в точно таком же окружении и наделен теми же атрибутами и качествами?

Последние образуют чрезвычайно странный ансамбль, и поэтому их легко узнать. Правитель нижнего мира и в то же время великан. Благочестивый и все еще великан. Король во владениях,

куда не может проникнуть зима. Внутри этой сферы - замкнутое место, чей оплот не могут преодолеть ни болезни, ни старость, ни смерть. В его власти и удовольствии предоставить доступ на таинственные луга, где находятся резервуары с медом нижнего мира и где хранятся самый драгоценный из всех рогов, чудесный меч и великолепное нарукавное кольцо. Старый, как холмы, но все же подверженный смерти. Его почитали так, словно он был не великаном, а божественным существом. Это черты, которые в совокупности характеризуют Гудмунда и должны быть найдены в его мифологическом прототипе, если таковой существует. С этими особыми чертами сочетаются мудрость и богатство.

Ответ на вопрос, будет ли обнаружен мифический оригинал этой картины, будет дан ниже. Но перед этим мы должны обратить внимание на некоторые моменты в христианских источниках, приводимых в отношении Одейнсейкера.

Одайнсакер не отождествляется со Сверкающими Равнинами, а является отдельным местом на них или, по крайней мере, находится во владениях Гудмунда. Так гласит сага Хервора. Правильность утверждения подтверждается сравнением с сагами Горма и Хаддинга. В первом, как вы помните, упоминается место, которое Гудмунд не считает себя вправе показывать своим гостям, хотя им разрешено видеть другие таинственные места нижнего мира, даже медовые фонтаны и сокровищницы. К неизвестному месту, как и к подземному жилищу Бальдра, ведет золотой мост, который, несомненно, должен указывать на великолепие этого места. Подземная богиня, которая является проводником Хаддинга в Аиде, показывает ему как Сверкающие Поля (*losa aprica*), так и равнины мертвых героев, но останавливается с ним у стены, которая не открывается для них. Область, окруженная стеной, не получает ничего, что подверглось смерти, и самой ее близости, кажется, достаточно, чтобы держать смерть на расстоянии (см. № 47).

Все саги умалчивают о том, кто те существа, для которых предназначено это чудесное замкнутое место. Однако само его название, *Акро-не-мертвых (Одайнсакр)*, и *поле-живых (Йорд лифанда манна)*, ясно дают понять, что оно не предназначено для душ умерших. Это также может утверждать сага Эрика Видфорле, поскольку в ней проводится четкое различие между *Одайнсакером* и страной духов, между *Одайнсакером* и Раем. Если человек или другие существа находятся в пределах оплота этого места, они, должно быть, попали туда как живые существа в физическом смысле; и, оказавшись там, они защищены от гибели, поскольку болезни, возраст и смерть исключены.

Эрик Видфорле и его спутница находят во время своего путешествия на Одайнсакере только одно великолепное жилище с двумя кроватями. Кто та пара, которая владеет этим домом и, похоже, предоставила его в распоряжение путешественников, не указано. Но ночью к Эрику пришел красивый парень. Автор саги сделал его ангелом, который дежурит на границах между Одайнсейкером и Раем.

Цель Одайнсакера не упоминается в саге Эрика Видфорле. Между ним и христианским окружением, описанным в саге, нет никакой внятной связи. Церковная вера знает о земном Рае, который существовал в начале и был домом Адама и Евы, но его охраняет ангел с пылающим мечом, или, как выражается в саге Эрика, он окружен стеной огня. В нижнем мире христианская церковь знает Ад, но путь к ним лежит через врата смерти; физически живые люди, люди, которые не отдали дань смерти, там не встречаются. В христианской группе идей нет места для Одейнсейкера. Подпольное место для физически живых людей, которые там больше не подвержены старению и смерти, не имеет никакого отношения к экономике Церкви. Был ли

повод для этого среди идей языческой эсхатологии? В процитированных выше сагах ничего не говорится о целях Одайнсакера. Таким образом, перед нами важный для нашей темы вопрос, требующий ответа.

51.

ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ ГУДМУНДА С МИМЕРОМ.

Осмелюсь сказать, что наиболее характерной фигурой тевтонской мифологии является Мимер, повелитель фонтана, носящего его имя. Жидкость, содержащаяся в фонтане, является предметом глубочайшего желания Одина. У него нет ни власти над ней. Ни он, ни кто-либо другой из богов также не стремится получить контроль над ней силой. Упоминаются примеры, показывающие, что Один, чтобы получить напиток из него, должен подвергнуть себя великим страданиям и жертвоприношениям (Völuspa, Cod. Reg., 28, 29; Havamál, 138-140; Гильфаг., 15), и именно в качестве подарка или ссуды он впоследствии получает от Мимера бодрящий и вдохновляющий душу напиток (Havamál, 140, 141). Над фонтаном и его территорией Мимер, конечно, осуществляет неограниченный контроль, власть, которую боги, по-видимому, никогда не оспаривали. У него есть сфера власти, которую боги признают неприкосновенной. Область его правления принадлежит нижнему миру; она расположена под одним из корней мирового древа (Völuspa, 28, 29; Гильфаг., 15), и когда Один с мирового древа просит драгоценного меда из источника, он вглядывается *вниз*, в глубину, и оттуда извлекает руны (*ниста эк нитр, пат ес ир рúнар*). Рассказ Саксона о приключении Хотера (*История.*, стр. 113-115, изд. Мюллера) показывает, что считалось, что в землю Мимера ведет спуск в виде горной пещеры (*слекус*), и что этот спуск, как и во владения Гудмунда, находится на крайнем Севере, где царит ужасный холод.

Несмотря на то, что Мимер великан, он является другом мирового порядка и богов. Он, подобно Урд, охраняет священный ясень, мировое древо (Völuspa, 28), которое соответственно также носит его имя и называется деревом Мимера (*Мимамейдр-Фьольсвинсм*, 20; *мейдр Мима*—Фьольсв., 24). Общение между ним и отцом-Асом носило такой характер, что выражение "друг Мимера" (*Мимсвинр*—Сонаторрек, 22; Младшая Эдда, i. 238, 250, 602) могло использоваться скальдами как эпитет Одина. Об этой дружбе Инглингасага (гл. 4) сохранил запись. Это заставляет Мимера расстаться с жизнью за свою деятельность на благо богов и заставляет Одина забальзамировать его голову, чтобы он всегда мог получить мудрый совет из ее уст. Песня о Сигдрифе (стр. 14) представляет Одина слушающим слова истины, которые исходят из головы Мимера. Волюспа (стр. 45) предсказывает, что Один, когда приблизится Рагнарек, будет беседовать с головой Мимера; и, согласно Гильфагинингу (56), он непосредственно перед пожаром мира едет к источнику Мимера, чтобы получить совет от глубокого мыслителя для себя и своих друзей. Крепкая дружба между Альфатером и этим странным великаном нижнего мира завязалась утром времени, когда Один был еще молод и неразвит (см., 141), и продолжалась до конца богов и мира.

Мимер - собиратель сокровищ. Те же сокровища, которые Горм и его люди нашли в земле, которую Гудмунд позволил им посетить, согласно мифологии, находятся на попечении Мимера. Чудесный рог (Волюспа, 28), меч победы и кольцо (Саксон, *История.*, 113, 114; ср. № 87, 97, 98, 101, 103).

Во всех этих моментах Гудмунд из средневековых саг и Мимер из мифологии идентичны. Все еще остается важный момент. Во владениях Гудмунда есть великолепная роща, замкнутое место, из которого изгнаны слабости, старость и смерть — Рай того особого рода, что он предназначен не для душ умерших, а для определенных *лифанди менн*, но недоступный людям в целом. В мифе о Мимере мы также находим такую рощу.

52.

РОЩА МАЙМЕРА. ЖИЗНЬ И ЛЕЙФТРЕЙСЕР.

Роща названа в честь своего правителя и хранителя, Рощи Мимера или Сокровищницы Мимера (*Мимис холт*- Младшая Эдда, Упсальский кодекс; Гильфаг., 58; *Ходдмимис холт*— вафтруднизм, 45; Гильфаг., 58).

Гильфагининг описывает разрушение мира и его возрождение, а затем рассказывает, как земля, поднимающаяся из моря, снабжается человеческими обитателями. "Во время пожара (*и Суртарлога*) два человека прятались в роще Клагоискателя. Их зовут Лиф (*Lif*) и Лейфтразер (*Leifthrasir*), и питаются они утренней росой. От них происходит такое великое потомство, что весь мир населен".

В подтверждение своего заявления Gylfaginning цитирует Vafthrudnersmal. Это стихотворение заставляет Одина и великана Вафтруднера (*Вафтруднир*) задавать друг другу вопросы, и среди прочих Один задает этот вопрос:

Фиолт эк фор,
фиолт эк фристатак,
фиолт эк ум рейнда регин:
хватать манну для лифира,
там, в мералитре,
фимбулветр мет фиром?

"Много я путешествовал, много я пробовал, много я испытывал свои силы. Какие люди еще будут жить, когда в мире наступит знаменитая фимбуль-зима?"

Отвечает Вафтруднер:

Жизнь Лейфтрасира,
энн тау лейназ муно
и холти Ходдмимис;
моргиндаугвар
тау сер в мат-хафе
энн тадан в альдир-алазе.

"Лиф и Лейфтрейсер (все еще живы); они скрыты в роще Ходд-Мимера. У них есть утренняя роса для питания. Оттуда (из рощи Ходда-Мимера и этой человеческой пары) рождаются (новые) расы".

Гильфагининг утверждает, что два человеческих существа, Лиф и Лейфтрейсер, которые станут прародителями рас, которые населят землю после Рагнарека, были спрятаны *во время мирового пожара* в роще Ходд-Мимера. Это, вне всякого сомнения, соответствует мифическим представлениям. Но мифологи, которые не обратили достаточного внимания на то, что говорит по этому поводу источник Гильфагининга (Вафтруднерсмагл), из приведенного выше выражения сделали вывод, который подразумевает полное непонимание традиций в отношении рощи Ходд-Мимера и скрытой в ней человеческой пары. Они предположили, что Лиф и Лейфтрейсер, как и все другие люди, жившие в то время, были обитателями поверхности земли в то время, когда начался мировой пожар. Они объяснили, что "роща Мимера" означает мировое дерево, и утверждали, что, когда пламя Сурта уничтожило всех остальных смертных, этой единственной человеческой паре удалось взобраться на какую-то определенную ветвь мирового дерева, где они были защищены от разрушительной стихии. Предполагалось, что там они будут питаться утренней росой до конца Рагнарека и до тех пор, пока не смогут спуститься из своего убежища в Игдрасиле на землю, поднявшуюся из моря, и там стать прародителями более счастливой человеческой расы.

Согласно этой интерпретации, Игдрасиль был деревом, ствол и ветви которого можно было обхватить человеческими руками, и предполагается, что одно или несколько утра с сопутствующей утренней росой приходили и уходили, в то время как огонь окутывал все творение, и после того, как солнце было проглочено волком, а звезды упали с небес (Гильфаг., 55; Велусп., 54)! И с этой ужасной катастрофой на глазах Лиф и Лейфтрейсер должны сидеть с совершенным безразличием, поедая утреннюю росу!

Для научной репутации *mythical inquiry* было бы хорошо, если бы такого рода исследований избегали, если они не являются необходимыми из-за самих источников.

Если бы на приведенные выше доказательства, представленные Вафтруднерсмаглом в этом вопросе, было уделено достаточное внимание, недоразумения можно было бы избежать, и заявление Гильфагининга не было бы истолковано как означающее, что Лиф и Лейфтрейсер обитали в роще Мимера *только* во время Рагнарека. Ибо Вафтруднерсмагл прямо заявляет, что эта человеческая пара находится в полной безопасности в роще Мимера, *в то время как долгая и ужасная зима, фимбул-зима, посещает землю и уничтожает ее обитателей*. Только после окончания этой зимы великаны и боги собирают свои силы для решающего конфликта на равнинах Вигрид; и когда этот конфликт заканчивается, наступает пожар мира, а за ним и возрождение. Что касается продолжительности зимы фимбул, Гильфагининг (гл. 55) утверждает, что она продолжалась три года "без какого-либо промежуточного лета".

Следовательно, у Лифа и Лейфтрейзера должно было быть надежное убежище в роще Мимера во время зимы фимбул, предшествующей Рагнароку. И, соответственно, идея о том, что они были там только во время Рагнарека, и все странные домыслы, основанные на этом, необоснованны. Они продолжают оставаться там, пока бушует зима, и во время всех эпизодов, характеризующих продвижение мира к гибели, и, наконец, также, как сообщает Гильфагининг, во время пожара и возрождения мира.

Таким образом, объясняется, почему миф считает важным информировать нас о том, как Лиф и Лейфтрейсер поддерживают себя во время своего пребывания в роще Мимера. Мифу не пришлось бы в голову представить этот вопрос и ответить на него, если бы пребывание человеческой пары в роще не продолжалось некоторое время. Их пища - утренняя роса.

Утренняя роса из Игдрасиля, согласно мифологии, была сладким и чудесным лакомством, и в популярных традициях средневекового тевтонского ордена утренняя роса сохранила свою репутацию за необычные питательные свойства. Согласно мифу, он испаряется с мирового дерева, которое стоит, вечно зеленое и цветущее, над священными источниками Урд и Мимер, и капает оттуда "в долины" (Völuspa, 18, 28; Гильфаг., 16). И поскольку мировое дерево окропляется и получает свой животворящий сок из этих источников, то из этого следует, что жидкость его утренней росы по существу такая же, как жидкость подземных источников, которые содержат эликсир жизни, мудрости и поэзии (ср. № № 72, 82 и в других местах).

В какое время роща Мимера была открыта как убежище для Лифа и Лейфтрейзера, произошло ли это во время зимы фимбул или незадолго до нее, или, возможно, задолго до нее, об этом нет ни слова в отрывках, процитированных у Вафтруднерсмаля. Но в ходе следующего расследования проблема должна быть решена.

Тевтонская мифология не рассматривала возрождение мира как новое творение. Жизнь, которая на заре времени возникла из хаоса, не уничтожается пламенем Сурта, но спасает себя, очищенная, для грядущей эпохи мира. Мировое дерево переживает пожар, ибо оно бросает вызов как краю, так и огню (Фьольсвиннсм, 20, 21). Равнины Иды не уничтожены. После Рагнарека, как и в начале времен, они являются сценой собраний богов (Völuspa, 57; ср. 7). Ванахейм не пострадал от разрушения, ибо Ньерд в *алдар раук* (Вафтруднерсмаль, 39) вернется туда "к мудрым Ванам". Победные жилища Одина сохранились, и после возрождения в них поселились Бальдр и Хедр (Völuspa, 59). Новое солнце - дочь старого, и родилась она перед Рагнареком (Vafthr., 47), который она проходит невредимой. Океан не исчезает в Рагнареке, ибо нынешняя земля погружается под его поверхность (Волюспа, 54), а новая земля после возрождения поднимается из своих глубин (Волюспа, 55). Боги выживают (Велуспа, 53, 56; Вафтр. 51; Гильфаг., 58). Человеческие существа выживают, ибо Lif и Leifthraser обречены стать связующим звеном между нынешней человеческой расой и лучшей расой, которая должна из нее возникнуть. Животные и растения выживают - хотя животные и растения на поверхности земли погибают; но земля, поднявшаяся из моря, была украшена зеленью, и нет ни малейшего упоминания о новом акте творения, породившем зеленую растительность. В его каскадах обитают живые существа, и над ними летает орел в поисках своей добычи (Völuspa, 56; см. Далее, № 55). Произведение искусства древности сохранилось и в новом свете. Игра в кости, в которую боги играли в юности, когда еще были свободны от забот, снова встречается среди цветов на новой земле (Völuspa, 8, 58; см. Далее, № 55).

Если бы возрождение было задумано как новое творение, совершенно новое начало жизни, то человеческая раса новой эры также началась бы с нового сотворения человеческой пары. Тогда миф о Жизни и Лейфтрейсере был бы ненужным. Но фундаментальная идея заключается в том, что жизнь новой эры должна быть продолжением нынешней жизни, очищенной и развитой до совершенства, и с точки зрения этой фундаментальной идеи необходимы Жизнь и Лейфтрейсер.

Идея совершенствования наиболее четко выражена в отношении как физического, так и духовного состояния будущего мира. Все слабое и злое будет искуплено (*bauls mun allz batna*— Völuspa, 59). В этом совершенстве природы незасеянные людьми поля дадут свои урожаи. Чтобы обезопасить восстановленный мир от повторения ошибок прошлого, миф применяет

радикальные меры — настолько радикальные, что сам великий Ас, Вальфатер, должен уйти со сцены, чтобы его сын, совершенно безупречный Бальдр, мог быть центром собрания избранных богов. Но мифология не достигла бы своей цели, если бы не применяла столь же радикальные меры в выборе людей и заботе о них, которые должны увековечить нашу расу после Рагнарека; ибо, если в прародителях есть семя разложения, оно разовьется в их потомках.

Неужели мифология забыла удовлетворить это логическое требование? Требование не больше того, которое предъявляется к любому произведению фантазии любой эпохи. Я не хочу сказать, что логическое утверждение, сделанное в отношении мифологии, или что вывод, который может быть логически сделан из предпосылок мифологии, следует рассматривать как доказательство того, что мифология действительно удовлетворяет этому требованию, и что сама мифология была развита в свое логическое завершение. Я просто хочу указать, в чем заключается претензия, и в следующем месте я желаю исследовать, есть ли доказательства того, что претензия была удовлетворена.

С точки зрения того, что в мифологической системе должна быть логическая гармония, необходимо:

1. Что Лиф и Лейфтрейзер, когда они входят в свое убежище, Маймерс-гроув, являются физически и духовно неповрежденными людьми.

2. Что во время их пребывания в роще Мимера они защищены от:

(a) Духовная деградация.

(b) Физическая деградация.

(c) Против всего, что угрожает самому их существованию.

Что касается последнего пункта (2c), мы уже знаем от Вафтруднерсмала, что место убежища, которое они получили поблизости от тех источников, которые никогда не иссякающими жилами питают жизнь мирового древа, недоступно ни морозам зимы фимбул, ни пламени Рагнарека. Таким образом, это требование удовлетворено полностью.

Что касается второго пункта (2b), вышеупомянутые мифические предания сохранили со времен язычества память о роще в подземных владениях Гудмунд-Мимер, отведенной для живых людей, а не для мертвых, и защищенной от болезней, старения и смерти. Таким образом, удовлетворяется и это требование.

Что касается третьего пункта (2a), все, что мы знаем в настоящее время, это то, что там, в нижнем мире, находится закрытое место, то самое, в которое смерть не может войти, и из которого даже *те* смертные изгнаны божественным повелением, которые допущены к святым источникам и сокровищницам нижнего мира, и которым было позволено увидеть области блаженства и места наказания там. Таким образом, создается впечатление, что все контакты между теми, кто живет там, и теми, кто принимает участие в событиях нашего мира, прерваны. Царства Мимера и нижнего мира, согласно сагам — и, как мы увидим позже, согласно самим мифам, — время от времени открывались для смелых искателей приключений, которые видели их чудеса, заглядывали в их замечательные источники, на их равнины для развлечения теней героев и в их места наказания нечестивцев. Но есть одно место, которое было недоступно для них, поле, объявленное неприкосновенным божественным повелением ("Сага о Горме"), место,

окруженное стеной, войти в которое могут только те существа, которые могут пройти через мельчайшие щели ("Сага о Хаддинге").^[37] Но то, что эта трудность входа также должна была исключить моральное зло, которым запятнано человечество нашего века, прямо не указано.

Таким образом, нам еще предстоит изучить, содержат ли оригинальные документы языческих времен какие-либо утверждения, которые могут пролить свет на этот предмет. В отношении

что касается пункта (1), содержащийся в нем вопрос о том, представляли ли Лиф и Лейфтрейзера физически и морально незапятнанными в то время, когда они вошли в рощу Мимера, может быть решен только в том случае, если мы в старых записях сможем найти доказательства того, что мудрая, предвидящая сила открыла для них рощу Мимера как убежище в то время, когда человечество в целом еще не стало жертвой физических и моральных страданий. Но в ту самую первобытную эпоху, в которую, как предполагается, произошло большинство событий мифологии, творение уже стало жертвой разложения. Было время, когда жизнь богов была счастьем и радостью юношеской активности; состояние мира не вызывало у них беспокойства, и, свободные от забот, они забавлялись чудесной игрой в кости (Волюспа, 7, 8). Но золотой век закончился физическими и моральными катастрофами. Воздух был пропитан коварным злом; Фрейя, богиня плодородия и скромности, была вероломно предана в руки ледяных великанов; на земле волшебница Хейд (*Хейд*) расхаживала с важным видом, обучая секретам черной магии, которая была враждебна богам и вредна для человека. В мире разразилась первая великая война (Велуспа, 21, 22, 26). Последствия этого ощущаются на протяжении исторических эпох, вплоть до Рагнарека. Разложение природы достигает кульминации в фимбул-зиму последних дней; разложение человечества достигает своего апогея в "эпоху топора и ножа". Отделение Лифа и Лейфтрейзера от их расы и заключение в роще Маймера должно было произойти до вышеупомянутых катастроф в начале времен, если должна быть гарантия того, что человеческая раса нового света не унаследует и не разовьет дефекты и слабости нынешних исторических поколений.

(Продолжение части IV Тома II.)

СНОСКИ:

[1] Виктор Ридберг оформляет свою работу как *Исследование германской мифологии*, но после консультации с издателями переводчик решил использовать слово *тевтонский* вместо *германский* как в названии, так и в основной части работы. В английском языке слова *German*, *Германия* и *германский* имеют неоднозначное значение. У скандинавов и немцев есть слова *Tyskland*, *tysk*, *Deutschland*, *deutsch*, когда они хотят сослаться на нынешнюю Германию, и поэтому им легко использовать слова *German* и *Germanisk* для коллективного описания германских или тевтонских народов. Английский язык применяет вышеупомянутое слово "*голландский*" не к Германии, а к Голландии, и необходимо использовать слова "*Немецкий*" и "*Германия*" при переводе "*deutsch*", "*Deutschland*", "*tysk*" и "*Tyskland*". Тевтонский уже был принят Максом Мюллером и другими учеными в Англии и Америке как обозначение всех родственных ветвей, происходящих от одного и того же корня и говорящих на диалектах одного и того же первоначального языка. Слова *Тевтон*, *Teutonic* и *Teutondom* также имеют преимущество перед немецким и германским языками в том, что они произрастают самостоятельно, а не заимствованы из иностранного языка. Таким образом, на следующих

страницах слово "тевтонский" будет использоваться для описания скандинавов, немцев, англосаксов и т.д. в совокупности, в то время как немецкий язык будет использоваться исключительно в отношении собственно Германии. -Переводчик.

[2] Сравните О. Schrader, *Sprachvergleichung und Urgeschichte* (1883).

[3] Столько земли, сколько можно вспахать за день.

[4] Перевод Младшей Эдды в прозе был отредактирован Р. Б. Андерсоном и опубликован издательством S. C. Griggs & Co., Чикаго, в 1881 году.

[5]

"Mennor der erste was genant,
Dem diutische rede got tet bekant."

Позже в этой работе мы обсудим традиции приготовления маннуссаги, распространенные в Скандинавии и Германии.

[6] Суббота на Севере называется Левердаг, Lördag— то есть Laugardag= день купания.—Tr.

[7] Снежные коньки, которые так широко используются на севере Европы, в норвежском языке называются *Лыжи*, и я взял на себя смелость ввести это слово здесь и написать его фонетически -ски, ср. *лыжи*. Слова "снегоступы", "снежные коньки" едва ли в достаточной степени описывают лыжи, которыми пользовались финны, скандинавы и исландцы. Сравните английское слово *skid*, сопротивление, применяемое к колесу кареты.-Tr.

[8] Гейер частично указал на его значение в книге "*Svea Rikes Häfder*", где он говорит: "Традиция использования Скирды примечательна, поскольку она, очевидно, имеет отношение к внедрению сельского хозяйства и показывает, что впервые она была введена в самой южной части Скандинавии".

[9] Поэма о Беовульфе носит название Скедланд (Скандия): сравните название Скадан в оригинале *Longobardorum*. Ethelwerd writes: "Ipse Skef cum uno dromone advectus est in insulam Oceani, quæ dicitur Scani, armis circumdatus," &c.

[10] Маттеус Вестмонаст. переводится это название как *frumenti manipulus*, связка.

[11] Первые девять книг Саксона образуют лабиринт, построенный из мифов, связанных как история, но нити Ариадны, похоже, не хватает. По этой причине можно предположить, что Саксон произвольно и неметодично обращался с имеющимися в его распоряжении богатыми мифическими материалами; и мы должны иметь в виду, что в его время этих мифических материалов было гораздо больше, чем в последующие столетия, когда они были записаны исландскими авторами. Однако это предположение неверно. Саксон методично и скрупулезно изучал свои источники и обращался с ними со всем должным почтением, когда взял на себя отчаянную задачу создать с помощью имеющихся под рукой мифических преданий и героических поэм хронику, охватывающую несколько столетий — хронику, в которой пятьдесят-шестьдесят сменяющих друг друга правителей должны были появляться на сцене и снова

сходить с нее, в то время как мифы и героические традиции охватывают лишь несколько поколений, и большинство мифических личностей продолжают существовать во все века. По самой природе дела Саксон был вынужден, чтобы решить эту проблему, разложить свой материал по полочкам; но тщательное изучение вышеупомянутых книг по его истории показывает, что он последовательно обращался с преступником. Простейшим из правил, которым он следовал, было воспользоваться полиномией, которой перегружены мифы и героические поэмы, и сделать это следующим образом:

Предположим, что у человека в мифических или героических поэмах было три или четыре имени или эпитета (возможно, у него их было множество). Мы будем называть этого человека А, а различные формы его имени А', А", А"". Задача Саксона воспроизвести цепочку событий, проходящую через многие столетия, заставила его рассматривать три имени А', А"" и А"""" как первоначально трех личностей, которые совершали определенные сходные подвиги и, следовательно, со временем были перепутаны друг с другом и объединены авторами мифов и историй в одно лицо А. Насколько это в его силах, Саксон пытается разрешить этот мифический продукт, состоящий, по его мнению, из исторических элементов, и распределить подвиги, приписываемые А, между А', А" и А"". Также может случиться так, что одна или несколько историй, примененных к А, были найдены более или менее разными в разных источниках. В таких случаях он сообщал *одни и те же* истории с небольшими вариациями насчет "А", "А" и "А"". Оставшиеся сходства образуют *одну* важную группу указаний, которые он предоставил, чтобы направлять нас, но которые могут заверить нас в том, что наше расследование идет в правильном направлении только тогда, когда оно подтверждается указаниями, принадлежащими другим группам, или утверждениями, сохранившимися в других источниках.

Но в событиях, которые Саксон таким образом описывает об А', А" и А""", упоминаются и другие лица. Мы предположим, что в мифах и героических поэмах они были названы В и С. Они также имели в песнях скальдов несколько имен и эпитетов. В также назывался В', В", В"". С также стилизовался под С', С", С"". Из этого одного подчиненного лица В Саксон, с помощью обилия имен, создает столько же подчиненных лиц — В', В" и В""- сколько он создал из первоначального главного лица А, то есть главных лиц А', А" и А"". То же самое и с С, и таким образом мы получили следующие аналогии:

А' относится к В' и С' как
А"В" С" и как
А"" В""С"".

Сравнивая все, что связано с этими девятью именами, мы получаем возможность постепенно составить более или менее правильное представление о том, что содержалось в первоначальном мифе относительно А, В и С. Если затем случается — как это часто бывает, — что два или более имен А', В', С' и с. встречаются в исландских или других документах и принадлежат лицам, чьи приключения в некоторых отношениях совпадают, а в других отношениях становятся более ясными и полными благодаря тому, что Саксон рассказывает об А', А" и А"" и с., тогда уместно продолжить расследование в начатом таким образом направлении. Если, таким образом, каждый новый шаг приводит к новым подтверждениям из различных источников, и если восстановленный таким образом миф легко вписывается в

эпический цикл мифов и образует необходимое звено в цепи событий, то расследование дало желаемый результат.

Нередко помощь в расследовании оказывало то обстоятельство, что имен, имевшихся в распоряжении Сахо, было недостаточно для выполнения всех пунктов приведенной выше схемы. Затем мы находим аналогии, которые открывают нам, так сказать, короткие пути — например, следующие:

A' относится к B' и C' как
" B' C" и как
A'''B" C'.

Параллели, приведенные в приведенном выше тексте, являются конкретным примером приведенной выше схемы. Ибо мы видели —

A=Хальфдан, утроенный в A'=Грамм, A"=Хальфдан Бергграм, A'''=Хальфдан Боргарсон.

B=Эббо (Эбур, Ибор, Джефурр), утроенный в B'=Хенрикус, B"=Эббо,
B'''=Сиварус.

C удвоилось в C'= Svipdag и C"=Ericus.

[12] Соль в тевтонских языках женского рода.—Tr.

[13] То, что какой-то из богов носил шлем с такой короной, можно увидеть на одном из золотых рогов, найденных близ Галлеууса. Там дважды встречается существо в шлеме, снабженном длинными, изогнутыми, заостренными рогами. Рядом с ним нарисован баран, а в руке у него что-то похожее на посох, который заканчивается кругом и, возможно, символизирует рог Хеймдаля.

[14] В другом месте будет показано, что герои, упоминаемые в поэзии средневековья под именами Вальдере, Вальтер, Вальтариус мануфортис и Валтер из Васкастена, являются вариациями имени одного и того же мифического типа, преобразованного в героя-человека, а также Ивальде из скандинавских документов (см. № 123). .

[15] Урд, главная богиня судьбы. Смотрите трактат "Мифен ом Под-иорданом".

[16] *Dayling* = яркий сын дня или света.

[17] Доказательства первоначальной идентичности Тьяссе и Волунда приведены в № 113-115.

[18] В Волюспе древесину называют одновременно *Jarnvidr*, *Gaglvidr* (Код. Пер.) и *Galgvidr* (код. Nauk.). Возможно, здесь мы имеем ископаемое слово, сохранившееся в *Völuspa*, означающее металл. Возможно, лес был медным или бронзовым, прежде чем стал железным. Сравните *гхалга*, *гхалги* (Фик., ii. 578) = металл, который, опять же, следует сравнить с *мелом*. = медь, бронза.

[19] В псевдотопическом рассказе Брагарадура о скальдическом меде (Младшая Эдда, 216 и далее) также появляется имя *Фьяларр*. Что касается стоимости этого аккаунта, смотрите расследование в № 89.

[20] "Инглингасага" - первые главы "Хеймскринглы" Снорре Стурласона.

[21] Автор "*Брагарадура*" в "Младшей Эдде" понял этот отрывок так, что асы, увидев приближающегося Тьясса, вынесли много щепок, которые разожгли (!)

[22] В том же стихотворении художник-эльф Даинн и художник-"гном" Двалинн символизируются как олени, странник Ратр (см. Ниже) - как белка, великан-волк *сыновья Графвитнера* - как змеи, мост Бифрост - как рыба (см. № 93) и т.д. К счастью для семьи, эльф-художник Даинн и художник-"гном" Двалинн символизируются как олени. понимание наших мифических записей о такой символике ограничено несколькими строфами в названном стихотворении, и эти строфы, по-видимому, изначально принадлежали независимой песне, которая специализировалась на такого рода символизме, и были включены в Гримнисмаль в более поздние времена.

[23] *Filii Gram, Guthormus et Hadingus, quorum alterum Gro, alterum Signe enixa est, Svipdagero Daniam obtinente, per educatorem suum Brache nave Svetiam deportati, Vagnophto et Haphlio gigantibus non solum alendi, verum etiam defensandi traduntur* (Saxo Hist., 34).

[24] Форма *Loki* также дублируется формой *Lokr*. Последнее сохраняется в значении "женоподобный мужчина", встречающемся в мифах о Локе. Сравните фразу "*вейкр Локр*" с "*хинн вейки Локи*".

[25] Кривой меч, как явствует из нескольких отрывков в сагах, долгое время рассматривался нашими языческими предками как иностранная форма оружия, используемая гигантами, но не богами или героями Мидгарда.

[26] Сравните Форнальд., ii. 118, где герой саги взывает к *Гуси*, который бежит за ним с "2 хрейна ок вагн"—

*Skrid thu af kjalka,
Kyrr thu hreina,
seggr síðförlull
seg hvattu heitir!*

[27] Сравните двойные формы *Триго*, *Тригир*; *Иварус*, *Иварус*; *Сиббо*, *Сиббо*; *Сирита*, *Сирита*; *Сивардус*, *Сивардус*; *Гиберния*, *Гибридния*; *Изора*, *Изора*.

[28] *Deseruit eum (Hun) quoque Uggerus vates, vir ætatis incognitæ et supra humanum terminum prolixæ; qui Frothonem transfugæ titulo petens quidquid ab Hunis parabatur edocuit (Hist., 238).*

[29] Сравните отрывок, *Эйрик конунгр филкти сва лиди сину, в рани (свиное рыло) вар а фраман а филкинганни, ок лукт алльт утан мед скьялдбьерг*, (Fornm., xi. 304), с отрывком, цитируемым в этой связи: *хилдингр филкти Хамалт лиди миклу*.

[30] Сага о Сигурде Фафнерсбейне, вобравшая в себя материалы всех более старых саг, также включила этот эпизод. В морском путешествии Сигурд берет на борт человека, который называет себя *Хникарром* (имя Одина). Он советует ему "*филкья Хамалт*" (Сиг. Фафн., ii. 16-23).

[31] Почти во всех названиях членов этого семейства Hild- или -brand появляется как часть сложного слова. Все, что, по-видимому, означают эти имена, это то, что их владельцы принадлежат к расе Хильдингов. Примеры:—

Old High German fragment.	Wolfdietrich	Völkingsaga.	A popular song about Hildebrand.	Fundin Noregur.	Flateybook, i. 25.	Asmund Kempebane's Saga.
Herbrand	Berchtung.	Hildebrand.	Hildebrand.	Hildir.	Hildir.	Hildebrand.
Hildebrand.	Herbrand	Alebrand.	The younger Hildebrand.	Hildebrand.	Hildebrand.	Heige.
Hadubrand.	Hildebrand.			Hildir.	Vigbrand.	Hildebrand.
				Herbrand.	Hildir.	
					Herbrand.	

[32] Сравните слова умирающего героя из саги Асмунда Кемпбане:

*тик Дротт из бара
в Данморку
и микеланджело
в Свитиоду.*

[33] В текстах Иордана часто опускается придаточное и вместо Херули пишется эрули и т.д. Что касается формы имени Амаль, Клосс замечает в своем издании 1886 года: Амаль, *sic*, *Ambr. cum Epit.* и все же, *ниси квод хи Хамал аспирирует*.

[34] *Cujus transeundi cupidos revocavit, docens, eo alveo humana a monstrosis rerum secrevisse naturam, nec mortalibus ultra fas esse vestigiis.*

[35] *Inde digressis dolia septem zonis aureis circumligata panduntur, quibus pensiles ex argento circuli crebros inseruerant nexus.*

[36] Слово *biti*= зуб (ср. укус) становится в составе *leggbiti*, названия меча.

[37] *Продукт муруса, преодолевающий трудности одержимости, где-то фемина (подземная богиня, которая является проводником Хаддинга) некиквам транссилуре коната, а не изгнание профицита* (Саксон, *История. Дан.*, i. 51).